Алиса в Зазеркалье

Л. Кэрролл

Л

Алиса в Зазеркалье

Льюис Кэрролл

Аннотация
Л. Кэрролл. АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ
ЕИВОЛСИДЕРП. О том, кто написал эту книгу
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
Глава первая. ДОМ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ
Глава вторая. В САДУ ГОВОРЯЩИХ ЦВЕТОВ
Глава третья. ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ
Глава четвертая. ТИЛИБОМ И ТАРАРАМ
Глава пятая. ПУХ-ПЕРО
Глава шестая. ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ
Глава седьмая. ЛЕВ И ЕДИНОРОГ
Глава восьмая. «ЭТО Я САМ ДОДУМАЛСЯ!»
Глава девятая. КОРОЛЕВА АЛИСА
Глава десятая. ВСТРЯСКА
Глава одиннадцатая. ПРОБУЖДЕНИЕ
Глава двенадцатая. КОМУ ВСЕ ЭТО ПРИСНИЛОСЬ

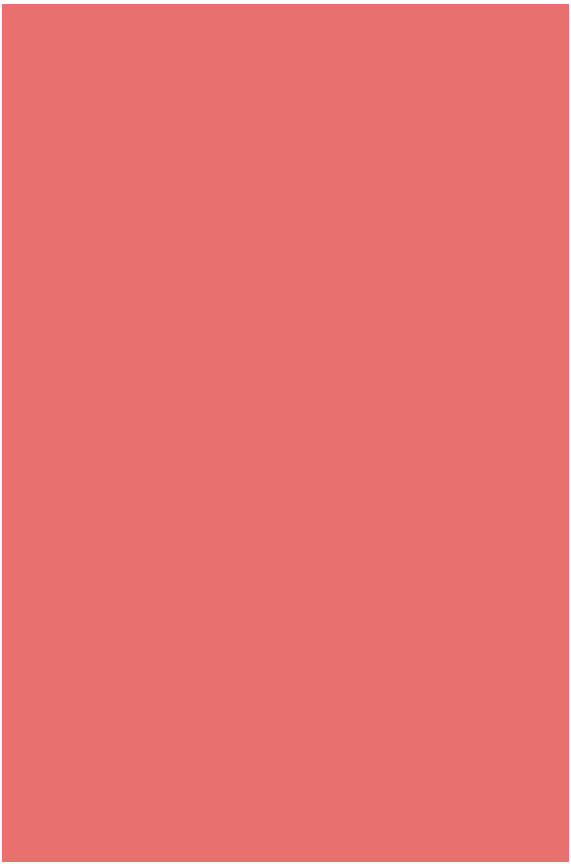
Аннотация

Веселая и поучительная сказочная повесть классика английской литературы о приключениях маленькой девочки.

Перевод с английского и предисловие *Вл. Орла*.

Художник *Г. Калиновский*.

Алиса в Зазеркалье

Л. Кэрролл

СКАЗКА

Перевод с английского

Москва
«Детская литература»
1980

Л. Кэрролл
АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Lewis Carroll
THROUGH THE LOOKING-GLASS AND WHAT ALICE FOUND THERE
London 1871

ЕИВОЛСИДЕРП
О том, кто написал эту книгу

Свойство зеркальце имело:
говорить оно умело.
А. С.Пушкин

Как говорится в одной старинной английской сказке,

> «в доброе старое время — а оно и в самом деле было доброе время, хотя было то не мое время, и не твое время, да и ничье-то время»,

а точнее, сто четыре года тому назад появилась на свет эта книга.

Написал ее Льюис Кэрролл, он же — Чарльз Лутвидж Доджсон, и уже одно это говорит, что он был человек необыкновенный. Кто же еще может похвалиться, что у него есть пять имен сразу?

Поэтому никто бы не удивился, если бы дальше было написано:

> «У Кэрролла была длинная зеленая борода и страшные острые зубы. За поясом

у него торчал кинжал, а на боку висел пистолет. Глаза у него, уважаемый читатель, были желтые, как у кота, а уши — огромные, как тарелки. Этот известный английский писатель говорил жутким басом и катался верхом на носороге. Больше всего на свете он любил дразнить малышей и издеваться над старушками. В выходные дни он обычно бил стекла соседям, а в будни стрелял из рогатки в кошек. Таков (вкратце) его портрет».

И кое-кто, возможно, поверил бы, что так оно и есть: что поделаешь — необыкновенный писатель.

Но на самом-то деле правды в этой ерунде всего два слова: Льюис Кэрролл действительно английский писатель. А все остальное я выдумал специально для того, чтобы вы поняли, что слова «необыкновенный», «со странностями», «чудаковатый» и даже, если угодно, «экстравагантный», может быть, и имеют какое-то отношение к Кэрроллу, но уж во всяком случае их недостаточно, чтобы все о нем рассказать.

Да и потом, если Кэрролл кажется вам непонятным или странным, то это беда не Кэрролла,

а ваша.

Необыкновенны в этой книге не шутки Кэрролла. Необыкновенно то, что он САМ ИХ ПРИДУМАЛ. Причем не нарочно — они получились у него сами собой. И вот это воистину достойно удивления.

Он не вычитал их в книжке, не отыскал в календаре, не услышал от знакомых — они сами пришли ему в голову. А ему оставалось только записать их на бумаге.

Правда, уже до Кэрролла (и задолго до Кэрролла) англичане знали и почитали Шалтая-Болтая, Тилибома и Тарарама, а также Льва и Единорога, которые и по сей день не сходят с британского герба, но после Кэрролла все они приобрели самую настоящую мировую известность.

Так что отчасти Шалтай-Болтай прав — он тоже История Родного Края, история Англии и ее народа.

Но «необыкновенный», пожалуй, слишком слабое слово. Кэрролл был невероятный человек, о чем судить можно по одному его письму, которое он послал своей знакомой, совсем маленькой девочке. Вот оно, это письмо. Наверное, ничего похожего никто никогда никому не писал:

До я Ина!

Я, правда, не подарил тебе под на день дения, но вот — пишу тебе деньрожденное . Я подошел к твоему и уже хотел было пос ть в , но тут на меня наскочила . Она приняла меня за , загнала на , и там я отдышался. Я кое-как добрался до , но там я повстречал , которая, наобо , приняла меня за и стала в меня швыряться и . А авай бежать: выскочил на улицу и наткнулся на , которая приняла меня за . Ну, она и потащила меня в город Мэрроу. Вот поэтому я и не сумел до тебя добраться.

Очень хорошо, что ты вызубрила всю . Меня э адовало.

Я успел заглянуть на кухню и увидал праздничный из крошек, и гороха. «Ну вот, — подумал я, — теперь она будет по- тоящему щаслива!!!» — и с радостной пошел своей .

По-моему, каждый был бы рад получить такое .

Итак, мы установили: Льюис Кэрролл был невероятный человек. Впрочем, своей удивительной фантазией, неправдоподобной силой воображе-

ния он обязан не только себе.

Эта фантазия, свобода мысли, вид свободомыслия были, наверно, развиты в нем еще и благодаря его профессии — труду математика.

Кэрролла можно считать одним из основателей высшего раздела математики — математической логики. И вполне понятно, что как раз основателю науки и требуется возможно большая свобода суждений: ведь перед ним стоит почти неразрешимая задача — придумать новую науку. Это так же трудно, как придумать новую шутку.

И то и другое легко, кажется почти без труда, давалось Кэрроллу.

Его литературный дар вырос из сравнительно незначительной задачи — развлечь чем-нибудь трех сестер, девочек по фамилии Лидделл, которых он катал на лодке по узкой речке Айсиз.

Его математические труды впрямую связаны с теми шутливыми задачами и парадоксами, которые он придумал, чтобы развлечь себя и своих домашних.

Но даже из этого удивительно счастливого для нас соединения дарований могло бы ничего не получиться, если бы не одно обстоятельство: Кэрролл родился и вырос в Англии, он был воспитан на всем лучшем, что к тому времени создала

английская литература — и народная, и профессиональная.

Ему, как вы уже знаете, были отлично известны и Шалтай-Болтай, и Тилибом, и Тарарам; он прекрасно знал историю трех поросят; он читал Свифта, и важный титул короля Лилипутии — Гольбасто момарен эвлем гердайло шефин молли олли гой — был известен ему не хуже, чем имя царствовавшей в 1871 году английской королевы (ее звали Виктория); он знал и Стерна, и Диккенса — вероятно, самых остроумных из всех английских писателей.

И вот это знание (в которое, на полном серьезе, входит и знание «Трех поросят») того, что написано его предшественниками и современниками, того, что сложено самим английским народом, — это знание и есть та третья сила, которая вызвала к жизни две самые замечательные книги Кэрролла — «Алису в Стране Чудес» и ту, которая сейчас перед вами.

Есть такой город Лимерик. Говорят, когда-то какой-то человек из этого самого города первый придумал смешной, дурацкий стишок из пяти строчек. Эта форма всем англичанам очень понравилась, и все, кому хотелось пошутить, стали писать лимерики (так их назвали, эти стихи, в

честь города). Писал лимерики и Льюис Кэрролл. Может быть, если привести тут несколько лимериков, станет понятнее, что обычно имеется в виду, когда говорят об «английском юморе» (название не очень честное — любой человек может научиться шутить так же).

Воскликнул один бородач:
«Ну что же мне делать!
Хоть плачь!
Живут, как в гнезде,
В моей бороде
Сорока, ворона и грач».

*

Девица из города Ницца
Худела — и стала как спица.
И дома, одна,
Боится она
Сквозь щелку в полу провалиться.

*

Жил-был один парень в Испании,
Страдавший от недосыпания.

Он спал на столе,
На голой земле
И даже во время купания.

*

Любитель животных усиленно
Ватрушками потчевал филина,
Поскольку ватрушки
Вкусней, чем лягушки,
И очень полезны для филина.

*

Поэт сочиняет поэму,
Поэму про страуса эму,
Мечтая о том,
Как выпустит том,
В котором, наконец, полностью разовьет эту, достойную такой длинной строчки, блестящую тему.

Только у одного из этих пяти лимериков есть свой, определенный автор. Все остальные написаны неизвестно кем и неизвестно когда. А теперь представьте себе, что таких лимериков — сотни,

что они, можно сказать, носятся в воздухе. Тут уж хочешь не хочешь, а станешь шутить. И если к этому еще добавить невероятность Кэрролла и математический склад его ума, то неудивительно, что…

Нет, вероятно, ни одного поэта на свете, у которого не было бы стихотворения про зеркало. Странно, не правда ли?

Впрочем, не так уж странно. Зеркало — предмет, как будто специально предназначенный для поэзии. Оно словно само подставляет себя так, чтобы его заметили, чтобы о нем написали.

Во-первых, зеркало всегда отражает не все, что мы видим по эту его сторону. Значит, неизвестно, что находится за зеркалом в тех местах, куда мы не можем заглянуть. Может быть, так же как по нашу сторону, там стоит диван или книжный шкаф, а может быть, и нет.

Во-вторых, в зеркале мы не всегда видим то, что есть на самом деле. Например, часы. Зазеркальные часы вообще идут в другую сторону — против часовой стрелки, в чем вы можете убедиться сами. Наше отражение держит ложку в левой руке и читает книжки, напечатанные совершенно немыслимым образом.

В-третьих, как ни старайся — в зеркале не

удастся увидеть себя таким, какой ты есть. В тот момент, когда мы попытаемся украдкой посмотреть на собственное отражение, оно сделает то же самое, и мы так и не узнаем, как мы выглядим, когда, например, читаем книжку или моем руки.

Значит, про то, что существует за зеркалом, мы знаем пока очень-очень мало.

Откуда же все-таки можно узнать, что происходит в тех местах Зазеркалья, которых мы с вами в принципе не можем разглядеть? Нам может помочь в этом только наше воображение. Силой данного нам воображения мы можем населить невидимую часть Зазеркалья кем только нам вздумается, сделать его большим или маленьким, веселым или унылым.

Следовательно, невидимое по эту сторону Зазеркалье — целиком и полностью плод нашей фантазии. И то, как выглядит Зазеркалье, зависит от того, кто о нем думает, кто фантазирует.

В книге Кэрролла — это Зазеркалье девочки Алисы, оно, если угодно, устроено, как сама Алиса, вернее, как очень важная ее часть — фантазия.

Но сама Алиса в этом не очень уверена: все время ее занимает, она ли «автор» Зазеркалья. Или, может быть, все это — сон не слишком симпатичного Черного Короля? Ведь именно это

втолковывают Алисе обитатели Зазеркалья.

Самое удивительное, пожалуй, то, что Алисе, как она ни будет стараться, не удастся их переспорить. Ведь любое доказательство, что она существует на самом деле, что она «взаправдашняя», можно вывернуть наизнанку; так и поступают Тилибом и Тарарам — они объявляют, что и сама Алиса, и ее слезы, и то, что она говорит, — всего лишь чужой сон.

Обидно, правда? Но как раз в этом-то «обидно» и скрыт настоящий ответ. «Обидно» — это то, что внутри Алисы; «не хочу быть сном» — тоже внутри Алисы. Это она наверняка чувствует сама. И значит, не снится Черному Королю, а существует на самом деле!

В книге Кэрролла — пусть в виде сказки — утверждается очень важная для всех нас мысль: мысль о свободе, о силе человеческого духа, о том, что человек не снится, он есть на самом деле.

Зазеркальный мир… Мы уже заметили, какой он странный, как он не похож на наш. Часы в нем идут задом наперед, да и других необычностей более чем достаточно.

Кстати, даже научиться передвигаться за зеркалом человеку не просто. Ведь,наученные нашим обычным опытом, мы и за зеркалом будем дви-

гаться по направлению к какому-то предмету — и тем самым удаляться от цели, его отражения.

Оказывается, то, что происходит за зеркалом в сказке Льюиса Кэрролла, очень напоминает то, как представляют себе наш мир физики. Вот, например, Белая Королева, которой, как она говорит, целых сто лет. Она ведь не просто привирает. Если допустить, что в Зазеркалье можно двигаться очень быстро (а вы потом увидите, что так оно и есть), то по одному закону природы окружающим действительно должно казаться, что Белая Королева уже целый век носится по Зазеркалью.

А на самом-то деле она даже немножко моложе Алисы (ей лет семь, не больше).

И вообще все в Зазеркалье удивительно. Вот у нас — иди хоть целый месяц, а назад никак не попадешь (если, конечно, идти все время вперед), а вот за зеркалом все не так: попадешь назад и даже поворачивать не, придется.

Но для того чтобы толком в этом разобраться, обязательно нужно очень много знать (и между прочим, хорошо знать математику). Так что с более обстоятельными объяснениями читателям поменьше придется подождать.

Итак, Зазеркалье. А в Зазеркалье, оказывается, шахматная страна. Значит, и про шахматы

нужно знать хоть что-нибудь. Но рассказывать о них пришлось бы очень долго, так что попробуем покороче.

Вот перед вами шахматная доска. Фигуры стоят, как положено перед началом игры. Снизу — белые, сверху — черные. Под каждой фигурой подписано, как она называется.

В шахматах имена есть не только у фигур, но и у клеток. Шахматисты, как моряки, называют каждую клетку (или квадрат) буквой и цифрой. Если вы когда-нибудь играли в морской бой, то сразу поймете, как это делается.

(Последние несколько строк, конечно, относятся к самым маленьким читателям. И пусть те, что постарше, да и взрослые, не обижаются. Ведь нужно, чтобы все, кто будет читать эту книгу, ее поняли.)

Почему же именно шахматы оказались по ту сторону зеркала? Да очень просто. Шахматы ведь и в зеркале остаются точно такими же, им, следовательно, легче, чем нам, селиться в Зазеркалье. Такими же, да не совсем. Вот если мы договоримся, что за зеркалом все черное — белое, а белое — черное, тогда те шахматы будут в точности такими же, как эти. Почему — я объяснять не буду: подумайте и догадайтесь сами.

Ну вот. Перед нами Зазеркалье — страна странных законов, край, где белое — черное, а черное — белое, место, где часы идут задом наперед. Сюда и попадает девочка Алиса, которая уже знакома вам по первой книге Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». И ожидает ее масса удивительных приключений.

А ведь Алиса была самой настоящей девочкой, звали ее Алиса Плезанс Лидделл, и именно для нее Кэрролл сочинил эту невероятную историю. И конечно, как раз ее он имел в виду, когда описывал путешествие Алисы за зеркалом.

Ей посвятил он грустные стихи, которыми начинается и кончается книжка; грустные они потому, что уже сто четыре года тому назад Алиса была совсем взрослой, и Кэрролл боялся, что читать эту сказку ей будет не очень интересно.

Но это был, пожалуй, единственный случай, когда Льюис Кэрролл ошибся: и Алиса Лидделл, и англичане, которые прочли его книгу вместе с ней, и все, кто читает ее теперь, думают совершенно по-другому.

Но не только Алиса была на самом деле. Все остальные герои сказки тоже существовали: правда, в жизни они были не такими смешными, но все-таки были.

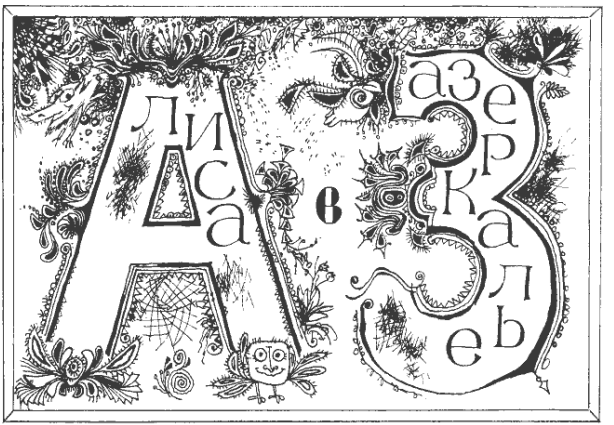
Поэтому, когда был начат перевод этой книги, было решено, что переводчик тоже обязательно должен иметь в виду каких-то живых людей, которые похожи на персонажи книги Кэрролла. Потому что хотелось, чтобы и по-русски они вышли живыми, а не просто придуманными.

Можно считать, что эти люди помогли перевести книжку, а значит, в предисловии их обязательно нужно назвать. Но чтобы некоторые из них не обиделись слишком сильно, назовем их так, чтобы только они сами догадались, что это они и есть.

Итак, большое спасибо девочке Лене, успешно выступившей в роли Алисы, Топсику, замечательно исполнившему роль Топсика, а также М. Ц., М. З., В. Ч. В. О., Л. Л., С. Л., Л. К., П. Л., А. Г., О. А., Т. Е. и многим другим.

И наконец, последнее. Это — книжка для всех: для детей и взрослых, мальчиков и девочек, и, конечно, если кто-нибудь из этих мальчиков, девочек и взрослых когда-нибудь прочтет эту книжку на том языке, на котором она была написана, — по-английски, всем нам останется только им позавидовать.

Вл. Орел

Алиса
в
Зазеркалье

Действующие лица (в положении перед началом игры):

Белые —

Тарарам. Единорог. Коза. Белая Королева. Белый Король. Старик, упавший с каланчи. Рыцарь на Белом Коне. Тилибом.

Маргаритка. Заитц. Топсик. Олененок. Карась. Шлямпник. Маргаритка.

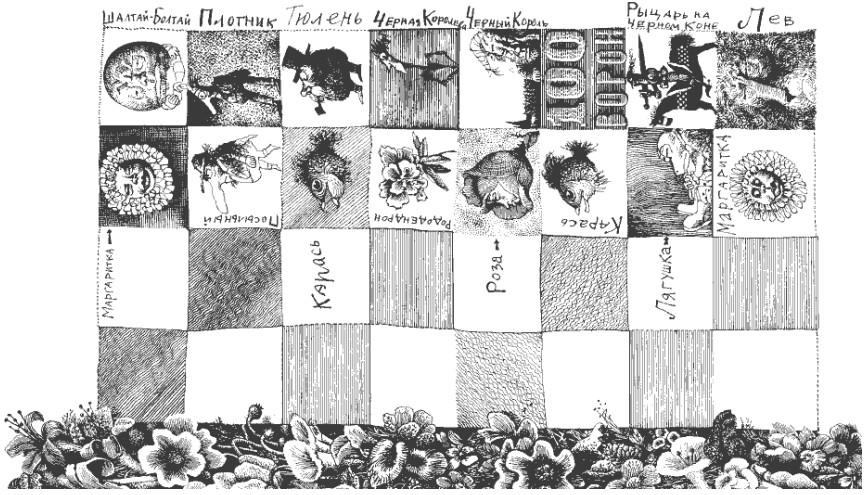
Черные —

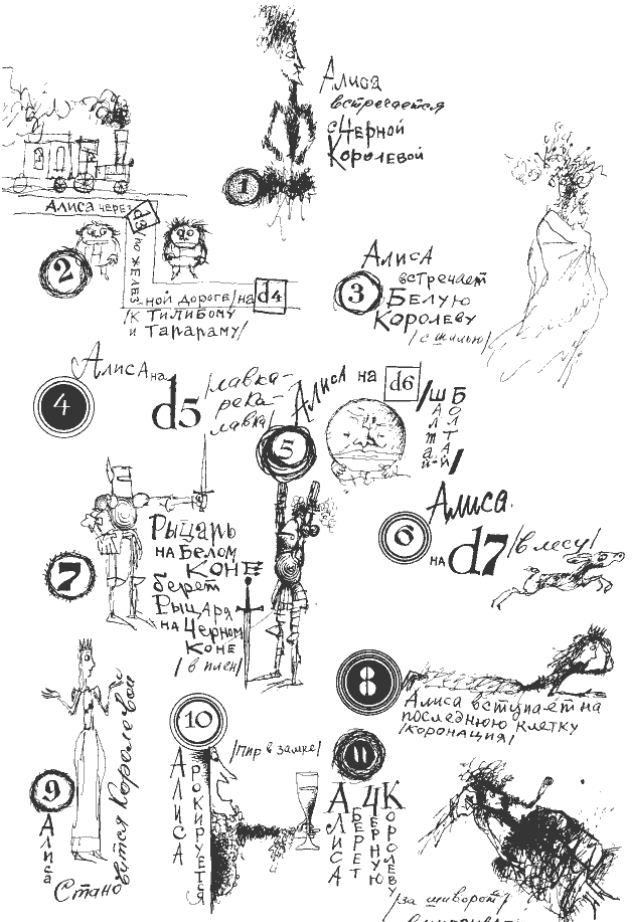
Лев. Рыцарь на Черном Коне. 100 ворон. Черный Король. Черная Королева. Тюлень. Плотник. Шалтай-Болтай.

Маргаритка. Лягушка. Карась. Роза. Рододендрон. Карась. Посыльный. Маргаритка.

Действующие лица

(В положении перед началом игры)

Шалтай-Болтай
Плотник
Тюлень
Черная Королева
Черный Король
Рыцарь на черном коне
Лев
Поскрёбыш
Розалинда
Гарсон
Маргаритка
1
Маргаритка
Кэрролль
Роза→
Лягушка→

Алиса встречается с Черной Королевой
1
Алиса через
2
Алиса на d3 по лесной дороге на d4 /к Тилибому и Тарараму/
Алиса встречает Белую Королеву /с шилом/
3
Алиса на d5 /лавка-река-лавка/
4
Алиса на d6 /шестой/
5
Рыцарь на Белом Коне берет Рыцаря на Черном Коне /в плен/
7
Алиса на d7 /в лесу/
6
Алиса вступает на последнюю клетку /Коронация/
8
Алиса Становится Королевой
9
Алиса рокируется /Пир в замке/
10
Алиса берет Черную Королеву
11
и выигрывает

1 Черная Королева на h5
2 Белая Королева на c4 /ловит шаха/
3 Белая Королева на c5 /превращается в Козу/
4 Белая Королева на f8 /оставляет зайца на полке/
5 Белая Королева на c8 /убегает от Рыцаря на Черном Коне/
6 Рыцарь на Черном Коне на e7 /шах/
7 Рыцарь на Белом Коне на c5
8 Черная Королева на e8 /экзамен/
9 Короли рокируются /входят в замок/
10 Белая Королева на a6 /суп/

Ходы:

1. Алиса встречается с Черной Королевой.

1. Черная Королева на h5

2. Алиса через d3 /по железной дороге/ на d4 /к Тилибому и Тарараму/

2. Белая Королева на c4 /ловит шаль/

3. Алиса встречает Белую Королеву /с шалью/

3. Белая Королева на c5 /превращается в козу/

4. Алиса на d5 /лавка-река-лавка/

4. Белая Королева на f8 /оставляет яйцо на полке/

5. Алиса на d6 /Шалтай-Болтай/

5. Белая Королева на c8 /убегает от Рыцаря на Черном Коне/

6. Алиса на d7 /в лесу/

6. Рыцарь на Черном Коне на e7 /шах/

7. Рыцарь на Белом Коне берет Рыцаря на Черном Коне /в плен/

7. Рыцарь на Белом Коне на c5

8. Алиса вступает на последнюю клетку /коронация/

8. Черная Королева на e8 /экзамен/

9. Алиса становится Королевой

9. Королевы рокируются /входят в замок/

10. Алиса рокируется /пир в замке/

10. Белая Королева на а6 /суп/

11. Алиса берет Черную Королеву /за шиворот/ и выигрывает

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Поскольку шахматная задача, предложенная на предыдущей странице, оставила в недоумении некоторых моих читателей, следует сказать, что сами по себе ходы в ней безупречны. Возможно, чередование ходов черных и белых соблюдается не слишком строго, а под рокировкой трех Королев просто подразумевается, что они вошли в Замок, но каждый, кто даст себе труд расставить фигуры и разобрать партию в предложенном порядке, обнаружит, что шах на шестом ходу, взятие Рыцаря на Черном Коне на седьмом ходу, а также итоговый мат Черному Королю находятся в строгом соответствии с правилами игры.

В связи с новыми словами в стихотворении «Умзара Зум» (см. стр. 26) возникли различные мнения о том, как их следует читать. Уместно дать разъяснения и по этому поводу. Имя «Умзар» следует произносить с ударением на первом слоге — как «повар», а слово «чудо-юдоострый» с двумя ударениями: на третьем и пятом слогах от начала.

Рождество 1896 г.

Дитя с безоблачным челом
И безмятежным взглядом!
Помчалось время напролом,
Но вот мы снова рядом:
И рой волшебных небылиц
К тебе слетает со страниц.

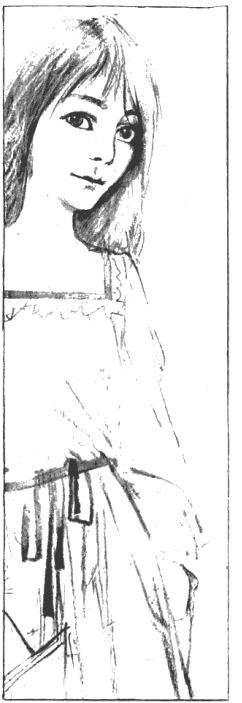
Я позабыл твои черты,
Но не страшусь возврата.
Давно меня забыла ты,
Но это не утрата.
Мы вместе, и при свете дня
Ты снова слушаешь меня.

Ты помнишь: полдень золотой,
Рассказ чудесный начат,
Шумит весло, и так светло…

Ты помнишь? Это значит,
Что убегающим годам
Я нашу память не отдам.

Там, на дворе, опять пурга
И вьюги людоедство.
А дома — свет от очага,
Тепло и нежность детства.
Метели за окном метут,
А сказка снова тут как тут.

Печаль попала на постой
В повествованье это:
Ведь кончен «полдень золотой»
И отзвенело лето…
Но следом за печалью зло
К нам в нашу сказку не пришло.

Глава первая

ДОМ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Глава первая

В Зазеркалье

Одно было совершенно ясно: белый котенок был совсем ни при чем. Набезобразничал черный котенок. Все дело в том, что последние полчаса белый котенок был занят — он терпеливо дожидался, пока кошка Дина его умоет. Так что, как видите, к тому, что случилось, никакого отношения он не имел.

Кошка Дина всегда умывала котят так: одной лапой она придерживала котенка за ухо, а другой — терла ему мордочку (от носа к ушкам). Как я уже сказал, сейчас она умывала белого котенка, который покорно сидел и даже иногда подмурлыкивал… вне всякого сомнения понимая, что это делается ради его же блага.

Но черный котенок был уже умыт и теперь, воспользовавшись тем, что Алиса задремала в углу огромного старого кресла, вступил в неравный бой с клубком шерсти. Котенок катал его по полу до тех пор, пока клубок окончательно не размотался и не превратился в кучу спутанных ниток. Котенок забрался на эту кучу и принялся ловить собственный хвост.

— Ах ты разбойник! — закричала Алиса, схватила котенка и легонько шлепнула его по носу в знак того, что он попал в немилость. — До сих пор не научился, как себя вести!.. Дина, да когда же

ты возьмешься за его воспитание?! — добавила она строго, обращаясь к кошке.

Тут Алиса подняла нитки, опять удобно устроилась в кресле и начала работу сначала. Но дело как-то не клеилось — ведь Алиса все время болтала: то с котенком, то сама с собой. Котенок чинно сидел у нее на коленях и с притворным интересом следил за тем, как постепенно растет клубок. Время от времени он вытягивал лапу и осторожно до него дотрагивался, словно пытался помочь Алисе.

— А знаешь, что ЗАВТРА будет? — спросила Алиса котенка. — Ты бы наверняка догадался, если бы утром выглянул в окошко… Да, но ведь Дина как раз тебя умывала… Ты знаешь, я видела, как мальчишки таскали хворост для костра… Представляешь, сколько его нужно, чтобы костер хорошо горел?! Правда, потом повалил снег, и пришлось все отложить до завтра… Но зато завтра мы с тобой обязательно пойдем поглядим на костер.

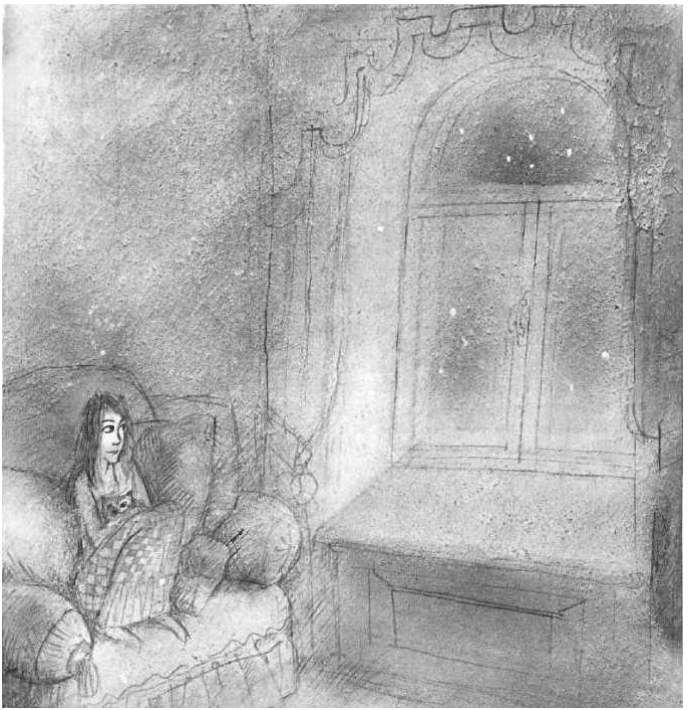
Тут Алиса намотала на шею котенку нитку: просто чтобы узнать, идет ему этот цвет или нет. Нитка запуталась, котенок спрыгнул на пол, и клубок снова наполовину размотался.

— Ух, как я на тебя рассердилась, когда увидела,

что ты натворил! — продолжала Алиса, снова забираясь на кресло. — Честное слово, я хотела взять тебя за шиворот и выставить на улицу! И ты этого заслужил, хулиган! Что ты можешь сказать в свое оправдание? Помолчи, не перебивай меня, — добавила Алиса и погрозила котенку пальцем. — Сейчас я перечислю все твои грехи. ВО-ПЕРВЫХ, ты два раза запищал, пока Дина тебя умывала. Не спорь со мной! Я сама слышала! Что ты сказал? (Тут Алиса притворилась, будто котенок ей что-то ответил.) Она попала тебе лапой в глаз? Сам виноват — нужно было зажмуриться и ничего бы не случилось. Да помолчи ты немножко! Лучше послушай. ВО-ВТОРЫХ: когда я дала Снежку молока, ты потянул родного брата за хвост. Что? Тебе захотелось попить? А Снежку что, не хотелось? И В-ТРЕТЬИХ: стоило мне отвернуться, как ты размотал целый клубок! Видишь, что ты натворил?! А ведь я еще тебя не наказала. Тебе отлично известно, что все наказания я откладываю до среды… Представляю, что было бы, если бы со мной так поступали! — воскликнула Алиса, обращаясь уже не к котенку, а к самой себе. — Если бы меня наказывали за все сразу… в конце года! Наверно, меня бы посадили в тюрьму… Или оставили бы без обеда. Даже — без пятидесяти обедов сра-

зу! Ну, это как раз не очень-то страшно! Лучше остаться без пятидесяти обедов, чем съесть их в один присест!..

Слышишь, за окном падает снег? Как мягко опускаются снежинки на подоконник… Наверно, они о чем-то друг с другом разговаривают… А как нежно они шепчутся с деревьями и травой… Снег покрывает густым, теплым пухом всю землю и бормочет: «Спите все, спите все, до весны, до весны». А весной деревья просыпаются и, чуть задует ветер, начинают плясать… Как здорово! — засмеялась Алиса, всплеснула руками (и уронила клубок). — Если бы все так и было на самом деле… А осенью, когда желтеют листья, деревья начинают зевать, а потом засыпают…

Глупый котенок, скажи, ты умеешь играть в

шахматы? Не смейся, я серьезно! Вчера, когда мы с сестрой играли, ты следил за нами так, как будто что-то понимаешь. А когда я сказала «Шах!», ты замурлыкал. И правильно — это был отличный шах. Я бы обязательно выиграла, если бы этот несчастный Конь не мешал моим фигурам. Слушай, давай понарошку…

О чем бы Алиса ни говорила, всюду она вставляла это «понарошку». Позавчера они с сестрой поссорились… и все из-за того, что Алиса предложила: «Давай играть, как будто мы с тобой понарошку короли и королевы». На это ее серьезная и почти совсем взрослая сестра возразила, что так они играть не могут и ничего у них не получится — ведь их всего двое. В конце концов Алиса сказала: «Ну и ладно. Ты будешь одной королевой, а я — всеми остальными». А еще она однажды страшно напугала свою старую няню, закричав ей прямо в ухо: «Няня! Я понарошку буду Злобной Гиеной, а ты — кроликом!»

Но мы отвлеклись от того, что Алиса говорила котенку:

— Давай понарошку ты будешь Черной Королевой, ладно? Знаешь, если ты сложишь лапки на животе, ты будешь ВЫЛИТАЯ Черная Королева. Ну-ка попробуй!

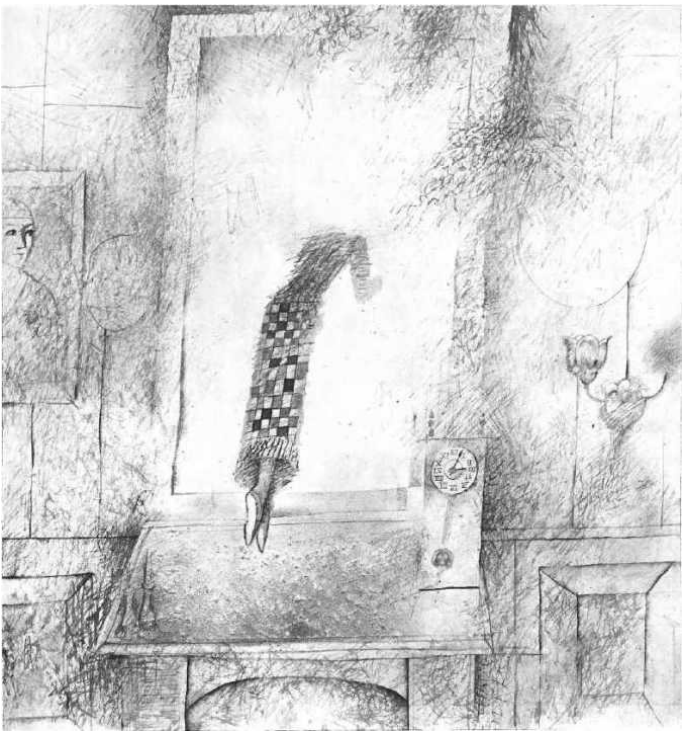
Алиса сняла Черную Королеву со стола и поставила ее перед котенком, но ничего не вышло; котенок никак не хотел правильно сложить лапы. Алиса рассердилась и поднесла его к зеркалу, чтобы он полюбовался, до чего он непослушный и невоспитанный.

— Если ты будешь себя плохо вести, — заявила она, — я перенесу тебя за Зеркало и оставлю жить в Зазеркальном Доме. Что ты на это скажешь?.. Ну, а теперь, если ты будешь слушать внимательно и не станешь меня перебивать, я расскажу тебе, как устроен этот Зазеркальный Дом. Во-первых, в нем есть та комната, которую сейчас видно в Зеркало... в точности такая же, как наша. Только все вещи там стоят наоборот. Если залезть в кресло, то видно почти всю зазеркальную комнату, кроме маленького уголка у камина. Ох, если бы еще увидеть и этот уголок!.. Интересно, горит в зазеркальном камине огонь или нет? И как это узнать? Правда, если У НАС камин дымит, то дым виден и в той комнате. Но может быть, это только ПОНАРОШКУ: чтобы мы подумали, что ТАМ тоже есть огонь. Потом, там есть книжки, почти такие же, как наши, только все слова в них написаны наоборот, я-то знаю: как-то раз я поднесла книжку к Зеркалу, а с той

стороны тоже появилась книжка, и я успела ее рассмотреть… А ты хочешь попасть в Зазеркальный Дом, котенок? Интересно, дадут тебе там молока? Наверно, зазеркальное молоко ужасно невкусное. Да, послушай, там ведь еще есть коридор!.. Если открыть НАШУ дверь, то в Зеркале будет виден маленький кусочек зазеркального коридора. Он ОЧЕНЬ похож на наш, но дальше-то он может оказаться совсем другим. Ох, как мне хочется попасть в Зазеркалье! Там наверняка столько удивительных вещей! Давай играть, как будто мы *с* тобой можем пройти сквозь Зеркало, как будто Зеркало понарошку превратилось в туман. Ох! Оно и вправду становится каким-то туманным… Теперь через него можно…

Тут — сама не понимая, как — Алиса очутилась на камине, над которым висело Зеркало. Оно действительно постепенно таяло и превращалось в серебристую блестящую дымку.

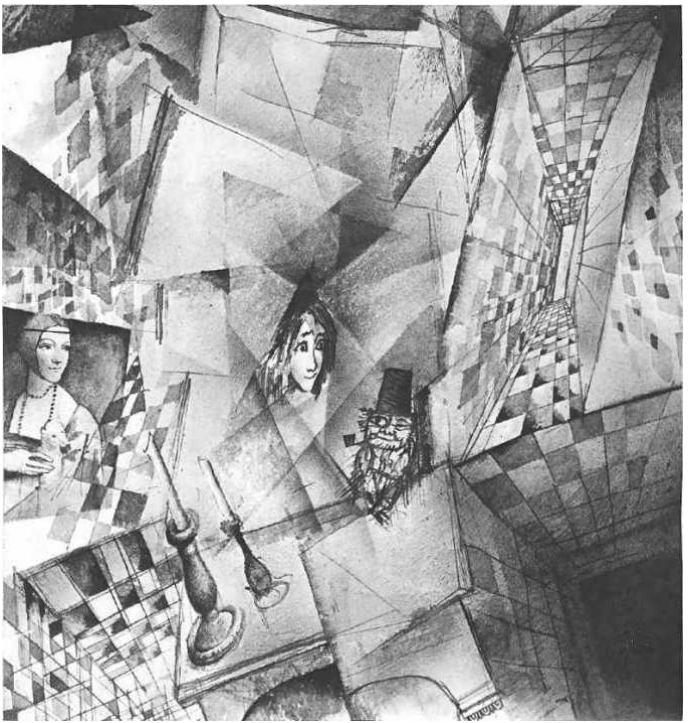
В ту же минуту Алиса шагнула вперед и спрыгнула с зазеркального камина на зазеркальный пол. Вот так она и попала в Зазеркалье.

Прежде всего Алиса проверила, горит ли огонь в камине, и убедилась в том, что горит, — самый настоящий яркий огонь, такой же, как у нее дома.

«Ну, значит, я не замерзну! — подумала Алиса. — Тут не то что у нас: никто меня не будет гнать от камина, так что я буду греться сколько душе угодно. А что с ними со всеми будет, когда они меня увидят в Зеркале, а добраться до меня не смогут!»

Она внимательно огляделась по сторонам. Все, что было видно в Зеркале из той комнаты, оказалось совершенно обычным. Зато все остальное выглядело совсем иначе, чем дома. Например, картины на стенах ожили, а часы, заднюю стенку которых Алиса много раз видела в Зеркале, превратились в маленького добродушного старичка. Старичок подмигнул Алисе и ухмыльнулся.

«Ну и беспорядок!» — подумала Алиса, заметив в золе у камина несколько шахматных фигур. Но в то же мгновение, ахнув, она встала на четвереньки и принялась внимательно их разглядывать. Фигуры… прогуливались по каминному коврику!

— Вот Черный Король и Черная Королева, — прошептала Алиса. — А вот Белая Королева и Белый Король. Они забрались на кочергу. А вот гуляют Ладьи… Кажется, они меня не слышат, — добавила она, когда Ладьи оказались совсем рядом. — И не видят. Я стала НЕВИДИМКОЙ!

Тут за спиной у Алисы кто-то запищал. Обернувшись, она увидела, что одна из стоявших на столе пешек упала и дрыгает ногами. Алиса с величайшим интересом глядела на нее, ожидая, что будет дальше.

— Деточка! — взвизгнула Белая Королева и полезла вверх по каминной решетке, по дороге зацепив шлейфом Белого Короля и опрокинув его

прямо в золу. — Обожаемый Топсик! Царственное дитя!

— Царственное помело… — проворчал Король, потирая нос, пострадавший при падении. Он был вправе слегка обидеться на Королеву: ведь это из-за нее он упал и теперь весь — с головы до ног — был осыпан золой.

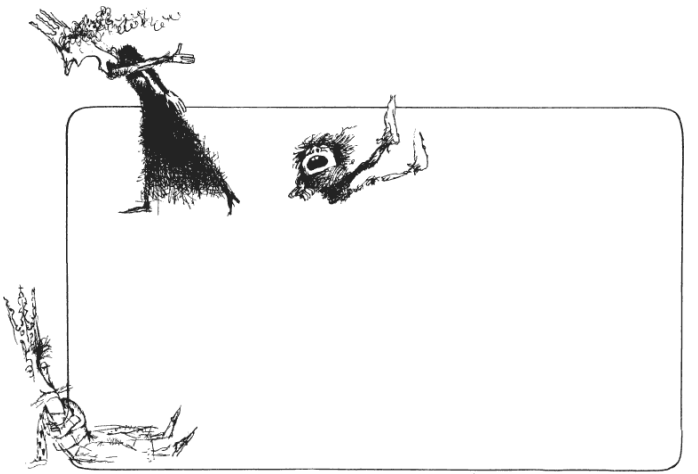

Алиса решила вмешаться: лежа на столе, пешечка продолжала пищать. Поэтому Алиса схватила Королеву и быстро поставила ее рядом с Топсиком.

Королева сказала «Ах!!» и тоже упала: ее оглушил стремительный перелет с камина на стол. Минуты две она молча сжимала Топсика в объя-

тиях. Наконец, придя в себя, она подошла к краю стола и громко крикнула Королю, отрешенно сидевшему в куче золы:

— Прочь с ВУЛКАНА!

— С какого ВУЛКАНА? — заволновался Король и стал торопливо разгребать золу, как будто и впрямь рассчитывал найти под ней вулкан.

— Только что… меня… извергло… — задыхаясь, прокричала Королева, которая еще не совсем пришла в себя. — Постарайся… добраться сюда… обычным способом… Не позволяй… себя… ИЗВЕРГАТЬ!

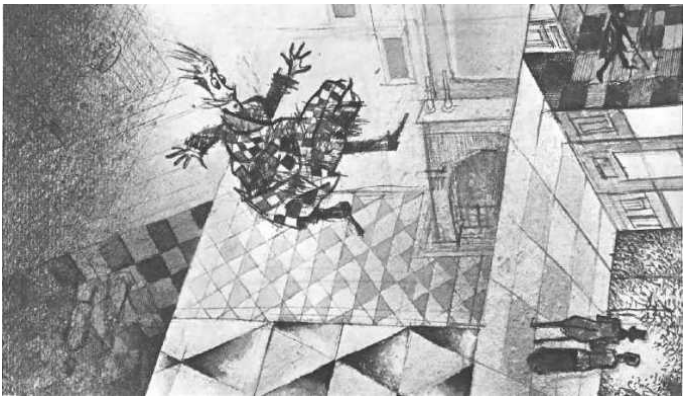
Алиса увидела, как Король начал медленно карабкаться по каминной решетке.

— Так вы и за два дня не доберетесь, — сказала она. — Давайте я помогу.

Но Король не ответил: очевидно, он и не догадывался о ее присутствии.

Алиса осторожно взяла его в руки и медленно поднесла к столу (намного медленнее, чем Королеву). Но тут ей пришло в голову, что неплохо было бы сдуть с Короля золу.

Впоследствии она не раз говорила, что НИКОГДА В ЖИЗНИ ей не приходилось видеть более уморительной физиономии, чем у Короля в тот момент, когда он внезапно повис в воздухе. Еще сильнее поразило Короля то, что невесть откуда налетел страшный ветер. От ужаса он не мог пошевелиться, но глаза у него делались все круглее и круглее, а рот открывался все шире и шире, пока Алиса не захохотала, да так, что ее рука задрожала и Король чуть было не полетел на пол.

— Ну и смешной же ты! — воскликнула Алиса, совершенно позабыв о том, что Король ее не слышит. — Я чуть тебя не уронила! Да закрой же рот — зола залезет... Ну, вот я тебя и почистила, — сказала она и, пригладив Королю волосы, поставила его на стол рядом с Королевой.

Король закатил глаза и упал. Так он и лежал, не шевелясь. Алиса забеспокоилась и обошла всю комнату в поисках воды, чтобы привести Короля в чувство. Правда, нашла она только бутылку чер-

нил, но, вернувшись к столу, увидела, что Король уже пришел в себя и что-то испуганно шепчет Королеве, что именно, Алиса разобрала с трудом.

Король сказал:

— Дорогая, я весь дрожу: от пяток до кончиков бакенбард!

На что Королева ответила:

— Пятки у тебя есть. А бакенбард нету!

— Мне никогда, никогда не забыть, — заявил король, — это кошмарное мгновение!

— Ты непременно о нем забудешь, — сказала Королева, — если не запишешь его в записную книжку.

Алиса с любопытством наблюдала за тем, как Король достал из кармана чудовищных размеров записную книжку и принялся писать. Но тут ее осенила неожиданная мысль: Алиса ухватилась за конец карандаша, который был настолько велик, что доставал до королевского плеча, и стала водить им по собственному усмотрению.

Сперва несчастный Король молча боролся с карандашом, но Алиса была сильнее, и в конце концов он пробормотал:

— Дорогая! Я буду ВЫНУЖДЕН купить карандаш помягче: у этого слишком твердый характер. Он пишет, что ему вздумается…

— А что ему вздумалось? — осведомилась Королева, заглядывая в тетрадь (где, не без помощи Алисы, Король накорябал: «Белая Ладья сидит верхом на кочерге и скоро с нее свалится»). — По-моему, это не твои мысли, а чьи-то чужие.

На столе лежала книжка, и, наблюдая за Королем, которого она была готова в любую минуту обрызгать чернилами, конечно только в том случае, если он снова упадет в обморок, — так вот, наблюдая за Королем, Алиса листала страницы, пытаясь найти хоть какое-нибудь вразумительное место, потому что «вся книжка, — как она решила, — написана на каком-то странном языке».

На одной странице было напечатано:

ыдоюс еикйокС …ьсолакревС
.левзар у ьсиличлоВ
,ыдзорг есажул в илажжорД
. леверивсаз хюрк И

Алиса долго ломала голову над тем, что бы это могло значить. Наконец ей в голову пришла блестящая мысль: «Ведь это зазеркальная книжка! Значит, если поднести ее к зеркалу, все слова встанут на свои места и будут написаны обычно,

а не задом наперед!»

И вот что прочла Алиса:

«Ты Умзара страшись, мой сын!
Его следов искать не смей.
И помни: не ходи один
Ловить Сплетнистых Змей!»

Свой чудо-юдоострый меч
Он взял и дринулся вперед,
Но — полон дум — он под Зум-Зум
Раскидистый идет.

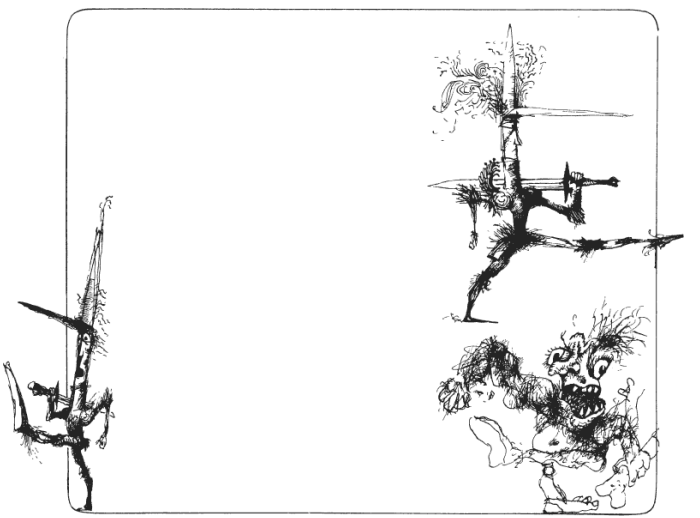
И вот, пока он скрепко шпал,
Явился Умзар огневой
И он на Рыбцаря напал:
Ты слышишь зронкий вой?

Да, чудо-юдоострый меч
Сильнее Умзара стократ!
Зверой побрит,
Герой спешит
Спешит споржественно назад.

«Я побредил его, Старик!
Позволь, тебя я обниму!» —

«Вот это час, вот это миг!» —
Отец сказал ему.

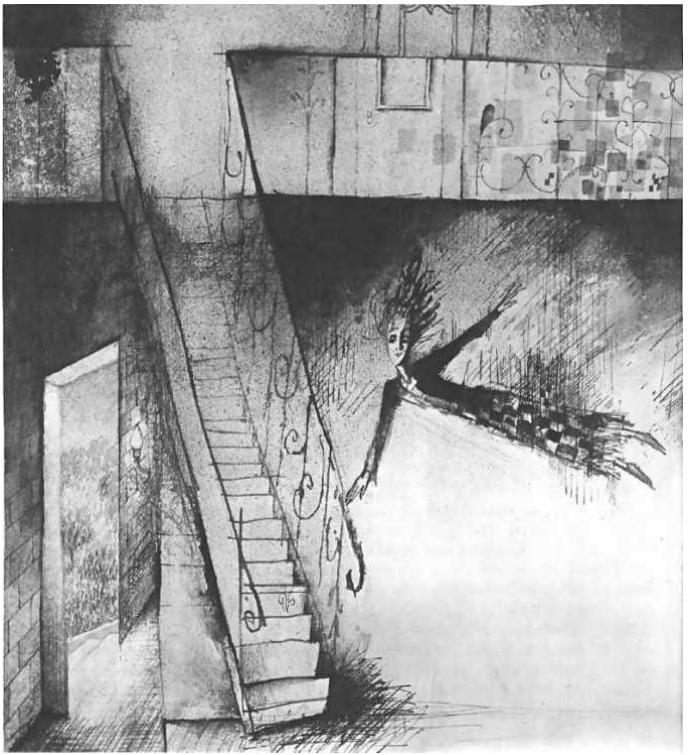
Сверкалось… Скойкие сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвиревел.

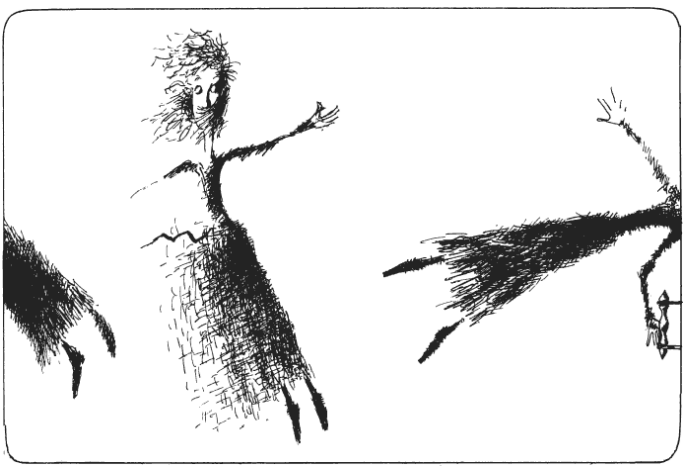
«ОЧЕНЬ красивые стихи! — решила Алиса, дочитав их до конца. — Но НЕМНОЖКО непонятные. (Как видите, даже самой себе Алиса не призналась, что ничего не поняла.) — Правда, в голове у меня теперь полно всяких мыслей… только вот о чем они — не знаю! Понятно, что КТО-ТО был побрит и КТО-ТО КОГО-ТО побредил, но все-таки…»

— Ой! — закричала она, захлопывая книжку. — Мне ведь еще нужно посмотреть, что здесь за комнаты!.. Пока не пришлось возвращаться домой. Но сперва надо взглянуть на Зазеркальный Сад.

Она выскочила из комнаты и побежала по лестнице… то есть не побежала, а полетела. КАК И ПОЛОЖЕНО В ЗАЗЕРКАЛЬЕ (так решила Алиса). А ПОЛОЖЕНО В ЗАЗЕРКАЛЬЕ было так: нужно было одной рукой держаться за перила и плыть по воздуху, не касаясь ногами ступенек.

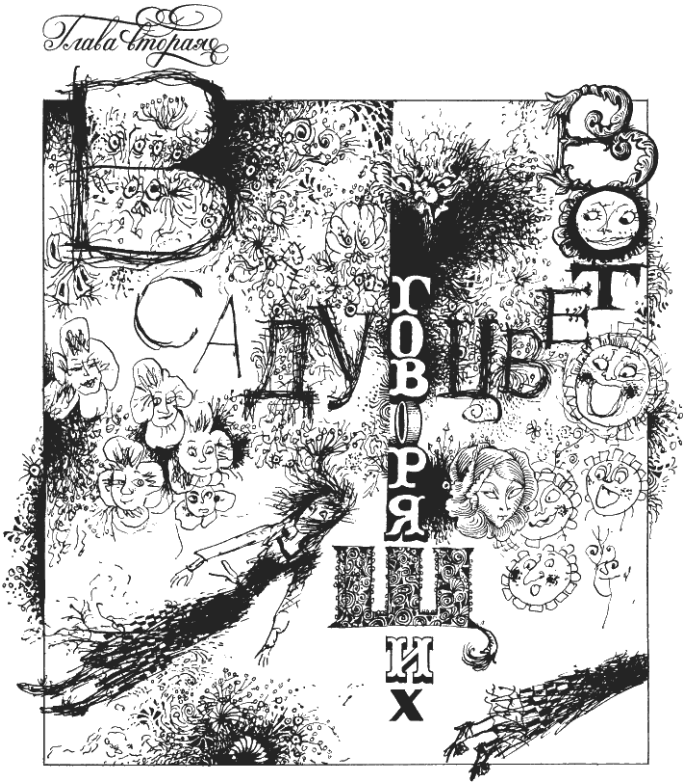

Так Алиса и сделала: она выплыла в прихожую и непременно треснулась бы о дверь, если бы вовремя не уцепилась за ручку. От долгого полета по воздуху у нее закружилась голова, и она очень обрадовалась, когда оказалось, что в Зазеркальном Саду ПОЛОЖЕНО уже не летать, а — просто ходить.

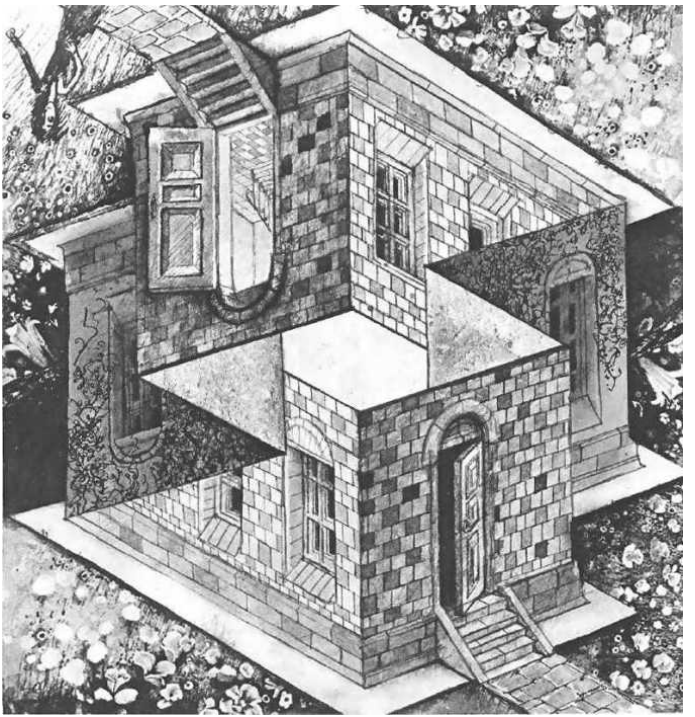

Глава вторая

В САДУ ГОВОРЯЩИХ ЦВЕТОВ

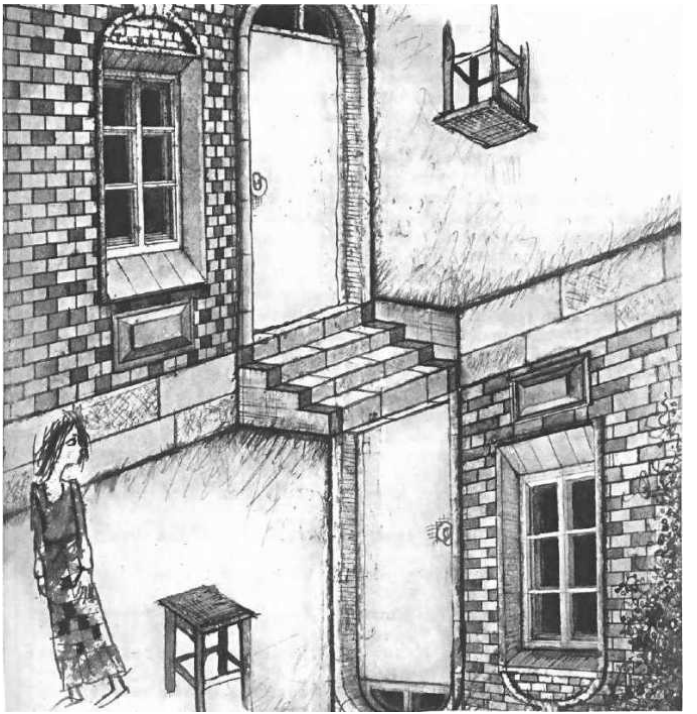
«Надо забраться на Гору, — решила Алиса. — Оттуда будет виден весь Сад. А забраться туда лучше всего по этой дорожке… ну, конечно, не ЛУЧШЕ ВСЕГО… Идти все равно придется долго (так решила Алиса, когда прошла еще немного вперед и обнаружила, что дорожка все время крутится из стороны в сторону), придется идти очень долго, но В КОНЦЕ КОНЦОВ я все-таки заберусь на самый верх… Ну и ну, сколько же можно поворачивать?! Никакая это не дорожка, а просто юла какая-то… Наконец-то! Теперь остался один малюсенький кусочек… Ой, да что же это такое! Я ОПЯТЬ вернулась назад! Придется пойти по другой дорожке!»

Так она и сделала. Дорожки уводили ее то взад,

то вперед, но каждый раз упорно приводили ее обратно к Дому. Как-то раз, слишком быстро завернув за угол, Алиса не успела остановиться и уткнулась носом прямо в дверь.

— Отстань, пожалуйста, — обратилась Алиса к Зазеркальному Дому, делая вид, что он ей что-то сказал. — Все равно ОБРАТНО я не вернусь. Ни за что! Конечно, сперва ты просишь, чтобы я открыла дверь, а потом захочешь, чтобы я прошла через Зеркало… и вернулась домой… и чтобы на этом кончились все мои приключения!

С этими словами Алиса решительно повер-

нулась спиной к Дому и снова направилась к той же самой дорожке, твердо решив: ни за что не сходить с нее, пока не удастся забраться на вершину Горы. Несколько минут все вроде бы шло хорошо, и Алиса подумала: «Ну вот, я своего добилась!», но тут дорожка внезапно повернула направо и пожала плечами (по крайней мере так про это рассказывала Алиса). В тот же миг Алиса обнаружила, что поднимается вовсе не на Гору, а на крыльцо.

— Ужас какой-то! — воскликнула Алиса. — До чего же мне надоел этот Дом! Что он ко мне пристал!

Далеко впереди виднелась Гора. Оставалось только начать всё сначала. Теперь Алиса оказалась около огромной клумбы, в середине которой торчал Фикус в кадке, а по бокам росли Маргаритки.

— Уважаемый Гладиолус, — сказала Алиса, обращаясь к Гладиолусу, который при каждом дуновении ветра внушительно покачивал головой. — Уважаемый Гладиолус, как жаль, что ты не можешь сказать ни слова.

— Отчего же, могу, — вымолвил Гладиолус. — Могу, если рядом есть кто-нибудь, кто этого ЗАСЛУЖИВАЕТ.

Ошеломленная Алиса целую минуту стояла молча. Она просто была не в состоянии что-нибудь сказать. В конце концов, когда Гладиолус снова затряс головой, Алиса обратилась к нему, но очень робко, почти шепотом:

— Простите, разве цветы умеют говорить?

— Не хуже тебя, — сказал Гладиолус. — И уж во всяком случае значительно громче.

— Мы не привыкли первыми вступать в разговор, — сказала Роза. — Ах, как я ждала, когда же ты заговоришь! «Ну, — думаю я себе, — в этой особе ЧТО-ТО есть, но что это за ЧТО-ТО — вот вопрос». Как-никак ты очень милого цвета, а это ведь не мелочь!

— Цвет роли не играет, — заметил Гладиолус. — Обидно, что лепестки у нее не торчат вверх, это ее здорово портит.

Алисе было неприятно, что ее так обсуждают, а потому она принялась задавать вопросы:

— Скажите, а вам тут не страшно? Ведь вы совсем одни, и поухаживать за вами некому.

— Да вон же Фикус стоит! — сказала Роза. — Для чего же он, по-твоему, нужен?!

— Но ведь в случае опасности он вам ничем не поможет, — возразила Алиса.

— Это еще почему? — удивилась Роза. — Конеч-

но, поможет. Он будет кусаться.

— Мы его потому и прозвали Фи-КУС, что он кусается, — пояснила бледная Маргаритка.

— Неужели ты даже этого не знаешь? — взвизгнула другая Маргаритка, и тут они завизжали все вместе, и визжали так, что очень скоро во всем Саду ничего, кроме их визга, не осталось.

— Кхе-кхехм… Цыц! — рявкнул Гладиолус и бешено затряс головой, весь дрожа от возмущения. — Проклятье! Пользуются тем, что я не могу до них добраться! — пропыхтел он, повернувшись к Алисе. — Совсем от рук отбились!

— Не обращайте на них внимания! — сказала Алиса, чтобы его успокоить, и, подойдя к Маргариткам, которые снова заверещали, тихонько сказала: — Немедленно замолчите, иначе я вас посрываю.

Наступила тишина. Маргаритки позеленели от ужаса.

— Так им и надо! Поделом! — прокряхтел Гладиолус. — Все зло в мире — от Маргариток. Кроме того, они мне слова не дают сказать — перебивают. Я чуть не увял, когда услышал их дикие вопли.

— И все-таки непонятно, как вы научились говорить! — сказала Алиса, пытаясь его приобод-

рить. — Вы изумительно говорите! Сколько раз я бывала в самых разных садах, но говорящих цветов никогда не видела.

— А ты приложи руку к земле, — посоветовал Гладиолус, — и тебе все станет ясно.

Так Алиса и сделала.

— Земля очень твердая, — сказала она. — Но при чем тут земля?

— Как правило, — ответил Гладиолус, — клумбы делают очень мягкими, поэтому цветы все время клюют носом и, понятное дело, молчат.

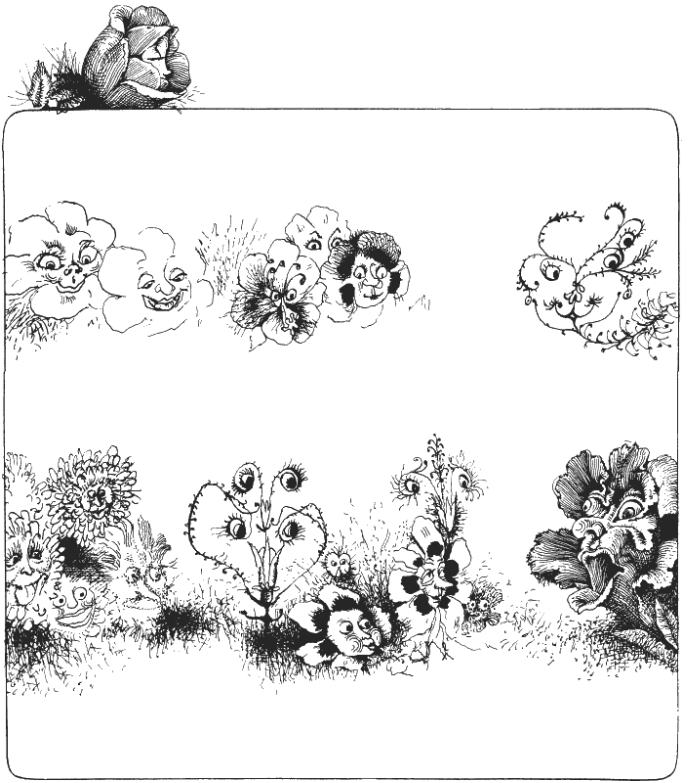
Алисе страшно понравилось это объяснение.

— Никогда бы не подумала! — воскликнула она.

— НА МОЙ ВЗГЛЯД, ты вообще никогда не думала, без всяких «бы», — строго сказала Роза.

— Да уж, в жизни не видели такой идиотки, — пропищали Анютины Глазки и нахально подмигнули Алисе, так неожиданно, что она подскочила на месте (до этого Анютины Глазки не сказали ни слова).

— Заткните фонтан! — заорал на них Гладиолус. — Вы вообще никого в жизни не видели. Храпите целыми днями в тени, Глазок не продираете. Докатились: ничего не соображаете — вроде Божьей Коровки.

— Скажите, тут есть еще какие-нибудь люди? — спросила Алиса, предпочитая не отвечать на выпады Розы и Анютиных Глазок.

— Как же, конечно, есть, — сказала Роза. — Тут иногда появляется один цветок вроде тебя. Правда, лепестки у него не похожи на твои… уж не знаю почему.

— Вечно ты со своими «почему», — проворчал Гладиолус.

— А он, этот цветок, на меня похож? — заинтересовалась Алиса, потому что решила, что в Саду есть еще одна девочка.

— Ну, в общем-то, у него такой же нелепый вид, — сказала Роза. — Только лепестки короче. И темнее, чем у тебя.

— Они закрыты, как у Георгина, — заметил Гладиолус, — а не распущены, как у тебя.

— Но ты не огорчайся, — доброжелательно сказала Роза. — Просто ты начинаешь увядать: вот лепестки у тебя и обвисли. Конечно, это не слишком опрятно…

Алисе все это очень не понравилось. Поэтому, чтобы переменить ход разговора, она сказала:

— А что, этот цветок когда-нибудь здесь появится?

— Ты, наверно, скоро его увидишь, — ответила

Роза. — Узнать его легко — у него целых девять тычинок.

— Где? — в изумлении спросила Алиса.

— А на голове, — заявила Роза. — Я страшно удивилась, что у тебя их нет. Я-то считала, что это общее правило.

— А вот и она! — крикнул Рододендрон. — Я слышу шаги на дорожке.

Алиса огляделась по сторонам и наконец заметила Черную Королеву. «Ну и вымахала!» — подумала Алиса, и с ней нельзя не согласиться: раньше, у камина, Королева была ростом с оловянного солдатика… а теперь она была на полголовы выше Алисы!

— Это все от свежего воздуха, — сказала Роза. — У нас тут дивный воздух.

— Я пойду к ней навстречу, — решила Алиса, потому что, как ей ни было интересно беседовать с цветами, она понимала, что перебросится парой слов с настоящей Королевой еще интереснее.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказала Роза. — На твоем месте я бы пошла не НАВСТРЕЧУ, а в прямо противоположную сторону.

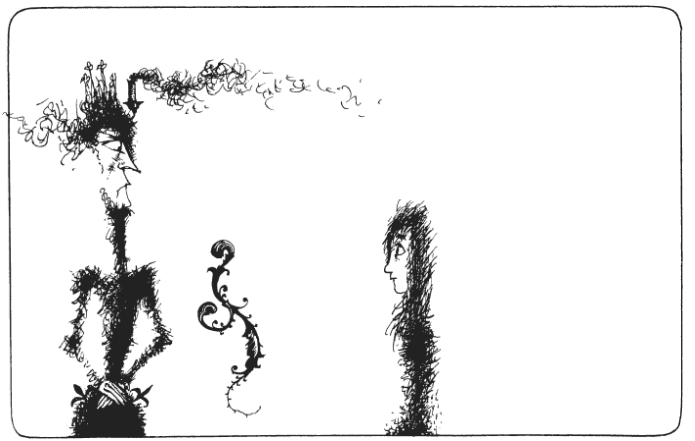
Алиса подумала, что уж это наверняка вздор, ничего не ответила Розе и направилась прямиком к Черной Королеве. Но, к ее удивлению, она тут

же потеряла Королеву из виду и обнаружила, что снова шагает к крыльцу Зазеркального Дома.

Разозлившись, Алиса двинулась обратно и принялась разыскивать Королеву (которая и обнаружилась через некоторое время на противоположном краю Сада). Тут Алисе пришло в голову, что, пожалуй, стоит последовать совету Розы, и на этот раз она пошла не к Королеве, а ОТ нее.

План полностью себя оправдал. Не прошло и минуты, как Алиса очутилась лицом к лицу с Черной Королевой и, главное, почти у самой Горы, на которую она уже давно пыталась забраться.

— Ты это куда? — спросила Черная Королева. — Ты это откуда? Отвечай вежливо, стой прямо и не грызи ногти.

В ответ Алиса объяснила — так ясно, как только могла, — что потерялась и уже не в первый раз попадает на эту вот дорожку.

— Что значит «ЭТА ВОТ ДОРОЖКА»? — холодно спросила Черная Королева. — Тут нет ЭТИХ и ТЕХ дорожек. Все они попросту МОИ... И вообще, зачем ты сюда явилась? — добавила она уже более любезно. — Пока думаешь, что мне сказать, сделай реверанс. Реверансы экономят массу

времени.

Алису это немного удивило, но Королева нагнала на нее такого страху, что в конце концов Алисе ПРИШЛОСЬ ей поверить. «Нужно будет дома попробовать, — подумала она. — Если я буду опаздывать в школу, сделаю реверанс и сэкономлю массу времени».

— Твое время истекло. Отвечай, — сказала Королева, глядя на часы. — Когда начнешь говорить, рот открой чуточку шире. И не забывай обращаться ко мне «Ваше Величество».

— Я просто хотела поглядеть на Сад, Ваше Величество…

— Умница, — ласково сказала Королева и взъерошила Алисе волосы (Алисе это совсем не понравилось). — Ты вот сказала «сад». А ведь мне доводилось видеть сады, по сравнению с которыми этот — пустырь.

Алиса не стала спорить и продолжала:

— А потом я решила взобраться на Гору и…

— Ты вот говоришь — «на гору», — перебила ее Королева. — А ведь я видывала горы, по сравнению с которыми эта — канава.

— Этого не может быть! — вступила Алиса в спор. — Гора не может быть канавой! Это чушь какая-то!

— С твоей точки зрения, это, возможно, и чушь, — покачав головой, сказала Черная Королева, — но я слыхивала чушь, по сравнению с которой эта — прописная истина.

Алиса опять сделала реверанс, боясь, как бы Королева ненароком не рассердилась. После этого они молча двинулись по дорожке, пока не дошли до вершины Горы.

Сперва Алиса только молча вертела головой и все рассматривала страну, которая теперь лежала перед ними. А страна была ПРЕСТРАННАЯ: прямые узкие ручейки рассекали ее на ровные полосы, а каждую полосу делили на клетки низкие заборчики, тянувшиеся от одного ручейка до другого.

— Да это же точь-в-точь шахматная доска! — воскликнула наконец Алиса. — Если бы на ней еще были фигуры… Ой, да вот же они! — проговорила она в восторге. — Так, значит, тут разыгрывается Настоящая Шахматная Партия?! И целый мир — шахматная доска. Если, конечно, это настоящий мир. Как здорово! Как бы я хотела туда попасть! И… и стать пешкой… если позволят! Хотя БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ я хотела бы стать Королевой.

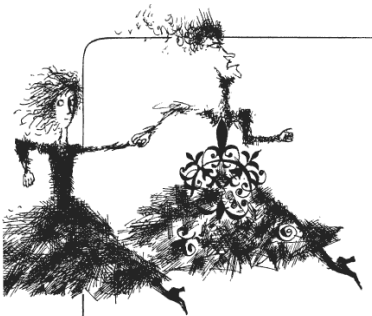
Сказав это, она робко глянула на Настоящую

Королеву, но та лишь любезно улыбнулась и сказала:

— Это мы устроим. Если хочешь, можешь стать Белой Пешкой, а то Топсик еще слишком мал для серьезной игры. Начнешь со Второй Клетки, а когда дойдешь до Восьмой — станешь Королевой…

В ту же минуту они почему-то бросились бежать.

И много позже Алиса никак не могла понять, с чего это им вдруг вздумалось. Помнила она одно: они бежали, схватившись за руки, и Черная Королева неслась так быстро, что Алиса еле за ней поспевала. Королева то и дело покрикивала: «Давай! Давай!», но Алиса-то понимала, что не может бежать еще быстрее (правда, у нее не осталось сил на то, чтобы сказать об этом Королеве).

Главная же странность заключалась в том, что, пока они бежали, вокруг ничего не менялось. Как они ни спешили — все деревья оставались на своих местах. «Неужели они бегут вместе с нами?» — подумала озадаченная Алиса. А Королева, словно угадав ее мысли, опять закричала:

— А ну быстрей! И молчи у меня!

Но у Алисы и в мыслях не было говорить. Ей казалось, что она никогда не сможет сказать ни слова — так она устала. А Королева все кричала: «Быстрей! Быстрей!» — и тащила ее все дальше.

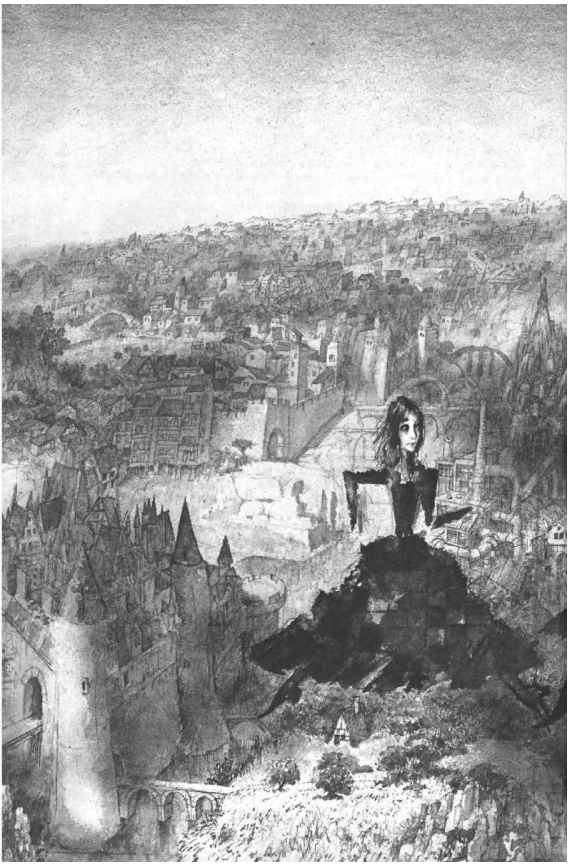
— Теперь уже близко? — задыхаясь, спросила Алиса.

— Близко? — удивилась Королева. — Мимо БЛИЗКО мы пробежали минут десять назад. А ну быстрей!

И они побежали дальше в полном молчании. Ветер свистел в ушах у Алисы и, как ей показалось, пытался заплести ее распущенные волосы в косичку.

— Давай! Жми! — закричала Королева. — Быстрей! Еще быстрей!

И они побежали так быстро, что почти полетели по воздуху, не касаясь ногами земли.

Внезапно, как раз когда Алиса почувствовала, что совсем выбилась из сил, они остановились.

Наконец до Алисы дошло, что она уже давно сидит на твердой земле и тяжело дышит.

Королева усадила ее поудобнее и ласково сказала:

— Можешь передохнуть.

Алиса удивленно взглянула на нее:

— По-моему, мы все время оставались под этим деревом. Вокруг — все то же самое.

— Разумеется, — сказала Королева. — А как же иначе?

— Ну, у меня дома, — все еще с некоторым трудом проговорила Алиса, — если уж начнешь бежать и будешь бежать ОЧЕНЬ долго, в конце концов окажешься на новом месте, а не на том же самом.

— Значит, твоя страна ТЯЖЕЛА НА ПОДЪЕМ, — сказала Королева. — Вот у нас приходится бежать во весь дух, чтобы остаться на месте. А если нужно попасть куда-то еще, приходится бежать чуть не в два раза быстрее.

— Нет уж, лучше в другой раз, — сказала Алиса. — Мне и здесь очень нравится… только ужас как жарко… и пить хочется.

— Ну, это не беда! —добродушно сказала Коро-

лева и вытащила из кармана что-то завернутое в старую газету. — Хочешь воблы?

Алиса решила, что отказываться невежливо, хотя воблы ей совсем не хотелось. Она взяла ее и попыталась разгрызть: вобла была ОЧЕНЬ сухая и ОЧ-ЧЕНЬ соленая. Алиса подумала, что, наверно, никогда еще вобла не была ТАК некстати.

— Пока ты утоляешь жажду, — сказала Королева, — я произведу необходимые измерения.

Она вытащила из кармана рулетку и принялась что-то мерить, время от времени втыкая в землю колышки.

— Когда я дойду до этого места, — сказала она, втыкая первый колышек, — ты получишь Надлежащие Инструкции… Еще воблы?

— Нет, нет, спасибо, — ответила Алиса. — ОДНОЙ вполне достаточно!

— Значит, с жаждой мы покончили? — спросила Королева.

Алиса не знала, что ответить, но, к счастью, Королева и не стала дожидаться ответа: она опять взялась за рулетку.

— У второго колышка я повторю Инструкцию… чтобы ты чего-нибудь не позабыла. У третьего — скажу «До свидания!». А у четвертого мы расстанемся.

Теперь все колышки торчали из земли, и Алиса с живейшим интересом следила за тем, как Королева вернулась к дереву, а от дерева пошла к первому колышку.

Остановившись около него, она обернулась и сказала:

— За первый ход Пешка проходит две Клетки. Поэтому ты должна поскорее проскочить Третью Клетку — лучше всего на поезде. Тогда ты окажешься сразу на Четвертой Клетке. Там живут Тарарам и Тилибом… На Пятой Клетке, в основном, пух и перья… На Шестой — Шалтай-Болтай… Ты чего молчишь?

— А разве… я… должна что-то сказать? — испуганно спросила Алиса.

— Ты ОБЯЗАНА сказать: «Благодарю вас за эти ценные сведения!» — сурово ответила Черная Королева. — Ну да ладно, будем считать, что ты это уже сказала… На Седьмой Клетке — Лес… Ну ничего, там тебя проводит Рыцарь на Белом Коне… А на Восьмой Клетке ты станешь Королевой (такой же, как я), и мы закатим ПИР ГОРОЙ!

Алиса встала, сделала реверанс и опять села.

У следующего колышка Черная Королева остановилась, опять обернулась и на этот раз сказала:

— Если забудешь какое-нибудь слово, справься о нем в Орфографическом Словаре… Сперва ступай на носок, а потом на пятку… Уважай старших… И веди себя как следует!

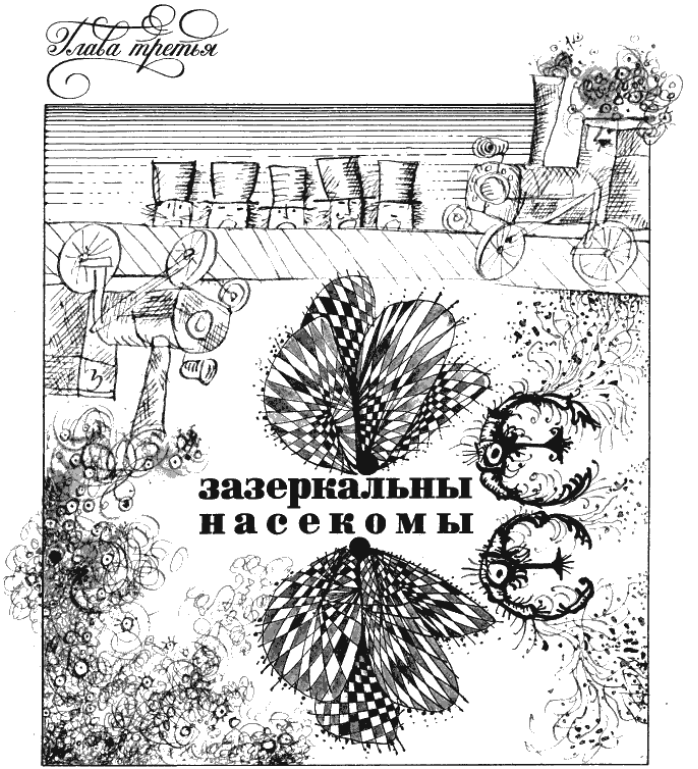
На этот раз она не стала ждать, пока Алиса сделает реверанс, быстро дошла до колышка, крикнула оттуда: «Привет!» — и побежала к последнему колышку.

Алиса так и не поняла, как это вышло, но у самого колышка Королева исчезла. То ли она растаяла в воздухе, то ли просто очень быстро добежала до Леса («Это она умеет!» — подумала Алиса), сказать трудно, но так или иначе, а Королева куда-то подевалась. Тут Алиса вспомнила, что теперь она — Белая Пешка и скоро ее очередь делать ход.

Глава третья

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ

Прежде всего, решила Алиса, нужно внимательно изучить страну, по которой собираешься путешествовать. «Я как будто отвечаю по географии, — подумала она, привстав на цыпочки и пытаясь разглядеть, что происходит внизу. — «Назови главные реки Зазеркалья!» — «Главных рек нет». — «Главные горы Зазеркалья?» — «Есть одна, я как раз на ней стою, но как она называется, не знаю!» — «Где находится столица Зазеркалья?»... Ой, КТО это там летает над цветами? Конечно, это никакая не пчела... Пчелу НЕВОЗМОЖНО разглядеть на таком расстоянии!» Алиса молча смотрела, как Неизвестное Существо кружилось над цветами, время от времени запуская в них свой хоботок.

Да, это была вовсе не пчела. Это был... СЛОН, о чем в конце концов догадалась Алиса. Правда, сперва она в это не поверила... «И цветы, наверно, такие же огромные, — поразилась она. — Каждый цветок как дом или еще больше... И сколько же в нем меда! Надо поскорей спуститься вниз... Нет, уж лучше я потом спущусь, — решила она, остановившись (наверно, Алиса чуточку испугалась). — В ту сторону пока лучше не ходить. Ведь мне придется отгонять этих СЛОНОВ, если им захочется меня ужалить... А как замечательно будет,

когда потом меня спросят: «Как вы прошлись?» — а я отвечу: «Ой, спасибо (тут Алиса вежливо кивнула головой), большое спасибо. Правда, было чуть-чуть душновато… и потом, всю дорогу надо мной тучей вились СЛОНЫ!» Пойду-ка я лучше в другую сторону, — решила она, — а на слонов посмотрю как-нибудь в другой раз. И вообще мне давно пора на Третью Клетку!»

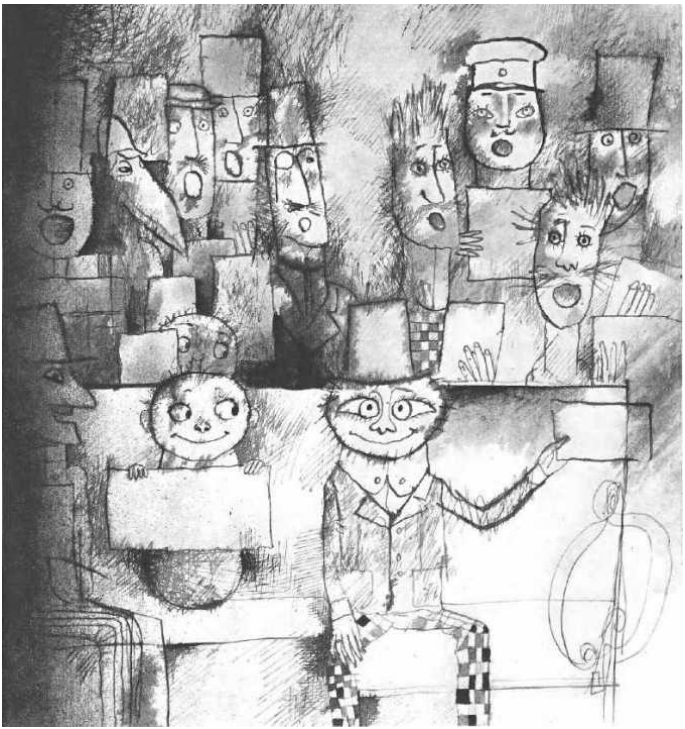
Алиса сбежала вниз, к подножию Горы, и перепрыгнула через первый из шести маленьких ручейков.

. . . . . .

. . . . . .

— Предъявите билеты! — сказал Кондуктор, просунув голову в окошко.

В тот же миг все пассажиры уже держали в руках по билету (билеты и пассажиры были одинакового размера, так что в вагоне сразу стало тесно).

— Предъяви билет, девочка! — потребовал Кондуктор, сурово глядя на Алису.

И тут раздалось Великое Множество Голосов («Как самый настоящий хор!» — подумала Алиса):

— Не задерживай его, девочка. У него совсем нет времени. Ведь время стоит ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — минута!

— У меня нет билета, — испуганно сказала Алиса. — На Горе, с которой я сюда попала, не было кассы.

И снова раздался Хор Голосов:

— На Горе не было места для кассы. Ведь земля на Горе стоит ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — клочок!

— Это дела не меняет, — сказал Кондуктор, — ты должна была купить билет у Машиниста.

И опять раздался Хор Голосов:

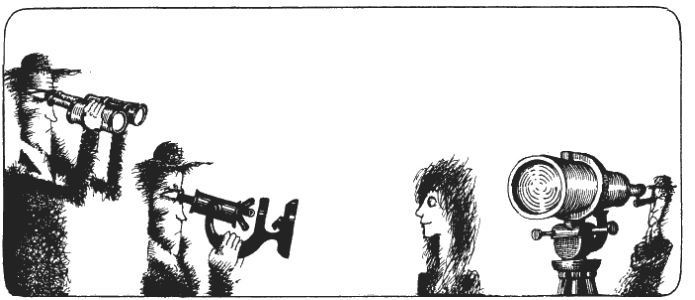
— У Человека, Который Ведет Паровоз. Ведь даже Паровозный Дым стоит ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — колечко!

«Не стану я им отвечать», — подумала Алиса. На этот раз Хора Голосов она не услышала, но зато, к ее величайшему удивлению, все пассажиры подумали хором (надеюсь, ты понимаешь, что значит «подумать хором», потому что мне это, честно говоря, не ясно): «Помалкивай. Ведь разговоры стоят ТЫСЯЧУ ФУНТОВ — слово!»

«Они только и думают, что об этой несчастной

ТЫСЯЧЕ ФУНТОВ», — решила Алиса.

Все это время ее внимательно рассматривал Кондуктор: сперва в телескоп, потом в микроскоп, а потом в театральный бинокль.

В конце концов он сказал:

— Ты едешь не в ту сторону, — закрыл окно и ушел.

— Девочки, — сказал Джентльмен, сидевший напротив Алисы (он весь был завернут в белую бумагу), — девочки обязаны знать, куда они едут, даже если они не знают, который час.

Козел, дремавший слева от Бумажного Джентль-

мена, открыл глаза и сказал:

— Девочки обязаны знать, где находится касса, даже если они не знают, сколько будет дважды два!

Рядом с Козлом сидел Жук (это был очень странный поезд, и ехали в нем самые разные пассажиры). Все говорили по очереди, и теперь настала очередь Жука. Поэтому он небрежно заметил:

— Ее нужно отправить обратно. В багажном вагоне.

Алиса не видела, кто сидит рядом с Жуком, но тут она услышала, как чей-то голос игриво произнес:

— Скажите, неужели нельзя прицепить второй паровоз?

После этого послышался кашель, и игривый голос замолк.

«По-моему, это Лошадь», — решила Алиса. В то же время у самого ее уха раздался НЕВЕРОЯТНО ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК:

— *Вы могли бы изумительно пошутить… в том духе, что вот у Лошади грива, а выражается она игриво… Что-то в этом роде.*

На другом конце вагона чей-то голос тихо сказал:

— Наклеим на нее бумажку: «АЛИСА. НЕ КАНТОВАТЬ».

А другие голоса («Сколько же здесь народу!» — подумала Алиса) заговорили в ответ:

— Давайте отправим ее заказным письмом… Или пошлем по телеграфу… Или заставим тянуть наш вагон вместо паровоза! — и так далее, и тому подобное.

Но Джентльмен, Завернутый В Белую Бумагу, наклонился к ней и прошептал:

— Ничего не бойся, девочка, и на каждой остановке бери два обратных билета…

— Не хочу! — нетерпеливо перебила его Алиса. — И вообще я не имею никакого отношения к этому поезду… Я только что была в Лесу… и хочу обратно!

— *Вы могли бы отлично пошутить,* — сказал ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК у нее над ухом. — *В том духе, что если уж ВЛЕЗ В ЛЕС, то чего же оттуда вылезать… Что-то в этом роде.*

— Не хочу! — сказала Алиса, безуспешно пытаясь понять, кто это говорит. — Шутите, пожалуйста, сами, если считаете нужным.

ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК тяжело вздохнул: он, по-видимому, был очень несчастен, и Алисе захотелось его утешить. «Хоть бы он вздыхал, как все

остальные», — подумала она. Но вздох был такой слабый, что она ни за что бы его не услышала, если бы он не раздался у самого ее уха. Из-за этого в ухе стало щекотно, и это отвлекло ее от страданий ТОНЕНЬКОГО ГОЛОСКА.

— *Я знаю, вы мне друг,* — продолжал ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК, — *добрый, старый, надежный друг. И вы не обидите меня только за то, что я… Насекомое.*

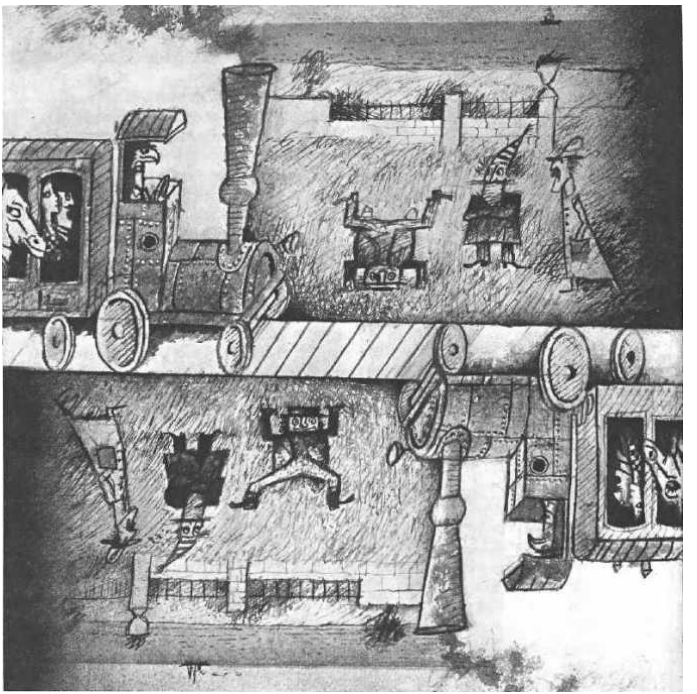
— Насекомое? А какое? — встревоженно спросила Алиса. На самом деле она просто хотела узнать, может ли это насекомое ужалить или, чего доброго, укусить, но решила, что спросить об этом прямо — невежливо.

— *Ах, значит, вы не любите…* — начал было ТОНЕНЬКИЙ ГОЛОСОК, но его заглушил гудок паровоза.

Все пассажиры повскакивали со своих мест. Вскочила и Алиса.

Лошадь высунулась из окна, после чего снова уселась на место и спокойно сказала:

— Ничего страшного. Сейчас поезд будет прыгать через ручей.

Все сразу успокоились. Одна Алиса чуть-чуть

волновалась. Ей почему-то казалось, что поезда не умеют прыгать. «Зато мы попадем на Четвертую Клетку», — подумала она.

В тот же миг Алиса почувствовала, как вагон поднимается в воздух, и в ужасе ухватилась за ближайший предмет. Предметом оказалась Козлиная Борода.

. . . . . .
. . . . . .

Но Борода растаяла и исчезла, как только Алиса за нее схватилась, и в тот же миг она очутилась на траве, под деревом, а Комар (потому что именно он разговаривал с Алисой ТОНЕНЬКИМ ГОЛОСКОМ) уселся на ветке у нее над головой и обмахивал Алису своими крыльями.

Это был огромный Комар, «ростом с цыпленка», подумала Алиса. Впрочем, его она не боялась — ведь они уже успели поговорить в поезде.

— Итак, вы вообще не любите насекомых? — спросил Комар как ни в чем не бывало.

— Люблю… если они умеют говорить, — ответила Алиса, — а там, где я живу, ни одно насекомое этого не умеет.

— Обществом каких насекомых вы изволили наслаждаться у себя на родине? — спросил

Комар.

— Я вовсе не наслаждалась их обществом, — объяснила Алиса. — Я их ужасно боюсь… особенно тех, что покрупнее. Зато я помню, как их зовут.

— Они, конечно, откликаются, если их позвать? — небрежно заметил Комар.

— Я не знала, что они умеют… откликаться.

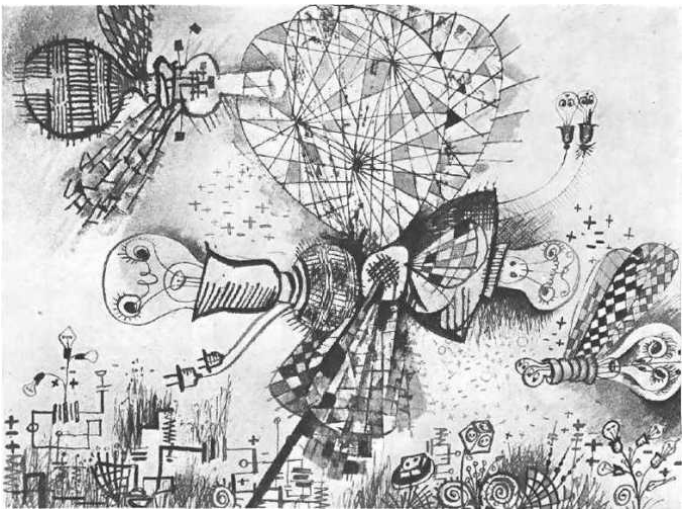
— Зачем же им имена, — возразил Комар, — если они на них не откликаются?

— Насекомым, конечно, незачем, — сказала Алиса. — Но наверно, так удобнее людям. Ведь это люди их как-то назвали. А для чего вообще нужны имена?

— Понятия не имею, — ответил Комар. — Дальше в лесу есть такое место, где ни у кого нет имени. Впрочем, это к слову. Вы, кажется, хотели перечислить мне насекомых, с которыми вы знакомы, а теперь тратите время зря.

— Ну, во-первых, пчела и шершень, — сказала Алиса и загнула два пальца.

— Вот именно, — ответил Комар. — Если вы внимательно посмотрите во-о-он на тот цветок, то заметите, что над ним вьется ПЧЕЛАМПА, а неподалеку от нее летает ТОРШЕРШЕНЬ. Они сделаны из стекла, и у обоих есть красивые железные подставки.

— А чем они питаются? — с величайшим любопытством осведомилась Алиса.

— Керосином, — ответил Комар. — Назовите еще кого-нибудь.

«Наверно, — подумала Алиса, — насекомые всегда летят на свет потому, что им хочется

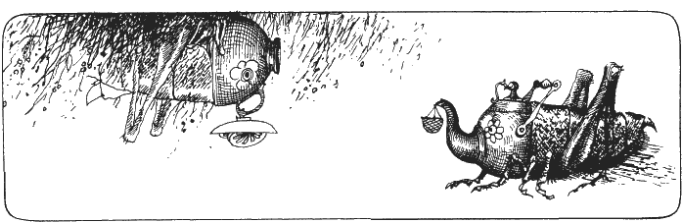
превратиться в ПЧЕЛАМПУ И ТОРШЕРШНЯ!» Насмотревшись на них, она сказала:

— Во-вторых, бывает саранча.

— Посмотрите на ветку у вас над головой, — промолвил Комар. — И вы увидите, что на ней сидят САРАНЧАШКА И САРАНЧАЙНИК. У САРАНЧАШКИ на голове блюдце с лимоном, а у САРАНЧАЙНИКА на носике ситечко. Крылья у них у обоих сделаны из пирога с вареньем, а головы — сахарные.

— А чем они питаются? — озабоченно спросила Алиса.

— Трехслойным мармеладом, — ответил Комар. — А гнездятся они в Серванте.

— В-третьих, бабочка, — сказала Алиса, нагля-

девшись на САРАНЧАЙНИКА с сахарной головой.

— Взгляните себе под ноги, — заметил Комар (Алиса испуганно отскочила в сторону), — и вы увидите, что на одуванчике сидит БАОБАБОЧКА. Крылья у нее сделаны из веток, а голова — из зеленых листьев БАОБАБА.

— А чем она питается?

— Вареным баобабом.

Алису это смутило.

— А если она не найдет ни кусочка вареного баобаба? — с тревогой спросила она.

— В таком случае она, разумеется, умрет.

— Но ведь ей, наверно, редко попадается вареный баобаб, — задумчиво произнесла Алиса.

— Он ей никогда не попадается, — ответил Комар.

Минуту Алиса сидела молча, а Комар развлекался тем, что с жужжанием летал у нее над головой. Наконец, он снова уселся на ветку и сказал:

— Надеюсь, вы не намерены потерять свое имя?

— Конечно, нет, — растерянно ответила Алиса.

— Не знаю, не знаю… — пробормотал Комар. — Вы только подумайте, как удобно вернуться домой без имени! Например, вас вызывают на уроке. Учительница говорит: «Иди к доске…» — и тут она замолчит, потому что у вас не будет имени, и вы, разумеется, сможете сделать вид, что зовут не вас, а кого-то там!

— Ничего из этого не выйдет, — сказала Алиса, — и все равно придется отвечать мне, а не кому-то там. Если учительница забудет, как меня зовут, она скажет: «Эй, ты!», или «Эй!», или еще

как-нибудь.

— Если она скажет вам «ЭЙ», — беспечно проговорил Комар, — вы сможете не отвечать ЕЙ. Это шутка. Мне хотелось бы считать, что это ваша шутка.

— Почему? — удивилась Алиса. — Ведь эта шутка совсем не смешная.

Но Комар только тяжело вздохнул, и Большая Слеза скатилась по его щеке.

— Зачем вы шутите, — сказала Алиса, — если у вас от этого портится настроение?

Комар только вздохнул и, видимо, исчерпал запас вздохов, потому что, когда Алиса оглянулась, на ветке уже никого не было. Становилось все холоднее, трава стала совсем сырой, а потому Алиса встала и пошла дальше.

Она шла и шла, пока не вышла на большую поляну, за которой снова начинался Лес. В новом Лесу было еще темнее, чем в прежнем, и Алиса засомневалась, стоит ли ей идти дальше. «Нет, назад я не вернусь, — в конце концов решила она. — Мне ОБЯЗАТЕЛЬНО нужно добраться до Восьмой Клетки!»

— Должно быть, это тот самый Лес, — размышляла она, — про который Комар сказал, что здесь ни у кого нет имени. Интересно, а с моим име-

нем что случится? Оно потеряется? А мне дадут новое… и наверняка страшно уродливое. И мое старое имя привяжется к кому-нибудь другому! Как в объявлении о пропаже: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПЕС ДРУЖОК. БЕЛОЕ ПЯТНО НА ПРАВОЙ ЗАДНЕЙ ЛАПЕ. ОТЗЫВАЕТСЯ ТАКЖЕ НА ИМЕНА ШАРИК И РОЛИК…» И вот потеряю я мое имя и всех, кто мне повстречается по пути, буду спрашивать: «Извините, вы случайно не Алиса?», пока кто-нибудь не ответит: «Угу». Только кто же мне ответит?

Так она размышляла, пока шла через поляну. В Лесу было темно и прохладно.

— Ну, — сказала Алиса, очутившись в тени, — может быть, я и потеряю имя, но все равно после такой жары так приятно посидеть под… под… под ЧЕМ? — Тут она положила руку на ствол дерева. — Интересно, а оно само как себя называет? Неужели никак? Неужели у него нет имени?

Минуту она постояла молча, а потом снова заговорила:

— Значит, Комар был прав! Ну хорошо, а кто я такая? Сейчас вспомню. Обязательно вспомню. Непременно вспомню!!!

Но ничего не вышло, и все, что Алиса смогла придумать после долгих размышлений, было:

— Могу поспорить, что мое имя начинается на

«Ы»! Или, МОЖЕТ БЫТЬ, на твердый знак…

В это время мимо проходил Олененок. Он ни капельки не испугался, когда заметил Алису.

— Иди сюда! — позвала она и протянула руку, чтобы его погладить, но Олененок отскочил в сторону, остановился и снова посмотрел на нее; наконец он спросил:

— Как тебя зовут? (И какой же у него был чудесный, ласковый голос!)

«Действительно, как же меня зовут?» — подумала несчастная Алиса и ответила:

— Никак.

— Это имя тебе не подходит, — сказал Олененок. — Попробуй вспомни еще какое-нибудь.

Алиса принялась вспоминать, но ничего из этого не вышло.

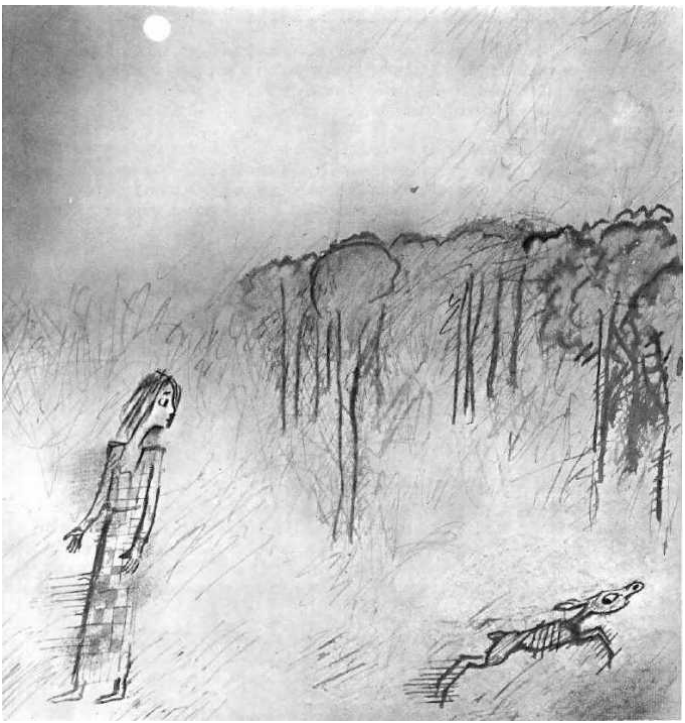
— А как тебя зовут? — робко спросила она. — Мне почему-то кажется, что, если ты вспомнишь, у меня это тоже получится.

— Пошли в ту сторону, — предложил Олененок. — Я, наверно, вспомню, но только на опушке.

Алиса обняла его за шею, и они пошли дальше, пока снова не вышли на поляну. Тут Олененок подпрыгнул и рванулся в сторону.

— Я Олененок! — радостно крикнул он. — А ты… Ты человек!

Тут он в ужасе глянул на Алису и в то же мгновение стрелой понесся в Лес.

Алиса глядела ему вслед, чуть не плача от того, что так быстро рассталась с таким симпатичным спутником. «Зато теперь я знаю, как меня зовут, — подумала она. — Это как-то поднимает настроение. АЛИСА… Ни за что больше не забуду! Интересно, а какая стрелка указывает правильную дорогу?»

Вряд ли стоило задавать этот вопрос: через Лес проходила всего одна дорога, и обе стрелки указывали в одну и ту же сторону.

— Посмотрим, что будет на развилке, — решила Алиса. — Там наверняка стрелки будут направлены в разные стороны.

Но Алиса ошиблась. На развилке обе стрелки тоже смотрели в точности в одну и ту же сторону. На одной было написано

«ТАМ ЖИВЕТ ТАРАРАМ»,

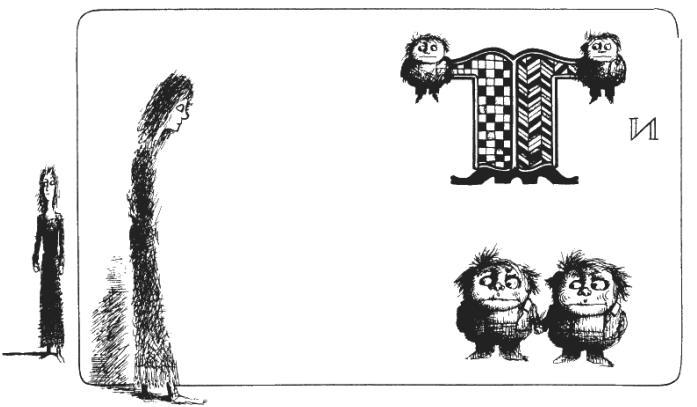
а на другой —

«ТАМ ПРОЖИВАЕТ ТИЛИБОМ».

«Скорее всего, — подумала Алиса, — скорее всего, они живут вместе! Странно, как это раньше мне не пришло в голову?.. Но задерживаться у них мне нельзя! Я только скажу «Как поживаете?»

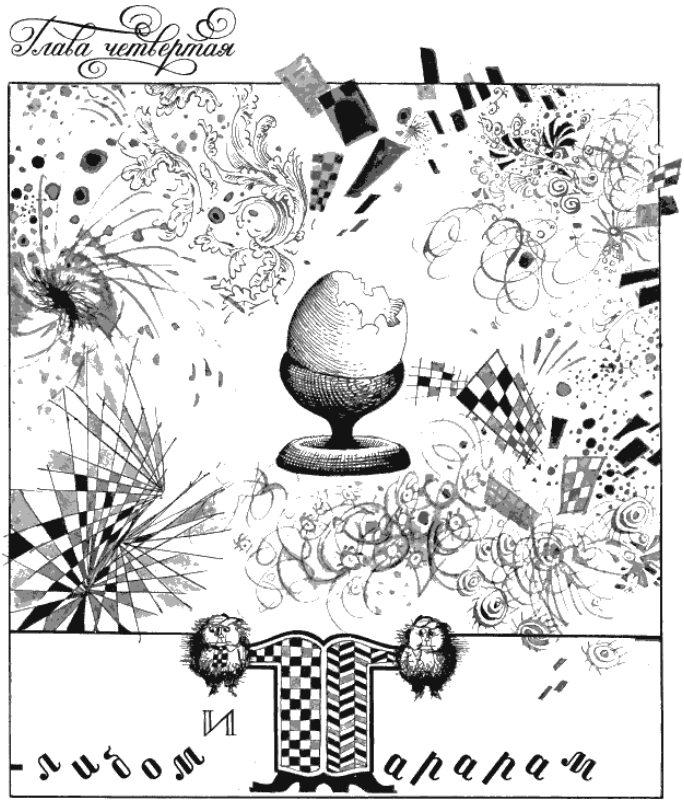
и спрошу, как выйти из этого Леса. Пока не стемнеет, я должна добраться до Восьмой Клетки.

И она пошла дальше и шла себе, болтая всякую всячину, пока, завернув за угол, не увидела двух ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИХ и ОЧЕНЬ ТОЛСТЕНЬКИХ человечков, которые очутились перед ней совершенно неожиданно. Так неожиданно, что она вздрогнула. Правда, она сразу успокоилась, потому что поняла, что это...

Глава четвертая

ТИЛИБОМ И ТАРАРАМ

Они стояли под деревом, взявшись за руки. Алиса почти сразу догадалась, кто они такие: ведь у одного человечка на воротничке было написано «АРАРАМ», а у другого — «ИЛИБОМ».

— Наверно, — решила Алиса, — сзади на воротничках написана буква «Т».

Она было собралась это проверить, но тут Тилибом, который до этого стоял совершенно неподвижно и не мигая глядел на Алису, проворчал:

— Если ты считаешь, что нас ВЫСТАВИЛИ НА ОБОЗРЕНИЕ, нечестно смотреть на нас бесплатно. Если уж нас выставили НА ОБОЗРЕНИЕ, то не для того, чтобы на нас ГЛАЗЕЛИ ЗАДАРОМ. Никоим образом!

— С другой стороны, — добавил Тарарам, — если ты придерживаешься ПРОТИВОПОЛОЖНОГО мнения, нечестно все время молчать.

— Извините меня, пожалуйста, — сказала Алиса, потому что больше ничего не могла придумать. У нее в голове вертелись слова одной старой песенки, и она чуть не прочла вслух:

Тили-тили-тили-бом!
Поехал в гости Тилибом.
Тарарам, оставшись дома,

Сломал трещотку Тилибома.
Тилибом и Тарарам
Подняли страшный тарарам!

Тарарам сказал знакомым,
Что будет драться с Тилибомом.
В тот же миг со всех сторон
Прилетело сто ворон,
А Тилибом и Тарарам
Опять подняли тарарам.

— Я знаю, что тебе пришло в голову, — строго сказал Тилибом, — но КЛЯНУСЬ, все было вовсе не так. Никоим образом!

— С другой стороны, — добавил Тарарам, — если все так и было, то все именно так и было. Если же все было бы так, то все не могло бы быть не так. Но поскольку все было не совсем так, все было совершенно не так. Ясно и логично!

— Скажите, пожалуйста, — вежливо спросила Алиса, — как мне выйти из этого Леса? Становится темно, а я сбилась с дороги.

Но братья только переглянулись.

Они были до того похожи на двух школьников, что Алиса, указав на Тилибома пальцем, строго проговорила:

— Встань и отвечай, раз тебя спрашивают!

— Никоим образом! — гаркнул Тилибом и со щелчком захлопнул рот.

— Тогда отвечай ты! — велела Алиса Тарараму, хотя и была совершенно уверена, что он крикнет: «С другой стороны!» (что он и сделал).

— Это НЕЧЕСТНО, — возмутился Тилибом. — Первое, что следует сделать, если уж ты пришла в гости, это сказать «Как поживаете?» и пожать руки хозяевам.

Тут братья нежно обняли друг друга, а свободные руки протянули Алисе.

Чтобы никого не обидеть, она пожала им руки одновременно, и в тот же момент оказалось, что они водят хоровод. Алису это ничуть не удивило и, как она рассказывала впоследствии, ей не показалось странным даже то, что в ту же минуту зазвучала музыка. Оказалось, что это играет дерево, вокруг которого они вели хоровод: ветки терлись о корни, как смычки о струны.

— Представь себе, — рассказывала потом Алиса своей старшей сестре, — как мне стало смешно, когда оказалось, что я пою: «Я люблю, конечно, всех, но Тилибома больше всех!» Правда, я не помню, когда мы начали петь, но у меня было такое чувство, что пели мы ужасно долго.

Кавалеры у Алисы были маленькие и толстенькие, а потому скоро выдохлись.

— Четырех кругов вполне достаточно. И даже более того, — пропыхтел Тилибом, и они бросили водить хоровод так же внезапно, как и начали. В ту же минуту прекратилась и музыка.

Тилибом и Тарарам опять не мигая уставились на Алису. Наступило неловкое молчание, а она все не могла сообразить, как же начать беседу с людьми, с которыми ты только что водил хоровод. «По-моему, как-то неловко спрашивать, как они поживают, — подумала она. — У меня такое ощущение, как будто про это мы уже говорили».

— Вы, наверно, устали? — наконец спросила Алиса.

— Никоим образом. И большое тебе спасибо за заботу, — ответил Тилибом.

— Очень тебе обязан, — добавил Тарарам. — Кстати, как ты относишься к стихам?

— К стихам? Ну, вообще-то… — осторожно на-

чала Алиса. — Скажите, пожалуйста, если я пойду по этой дороге, я скоро выйду из Леса?

— Что именно ей прочесть? — торжественно спросил Тарарам у Тилибома, не обращая на вопрос Алисы ни малейшего внимания.

— «Тюлень и Плотник», кажется, длиннее всего, — ответил Тилибом и прочувствованно похлопал брата по плечу.

В ту же секунду Тарарам начал:

Вокруг была ночная мгла…

Алиса решительно его перебила.

— Если эти стихи ОЧЕНЬ длинные, — сказала она, изо всех сил стараясь быть вежливой, — то, может быть, лучше вы мне сначала скажете, по какой дороге…

Тарарам мило улыбнулся и начал с начала:

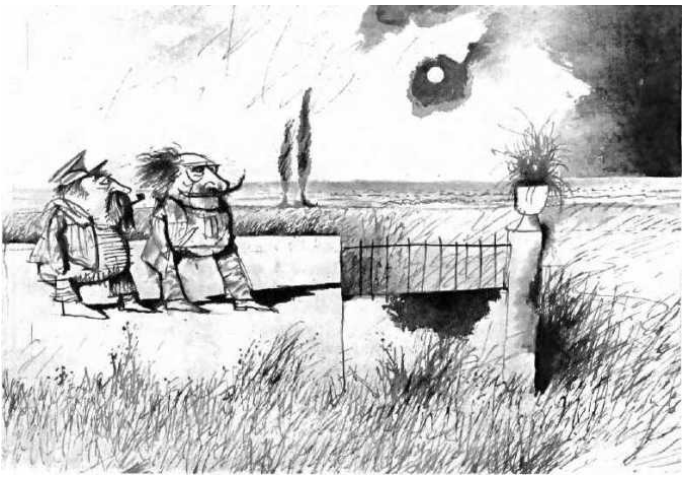
Вокруг была ночная мгла,
А по небу луна плыла,
И туча шла за тучей.
Вдобавок солнышко пекло,
И было ужас как светло.
Да, ОЧЧЕНЬ странный случай.

В обиде фыркнула луна:

«Я вам, как видно, не нужна» —
И страшно покраснела.
Шумела мокрая вода,
Песок был желтый (как всегда),
И травка зеленела.

Вот в эту ночь (простите, день!)
У моря Плотник и Тюлень
Гуляли до рассвета.
Тюлень воскликнул: «Вот тоска!
На берегу полно песка.
Меня тревожит это.

Не мог бы ты часам к шести
Весь этот берег подмести?»
Но Плотник не ответил:
Утер слезу и ни гугу
(Ну, а песка на берегу
Он просто не заметил).

«Эй, Караси, — сказал Тюлень, —
Вам что, на дне лежать не лень?
Пойдем пройдемся, братцы!» —
«А ты, — сказали Караси, —
Акулу лучше пригласи.
Счастливо прогуляться!»

Но три НЕОПЫТНЫХ малька
Уже спешат издалека,
Чтобы пройтись с Тюленем,
А Кашалоты и Плотва
Взирают на мальков с едва
Заметным удивленьем.

Они гуляли до утра…
Вдруг Плотник закричал: «Ура!
Мы, кажется, у цели!»
Присели на песок они
(Тюлень устроился в тени,
Мальки на солнце сели).

Тюлень сказал: «Я не пойму,
Зачем (а также почему)
На свете есть капуста.

И каковы причины те,
Из-за которых в решете
Подчас бывает пусто».

«Постой, — взмолились Караси, —
Полегче что-нибудь спроси.
Все это странно как-то...»
А Плотник нехотя изрек
(В его глазах стоял упрек):
«Тюлень, побольше такта!»

Тюлень продолжил: «Как всегда,
У нас с собой сковорода,
Горчица и сметана.
А раз у нас все это есть,

То КОЙ-КОГО мы можем съесть!» —
И улыбнулся странно.

Но Караси сказали: «Нет!
Еще не знал весь белый свет
Такого преступленья!»
Тюлень заметил: «До чего ж
Сегодняшний пейзаж пригож…
Прекрасна жизнь тюленья!

Мы очень рады, Караси,
Что вы пришли сюда. СПАСИ-
БО». Плотник лег устало
И прошептал: «Ты что, ослеп?!

Ну кто так толсто режет хлеб?
К тому же перца мало».

Тюлень сказал: «Мне все претит!
Куда пропал мой аппетит?!
Нам не простят обмана!
Мы их съедим в расцвете сил!..»
А Плотник только и спросил:
«Послушай, где сметана?»

Тюлень воскликнул: «Как всегда,

Я помираю со стыда!» —
И сел у сковородки.
В его глазах была тоска
(Он вытер с помощью платка
СЛЕЗУ на подбородке).

Тут Плотник заявил: «Пора!
Мы с Карасями тут с утра.
Скорей пошли обратно!»
Но промолчали Караси.
А почему?.. У них спроси,
Хотя и так понятно.

— Мне больше нравится Тюлень, — сказала Алиса. — Все-таки ему было жалко бедных Карасей. И потом, он даже заплакал и вытер слезу платком.

— Но при этом съел больше Плотника, — возразил Тарарам. — Кроме того, платком он вытирал сметану.

— Безобразие! — возмутилась Алиса. — Раз так, мне больше нравится Плотник: ведь он съел меньше Тюленя.

— Никоим образом! Ведь он съел все, что ему досталось, — сказал Тилибом.

Задача оказалась неразрешимой. Помолчав, Алиса ответила:

— Ну и ладно! Оба они хороши…

Но тут она замолчала, потому что из Лесу послышался РЕВ, который она сперва приняла за ГУДОК паровоза, а потом — за урчание дикого зверя.

— Скажите, тут водятся хищные животные? — робко спросила она.

— Это храпит Черный Король, — ответил Тарарам.

— Пошли на него посмотрим! — закричал Тилибом, и братья повели ее к месту, где спал Король.

— Не правда ли, трогательное зрелище? — сказал Тилибом.

Алиса, честно говоря, так не думала. Король, скрючившись, лежал под деревом и издалека напоминал продавленную кушетку. Вдобавок на нем была мятая пижама и ночной колпак с кисточкой. Время от времени он звучно всхрапывал.

— И как у него голова не оторвется от храпа? — мимоходом заметил Тилибом.

— Как бы он не простудился — трава совсем сырая, — сказала Алиса (она была очень вдумчивой девочкой).

— Ему снится сон, — сказал Тарарам. — А как ты думаешь, что ему снится?

— Никто этого не узнает, пока Король не проснется и сам не расскажет, — ответила Алиса.

— Вот и нет! Вот и нет! Ему снишься ты! — воскликнул довольный Тарарам и захлопал в ладоши. — А как по-твоему: где ты окажешься, если перестанешь ему сниться?

— Там же, где и была, — ответила Алиса.

— Как бы не так! — презрительно сказал Тарарам. — Тебя вообще нигде не будет. Ведь ты — просто ОДИН ИЗ ЕГО СНОВ!!!

— И если Король проснется, — добавил Тилибом, — ты улетучишься— бац! бумм! ПШШШШ! — как лопнувший шарик.

— А вот и не улетучусь! — сердито закричала Алиса. — Кстати, если Я всего лишь один из снов Короля, то интересно, кто ВЫ такие?

— Тоже сны, разумеется, — пояснил Тарарам.

Сказано это было так громко, что Алиса заметила:

— Тише! Смотрите, если будете так шуметь, Король проснется.

— Ну, знаешь, не тебе судить, проснется он или нет, — сказал Тилибом, — ведь ты — всего лишь его сон. Ты отлично знаешь, что ты невзаправдашняя.

— Нет, взаправдашняя, — сказала Алиса и заплакала.

— Слезами делу не поможешь, — высказался Тарарам. — От плача взаправдашнее не станешь.

— Если бы я была невзаправдашняя, — ответила Алиса, улыбаясь сквозь слезы (все это было совсем не страшно, и ей в конце концов стало весело), — я бы тогда не умела плакать.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что плачешь НАСТОЯЩИМИ слезами? — с величайшим презрением перебил ее Тарарам.

«Я знаю, что все это понарошку, — подумала Алиса, — и поэтому плакать — глупо». Она вытерла слезы и, стараясь держаться как можно веселее, сказала:

— Ну ладно, мне пора выбираться из Лесу. Становится совсем темно. Наверно, скоро пойдет

дождик.

Тилибом раскрыл огромный зонт, спрятался под ним вместе с Тарарамом и посмотрел на небо.

— Может, дождь и будет. Только вряд ли, — сказал он. — По крайней мере под этим зонтиком.

— А что, если дождь пойдет вокруг зонтика?

— Это его дело… Пусть идет, если ему хочется пройтись, — ответил Тарарам. — Мы не возражаем…

«Эгоисты!» — подумала Алиса и уже собралась было сказать «До свидания!» и уйти восвояси, как вдруг Тилибом выскочил из-под зонта и схватил ее за руку.

— Каково! КАКОВО?! — спросил он, задыхаясь от возмущения. Глаза у него сделались круглыми и желтыми, как у кота. Дрожащей рукой он указывал на какую-то Разноцветную Штуковину, лежавшую под деревом.

— Это трещотка, — сказала Алиса, внимательно рассмотрев Разноцветную Штуковину. — Она умеет замечательно трещать, и не нужно ее бояться, — добавила она, думая, что Тилибом испугался. — Не нужно! Это самая обычная трещотка, довольно старая и, кажется, сломанная.

— Каково! КАКОВО?! — взвизгнул Тилибом,

затопал ногами и затряс головой. — Так и есть! Ее сломали! — тут он взглянул на Тарарама, который тут же спрятался под зонтиком.

Алиса обняла Тилибома и попыталась его утешить.

— Стоит ли расстраиваться из-за какой-то старой трещотки, — сказала она.

— Не старая она, не старая! — разозлившись еще сильнее, заорал Тилибом. — Она новая! Моя чудная, НОВЕХОНЬКАЯ трещотка! Я купил ее ПРОШЛОЙ ОСЕНЬЮ…

Тут он завизжал на весь Лес.

В это время Тарарам упорно пытался залезть в зонтик и закрыться в нем изнутри: это было настолько захватывающее зрелище, что Алиса начисто забыла о разбушевавшемся Тилибоме. Правда, Тарарам так и не смог довести дело до конца: зонтик вместе с содержимым покатился по траве, причем около ручки торчала Тарарамова голова. Голова по очереди открывала то рот, то глаза, и все вместе «было удивительно похоже на пойманного карася», как решила Алиса.

— Надеюсь, ты не станешь уклоняться от Честного Боя? — немного успокоившись, спросил Тилибом у Тарарама.

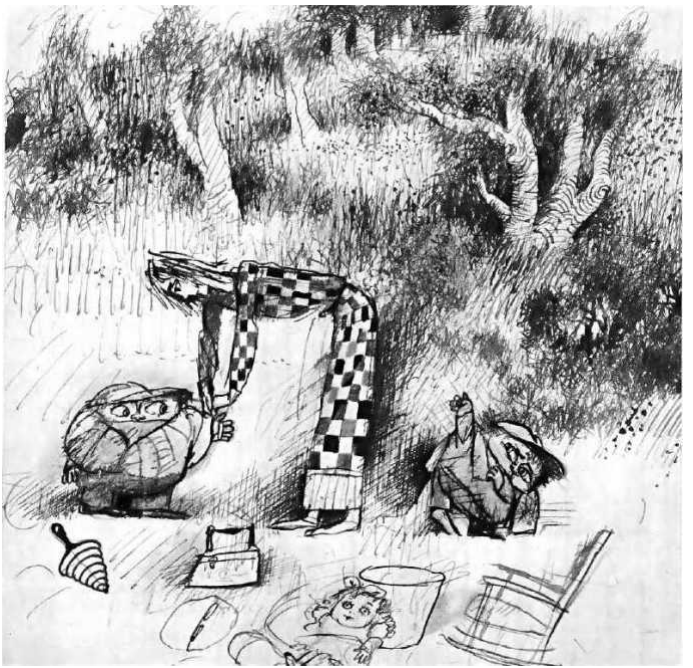
— Не стану, — мрачно ответил Тарарам, вы-

карабкиваясь из зонтика. — Только пусть она поможет нам надеть доспехи.

Тут оба брата, держась за руки, скрылись в Лесу и через некоторое время вернулись, нагруженные всяким добром: диванными валиками, ковриками, кастрюлями, ведрами, одеялами, занавесками, салфетками, утюгами, подушками, сковородками, креслами-качалками и плюшевыми гардинами.

— Надеюсь, ты умеешь ПРИШИВАТЬ и ПРИШПИЛИВАТЬ, — сказал Тилибом Алисе. — Все, что мы принесли, пойдет в дело.

Много позже Алиса признавалась, что никогда в жизни не видела такой суматохи: оба братца ужасно суетились, надели на себя кучу всяких вещей и все время ругали ее за то, что она ПРИШИВАЕТ и ПРИШПИЛИВАЕТ слишком медленно.

«Когда я все ПРИШПИЛЮ, они будут как две капли воды похожи на огородные пугала, — по-

думала Алиса, прилаживая на шею Тарараму диванный валик (как он выразился, «чтобы обезопасить голову»).

— Голова, — поучал ее Тарарам, — самое слабое место в бою. Главное, не потерять голову, если, к примеру, коварный враг захочет ее отрубить.

Алиса засмеялась, но, чтобы не обидеть Тарарама, притворилась, что на нее напал кашель.

— Сегодня я, кажется, бледнее обычного? — спросил Тилибом, надевая на голову сковородку.

— Да, чуточку, — ласково сказала Алиса.

— Вообще-то я ОЧЕНЬ отважен, — прошептал Тилибом, — но как раз сегодня у меня разболелась голова.

— А у меня второй день ноют зубы! — немедленно закричал Тарарам. — Зубы важнее головы: значит, мне хуже, чем тебе.

— Тогда лучше всё отложить до завтра, — сказала Алиса, считая, что это прекрасный повод для заключения мира.

— Мы обязаны малость подраться, — ответил Тилибом. — Но думается, бой будет не слишком долгим… Который час?

— Полпятого, — ответил Тарарам, взглянув на часы.

— Тогда деремся до шести, а в шесть обедаем!

— предложил Тилибом.

— Ладно, — печально согласился Тарарам. — Только пусть ОНА на нас смотрит… Не подходи слишком близко, — добавил он. — Если я настроен воинственно, я кидаюсь с мечом на все, что вижу.

— А я кидаюсь с мечом на все, что подвернется, — крикнул Тилибом, — все равно, вижу или нет!

Алиса засмеялась:

— Вы, наверно, все время попадаете по деревьям.

Тилибом с достоинством улыбнулся.

— Не думаю, — сказал он, — что к шести часам здесь останется хотя бы одно целое дерево.

— И все из-за трещотки! — воскликнула Алиса, все еще надеясь, что им станет хоть чуточку стыдно драться из-за такой чепухи.

— Но ведь она была совсем НОВАЯ! Из-за старой я, может быть, и не стал бы драться, — ответил Тилибом.

«Вот если бы сейчас прилетело сто ворон…» — подумала Алиса.

— У нас только один меч, — сказал брату Тилибом. — Но ты, если хочешь, можешь взять зонтик. Он даже острее. Пора начинать, а то темнеет и я почти ничего не могу разглядеть.

— А я не только не могу, но и не хочу, — сказал Тарарам.

Действительно, внезапно стало совершенно темно. Алиса решила, что надвигается гроза.

— Какая черная туча! — воскликнула она. — Как быстро она приближается! Ой, по-моему, у нее крылья!

— Вороны! — завопил Тилибом.

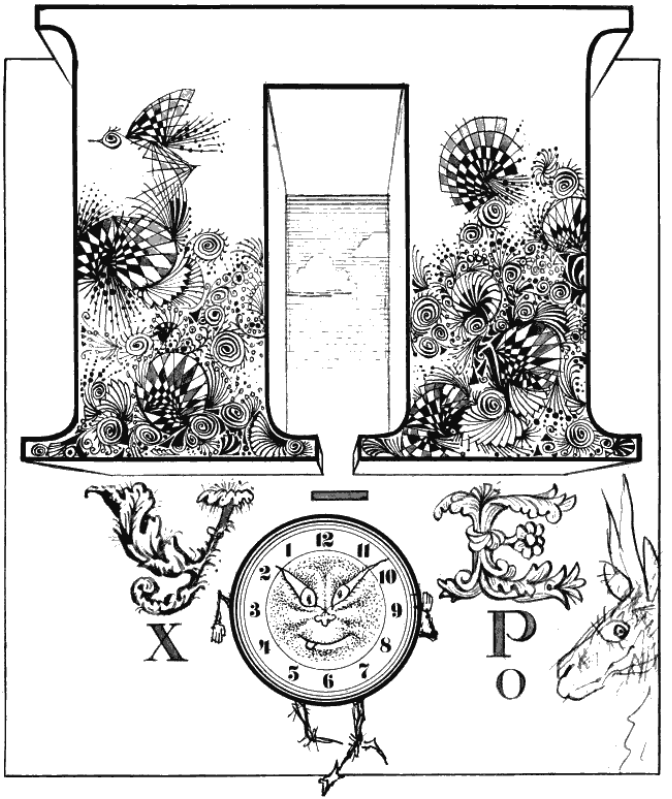
Оба братца дернули что есть мочи и через минуту исчезли из виду. Алиса побежала за ними, но потом остановилась под высоким деревом.

«Здесь воронам до меня не добраться, — подумала она. — Им ни за что не пролететь через чащу. Хорошо бы, они перестали хлопать крыльями, а то в Лесу начнется самый настоящий ураган! Ну вот, кто-то потерял шаль… Она летит прямо на меня!»

Глава пятая
ПУХ-ПЕРО

Глава пятая

Алиса поймала шаль и оглянулась по сторонам в поисках хозяйки. В тот же миг из Лесу выскочила Белая Королева. Королева беспомощно размахивала руками, как будто собиралась взлететь. Алиса пошла ей навстречу.

— Хорошо еще, я заметила вашу шаль, — сказала Алиса, набрасывая ее на плечи Королеве.

Королева испуганно посмотрела на Алису и быстро пробормотала что-то вроде «пух-перо, пух-перо». Тут Алиса сообразила, что ей самой придется завести разговор, и робко сказала:

— Простите, но если судить по виду Вашего Величества…

— Как? Судить Повидло Моего Величества? — вздрогнула Королева. — Уверяю тебя, Повидло тут совершенно ни при чем: шаль сама потерялась. Она, знаешь ли, все время, норовит куда-нибудь смыться.

Алиса решила, что не стоит начинать разговор с Королевой со Спора о Повидле, и сказала:

— Конечно, конечно, Ваше Величество. Если вы посоветуете мне, С ЧЕГО нужно начать, я постараюсь пришпилить вашу шаль.

— Ах, нет! Не надо! — простонала несчастная Королева. — Я и так БИТЫЙ ЧАС с ней провозилась.

«Ну, ей не обойтись без посторонней помощи! — подумала Алиса. — Удивительная неряха, хоть и Королева! Платье наизнанку, а шпильки…»

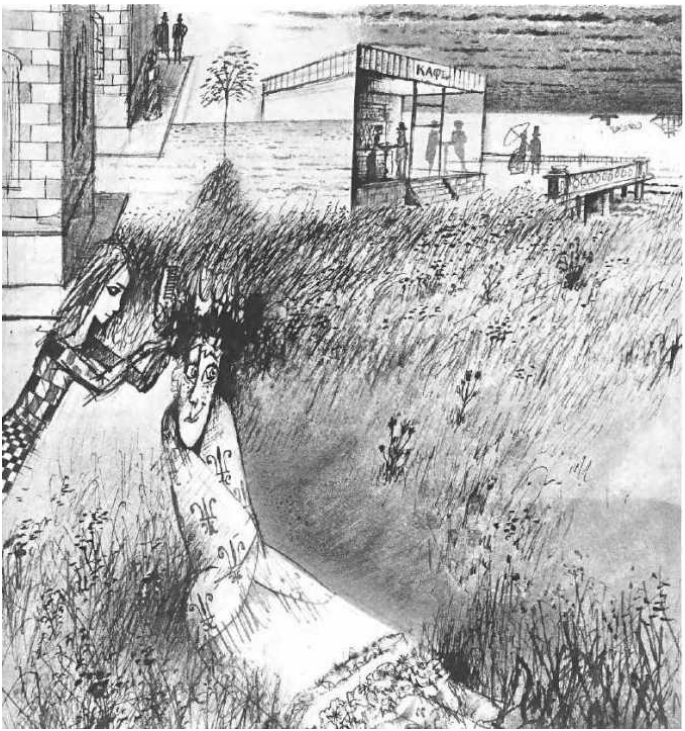
— Так хорошо? — спросила она, пришпилив шаль.

— Не знаю, просто не знаю. ЧТО С НЕЙ СТРЯСЛОСЬ! — тоскливо сказала Королева. — У этой шали гадкий, подлый характер! Я ведь пришпилила ее и тут, и тут, и ТУТ, но ей никак не угодишь!

— Да, но так она держалась только с одной Стороны, — возразила Алиса и ловко приколола шаль. — О ГОСПОДИ! ЧТО С ВАШЕЙ ГОЛОВОЙ?! По виду Вашего Величества можно подумать…

— Повидлу Моего Величества нельзя подумать. Оно не умеет думать, — раздраженно ответила Королева. — И при чем тут Повидло? Просто у меня в волосах немножко запутался Гребешок. А Расческу я потеряла позавчера.

Алиса аккуратно высвободила Гребешок и принялась причесывать Королеву.

KAFE

— Ну вот! Теперь совсем другое дело! — воскликнула она, когда все шпильки очутились на своих местах. — Но ПО-МОЕМУ, вам нужен Парикмахер.

— С удовольствием назначу Парикмахером тебя, — подхватила Королева. — Условия льготные; куча денег и Повидло Моего Величества через день.

Алиса засмеялась и ответила:

— Деньги мне не нужны… А Повидла я терпеть не могу.

— Зря. Повидло что надо, — заметила Королева.

— Ну, сегодня мне Повидла не хочется.

— А сегодня ты его и не получишь, — сказала Королева. — Повидло выдается только ЗАВТРА И ВЧЕРА, но ни в коем случае не СЕГОДНЯ…

— Но ведь ЗАВТРА рано или поздно превратится в СЕГОДНЯ, — не согласилась с Королевой Алиса.

— Не превратится, — сказала Королева. — ЗАВТРА — оно и есть ЗАВТРА. Я же сказала: Повидло выдается через день, значит, НЕ сегодня, правда?

— Не понимаю, — ответила Алиса. — Здесь какая-то ошибка.

— Это из-за того, что у меня вся жизнь — ЗАДОМ

НАПЕРЕД, — любезно пояснила Королева. — Сперва все удивляются…

— ЗАДОМ НАПЕРЕД? — повторила пораженная Алиса. — Что это значит?

— …но потом догадываются, что в этом есть известные преимущества. Например, я помню и то, что было, и то, что будет.

— Я помню только то, что было, — заметила Алиса. — Откуда же мне знать то, что еще не случилось.

— Ну, раз ты помнишь только то, что было, у тебя не память, а ерунда, — сказала Королева.

— А ВЫ что помните лучше всего? — нерешительно спросила Алиса.

— Да то, что случится на следующей неделе, — небрежно ответила Королева. — Вот тебе пример, — продолжала она, наклеивая на палец большой кусок пластыря. — У Короля есть Посыльный. Сейчас этот Посыльный сидит в тюрьме. Но суда еще не было. Суд будет в следующую среду. А уж потом Посыльный что-нибудь натворит… но это в самую последнюю очередь.

— А если он ничего не натворит? — спросила Алиса.

— Что ж, тем лучше для него, — сказала Королева и обмотала пластырь кусочком бинта.

Алисе нечего было возразить.

— Конечно, тем лучше, — сказала она. — Но за что же тогда его посадили в тюрьму?

— Тут ты заблуждаешься, — возразила Королева. — Ты сама-то когда-нибудь сидела в тюрьме?

— Нет, — ответила Алиса. — Правда, иногда меня наказывали… за кляксы в тетрадках…

— Вот видишь! — обрадовалась Королева. — Это делалось для твоей же пользы!

— Да, но я САЖАЛА КЛЯКСЫ, — сказала Алиса, — а вы ПОСАДИЛИ ПОСЫЛЬНОГО, хотя он этого и не делал.

— Если бы Посыльный еще и сажал кляксы, — заметила Королева, — он был бы виноват никак не меньше, чем теперь. Не ме-ень-ше. не ме-е-е-ньше, не ме-е-е-е-е-еньше!

Каждое «не меньше» напоминало визг ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ. Наконец, Королева изо всех сил завопила: «НЕ МЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕНЬШЕ!!!» — и замолчала.

Алиса только успела сказать: «Все-таки где-то тут ошибка…», как Королева завопила снова, да так пронзительно, что Алисе волей-неволей пришлось умолкнуть.

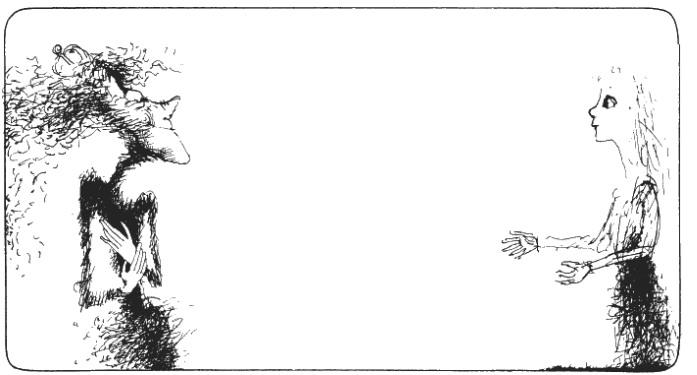
— Ой-ой-ой! МАМОЧКИ! — орала Королева и размахивала правой рукой так, что она немину-

емо должна была оторваться. — ОЙ-ОЙ-ОЙ! Мой пальчик! ОЙ-ОЙ-ОЮШКИ!

Алисе пришлось заткнуть уши: вопли Королевы отчасти напоминали паровозную сирену.

— В чем дело? — спросила Алиса, когда сирена стала выть потише. — Вы укололись?

— Да нет, пока что не укололась, — спокойно сказала Королева. — Но в ближайшее время уколюсь. ОЙ-ОЙ-ОЙ-ОЙ!

— И когда же вы собираетесь уколоться? — улы-

баясь, спросила Алиса.

— Когда я начну прикалывать шаль, булавка расстегнется, — проговорила измученная Королева, — и я... Ой!

В этот момент булавка действительно расстегнулась, а Королева подхватила ее на лету и попыталась водворить на место.

— Осторожно! — крикнула Алиса и бросилась к Королеве. — Она снова...

Но было уже поздно: булавка вонзилась Королеве в палец.

— Чур, считается за рану, — сказала она Алисе с улыбкой. — Теперь ты поняла, что значит помнить все задом наперед?

— А почему же вы теперь не кричите? — спросила Алиса, с готовностью затыкая уши.

— По этому поводу я уже кричала, — ответила Королева. — Что же, прикажешь все сначала начинать?

Между тем снова стало светло.

— Неужели вороны улетели? — сказала Алиса. — Наконец-то, как я рада! А я-то думала, что уже вечер.

— Вот бы и мне научиться радоваться! — заметила Королева. — Когда-то меня научили, но я позабыла, как это делается. Здорово тебе жи-

вется: гуляешь себе по Лесу и радуешься сколько хочешь.

— Мне здесь ТАК одиноко! — тоскливо сказала Алиса и, подумав о том, КАК ей одиноко, заплакала.

— Немедленно, немедленно прекрати! — воскликнула истерзанная Королева, в отчаянии ломая руки. — Ты сама подумай: ведь ты уже не маленькая. Ты сама подумай: ведь тебе еще долго идти. Ты сама подумай: который сейчас час. ТЫ САМА ПОДУМАЙ… о чем-нибудь, скажем, сколько будет семью девять… Только, пожалуйста, перестань плакать!

Алиса засмеялась сквозь слезы.

— А вы… если начинаете о чем-нибудь думать, разве перестаете плакать? — спросила она.

— Еще бы, — решительно ответила Королева. — Нельзя делать двух дел сразу: ты ИЛИ плачешь, ИЛИ думаешь. Ну вот скажи мне, сколько тебе лет?

— Семь… точнее, семь с половиной.

— Точнее не обязательно, — заметила Королева. — Я тебе и так поверю. А теперь ты попробуй поверить мне: знаешь, мне СТО ОДИН год, ПЯТЬ месяцев и ЧЕТЫРЕ дня.

— Как-то не верится… — сказала Алиса.

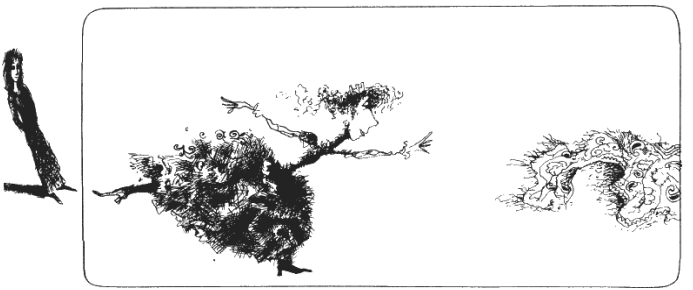
— Не верится? — сочувственно переспросила Королева. — Ну попробуй еще раз: встань в исходное положение — руки на поясе, ноги на ширине плеч. Закрой глаза, заткни уши и сделай глубокий вдох. Начали!

Алиса рассмеялась.

— Ничего не выйдет, — сказала она. — Я не умею верить в невероятные вещи.

— Ты просто давно не упражнялась, — предположила Королева. — В твои годы я каждый день занималась этим по полчаса. Случалось, что до завтрака я успевала одним махом поверить в ШЕСТЬ невероятных вещей. Ну вот, опять эта шаль!

Булавка опять расстегнулась, и внезапный порыв ветра подхватил шаль и перенес ее через узенький ручеек. Королева снова замахала руками и поспешила за шалью. На этот раз шаль далеко не ушла.

— Поймала! Поймала! — торжествующе закричала Королева. — Теперь я докажу тебе, что сама могу с ней справиться!

— Значит, палец болит меньше? — вежливо поинтересовалась Алиса и тоже перескочила через ручеек.

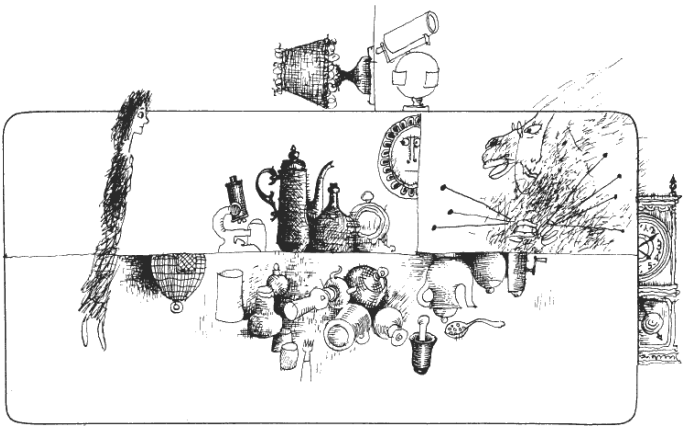
. . . . . .
. . . . . .

— Конечно, меньше! — воскликнула Королева и визгливо затянула: — Ме-еньше! Ме-е-еньше! Ме-е-е-еньше! Ммме-е-е-е...

Тут Королева замекала, как самая настоящая

коза, да так похоже, что Алиса вздрогнула.

Она взглянула на Королеву, которая, казалось, внезапно обросла козьим пухом. Алиса принялась протирать глаза, после чего обернулась по сторонам. Она никак не могла понять, что случилось. Где она? Почему вокруг полки, забитые товаром? И потом, КТО ЖЕ ЭТО? Неужели за прилавком сидит Коза? Как Алиса ни терла глаза, все оставалось по-прежнему: она действительно очутилась в крошечном темном магазинчике, а прямо перед ней на табуретке восседала Коза и вязала, время от времени деловито поглядывая на Алису поверх очков.

— Что желаете купить? — осведомилась Коза, на минуту отрываясь от вязания.

— Я еще не знаю, что я хочу купить, — вежливо сказала Алиса. — Я сперва на все вокруг посмотрю (конечно, если вы не против), а потом...

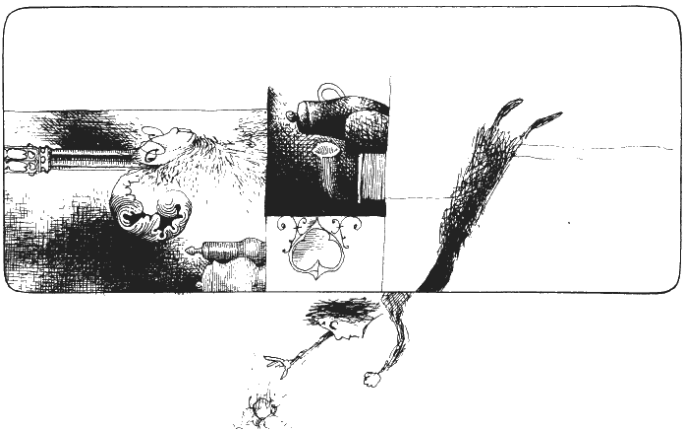
— Я не против, — ответила Коза. — Можешь посмотреть направо, можешь — налево. Но посмотреть на все вокруг ты не сможешь ни при каких обстоятельствах... если, конечно, у тебя нет

глаз на затылке.

На затылке у Алисы глаз не было, и она ограничилась тем, что оглянулась по сторонам и подошла к полкам.

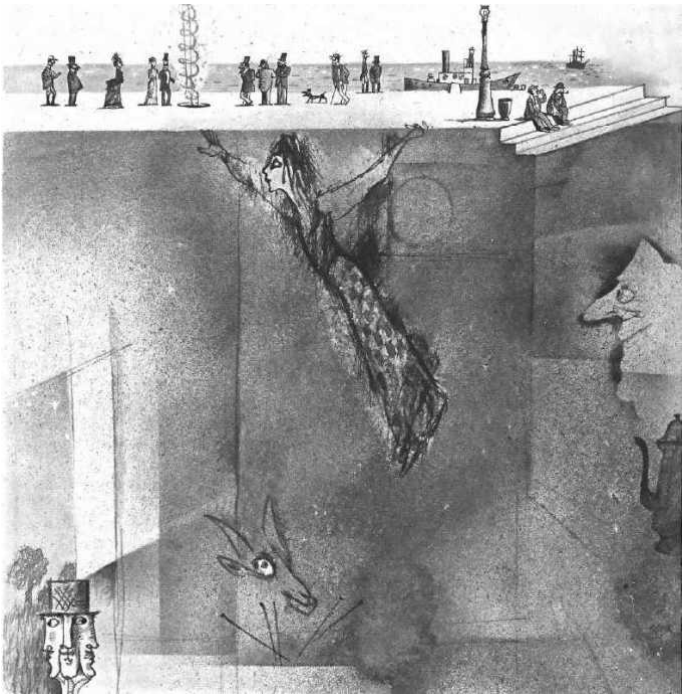
Полки, казалось бы, ломились от самых разных товаров, но странность заключалась в том, что стоило подойти к ним поближе, чтобы рассмотреть, что на них лежит, как сразу же оказывалось, что именно эти полки СОВЕРШЕННО пустые. Зато все остальные набиты до отказа.

— Мне за ней не угнаться! — жалобно сказала Алиса, после того как несколько минут подряд пробегала за какой-то БЛЕСТЯЩЕЙ ШТУЧКОЙ: иногда ее можно было принять за куклу, иногда за помидор, но ШТУЧКА, как назло, все время лежала на две полки выше той, на которую смотрела Алиса.

— Это она нарочно! — возмутилась Алиса. — Ну да ладно! — добавила она, потому что тут ее осенила изумительная мысль. — Погоди же!.. Я загоню тебя на самую верхнюю полку... Сквозь потолок тебе наверняка не пролезть!

Но ничего у Алисы не вышло: ШТУЧКА лихо проскочила сквозь потолок с таким видом, как будто никогда ничем другим не занималась.

— Ты кто — девочка или мартышка? — спросила

Коза и взяла еще пару спиц. — Посиди спокойно, а то у меня из-за тебя голова закружилась.

Алиса взглянула на Козу и обомлела: КОЗА ВЯЗАЛА ЧЕТЫРНАДЦАТЬЮ СПИЦАМИ.

«И как это у нее выходит? — ужаснулась Алиса. — Теперь она похожа не на Козу, а на Дикобраза!»

— Кстати, грести ты умеешь? — спросила Коза, протягивая Алисе пару спиц.

— Немножко умею… но не на полу… и не спицами… — начала было Алиса, но тут спицы в ее руках превратились в весла, и Алиса вместе с Козой очутилась в узенькой лодочке, плывущей по тихой речке между высокими берегами. Алиса сразу же налегла на весла.

— Пух-перо! Пух-перо! — заорала Коза и схватила еще пару спиц.

Похоже было, что ответа Козе не требуется. Алиса промолчала и опять взмахнула веслами. «Что это за вода такая? — подумала она. — Весла в ней застревают так, что не вытащишь».

— Пух-перо! Пух-перо! — снова заорала Коза и выхватила еще пару спиц. — Кабан в весла! Поднять порося!

«Откуда поднять? — поразилась Алиса. — А вот было бы здорово, если бы сейчас в лодке оказался

маленький розовый поросенок!»

— Пух-перо и одна ведьма! — рявкнула Коза, вытаскивая откуда-то новую связку спиц. — Ты что, не слышала, что я сказала? Поднять порося! Кабан в весла! Направление норд-хвост!

— Еще бы не слышала, — сказала Алиса. — Вы это уже несколько раз говорили. Скажите, а где же этот кабан?

— В воде, разумеется! — ответила Коза, затыкая часть спиц за рога (даже она уже не могла с ними управиться). — Пух-перо!

— Скажите, зачем вы все время повторяете: «Пух-перо, пух-перо»? — спросила Алиса, которой это порядком надоело. — Я же не птица.

— Нет, птица, — ответила Коза. — Ты гусыня надутая, вот ты кто.

Алиса обиделась, и несколько минут в лодке царило молчание. А лодку тихо сносило по течению, и время от времени весла застревали в густых водорослях. Кое-где на обрывистых берегах речки стояли деревья.

— Ой! — в восторге закричала Алиса. — Какие красивые лилии! Подождите, пожалуйста!

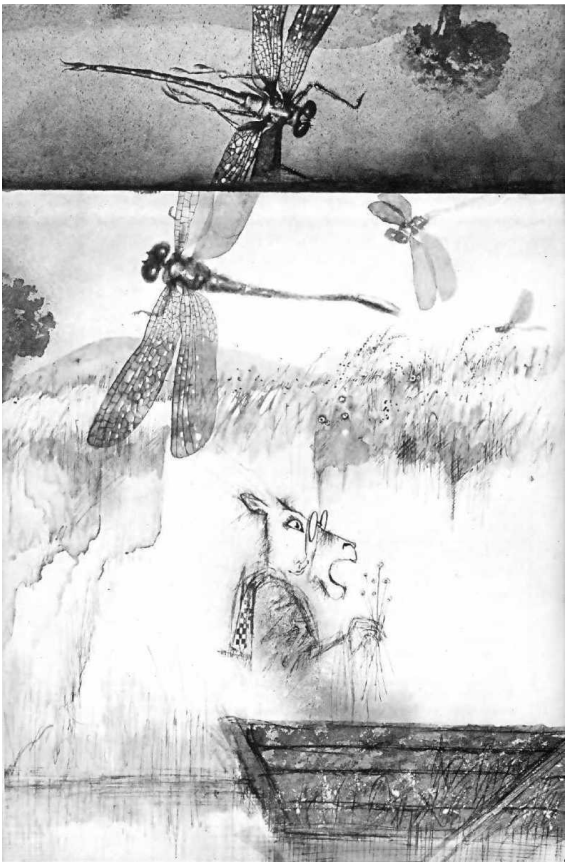
— Я-то тут при чем? — сказала Коза, не отрываясь от вязанья. — МНЕ можешь не говорить «пожалуйста». Я эти лилии не сажала — мне они

не нужны.

— Ох, нет… я просто хотела сказать, что… если вы можете, подождите, пожалуйста, а я пока сорву несколько… самых красивых, — попросила Алиса. — Если, конечно, вы не возражаете против того, чтобы лодка остановилась.

— А я тут при чем? — удивилась Коза. — Ты гребешь — ты и останавливайся.

Алиса перестала грести, и течение медленно притянуло лодку к зарослям лилий.

И вот… Алиса закатывает рукава, и перегибается через борт, и опускает руки по локоть в прозрачную воду, и осторожно обрывает плотные стебли (чтобы ни в коем случае не обронить ни одного лепестка!), и касается воды кончиками распустившихся волос, и напрочь забывает о Козе с ее вязаньем, и разгоревшимися глазами глядит на всё новые и новые лилии, шуршащие у бортов лодки.

«Только бы лодка не перевернулась! — подумала Алиса. — Ах, какие чудесные лилии! Только вон до тех мне не дотянуться».

И правда, было страшно досадно («Как будто они нарочно от меня убегают», — подумала Алиса), УЖАСНО досадно, что, хотя ей и попадались довольно красивые лилии, САМЫЕ красивые все-таки оставались слишком далеко от лодки.

— Чем они красивее, тем дальше! — в конце концов сказала она со вздохом. — До чего же упрямые — никак не даются в руки!

Тут Алиса — румяная, вымокшая, усталая — вернулась на свое место и принялась раскладывать на дне лодки свои сокровища.

Она почти не обратила внимания на то, что лилии сразу увяли и потеряли аромат. Даже НАСТОЯЩИЕ лилии — как тебе отлично из-

вестно — увядают почти сразу. А ведь это были ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ лилии, и, как только Алиса уложила их у своих ног, они растаяли, как снег. Но Алиса этого не заметила: вокруг было еще очень много удивительных вещей.

Они еще немного проплыли, но тут левое весло ЗАРЫЛОСЬ в воду и НЕ ЗАХОТЕЛО (как потом говорила Алиса) из нее вылезать. Вот почему рукоять весла вздыбилась, ударила Алису и, не обращая никакого внимания на ее крики, повалила ее на кучу лилий.

Алисе было нисколечко не больно; она снова уселась на скамейку, а Коза — Коза все это время вязала с таким видом, как будто ничего не случилось.

— Доигралась! — сказала она, когда Алиса уже сидела на своем месте, очень довольная тем, что не вылетела из лодки. — Доигралась! Я же говорила тебе: поднять порося! Кабан в весла!

— Кабан? А где же он? — спросила Алиса, осторожно всматриваясь в воду. — Интересно, как выглядят Плавучие Кабаны? Вы думаете, это он ударил по веслу?

Но Коза только ехидно захихикала и продолжала вязать.

— Здесь вообще много кабанов? — спросила

Алиса.

— Пруд пруди, — ответила Коза. — Полно тут кабанов. Разнообразный выбор. Богатый ассортимент. ЧТО ЖЕЛАЕТЕ КУПИТЬ?

— КУПИТЬ? — переспросила Алиса, одновременно испугавшись и удивившись, потому что весла, лодка, речка — все пропало и она снова очутилась в том же маленьком темном магазинчике.

— Я хотела бы купить яйцо, — сказала она застенчиво. — Сколько стоят яйца?

— Одно яйцо стоит одну денежку, два — в два раза дешевле, — ответила Коза.

— Как? Два дешевле, чем одно? — удивилась Алиса и достала кошелек.

— Только если уж купишь два, придется съесть оба, — уточнила Коза.

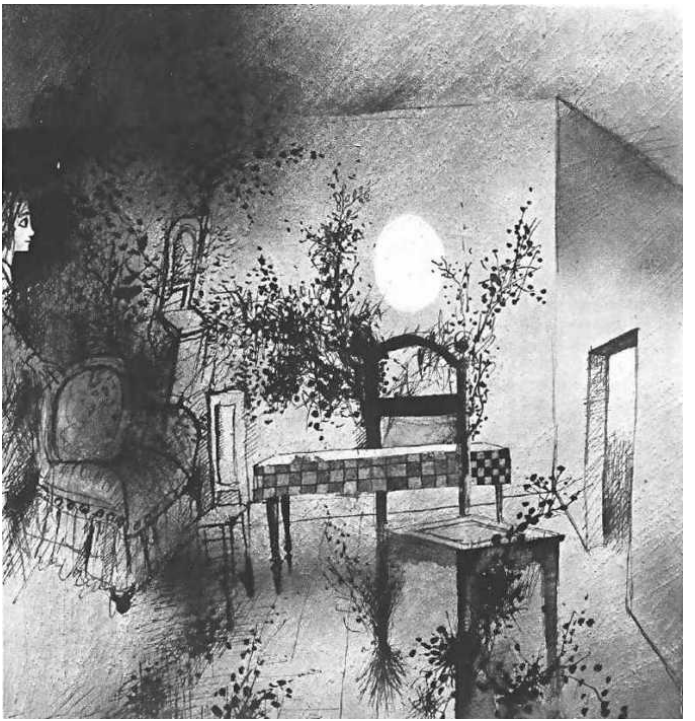
— Дайте мне, пожалуйста, одно, — сказала Алиса и положила монету на прилавок, подумав: «Так спокойнее, а то второе может оказаться не очень свежим».

Коза взяла монету и запрятала ее в сундук. После этого она сказала:

— Я никогда никому ничего не даю прямо в руки… Это бы испортило все дело. Пойди и возьми его сама.

С этими словами она взяла яйцо и… нет, не положила, а поставила его на самую дальнюю полку.

«Интересно, почему это испортило бы все дело? — подумала Алиса, на ощупь пробираясь среди столов и стульев (в лавочке была тьма кромешная). — Странно, чем дольше я иду, тем дальше от меня яйцо. Это что? Стул?.. Стул… с ветками… Как, с ветками? И потом, откуда здесь деревья?! И ручеек?! Ну и магазин!»

. . . . . .
. . . . . .

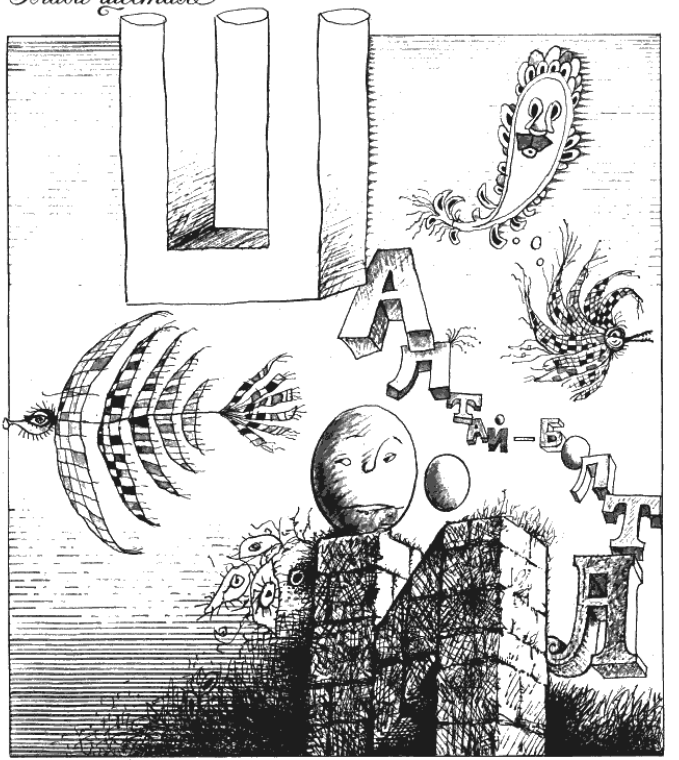
Она шла и шла и все больше удивлялась. Все, что попадалось ей по пути, превращалось в дерево или в куст, стоило лишь подойти поближе.

Поэтому Алиса решила, что и с яйцом случится то же самое.

Глава шестая

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Глава шестая

Но яйцо оставалось на месте и только делалось все больше и больше. Подойдя поближе, Алиса заметила, что оно очень похоже на человечка, а когда подошла совсем близко, поняла, что это сам ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ.

«Ну конечно, это он! — подумала Алиса. — У него это на лбу написано».

И вправду, на лбу у Шалтая-Болтая можно было написать что хочешь: такой это был огромный лоб. Сам Шалтай, скрестив ноги по-турецки, восседал на высоченном заборе, таком ВЫСОЧЕННОМ, что Алиса никак не могла понять, почему он до сих пор оттуда не свалился. Шалтай пристально смотрел куда-то в сторону и не обращал на Алису ни малейшего внимания. Поэтому она решила, что он все-таки не настоящий, а игрушечный.

— Ох, — сказала Алиса, — ох, до чего же он похож на яйцо! — и подставила руки, чтобы поймать Шалтая, на случай, если ему вдруг придет в голову упасть.

— ВЕСЬМА оскорбительно, — после продолжительного молчания высказался Шалтай-Болтай, по-прежнему не глядя на Алису, — ВЕСЬМА оскорбительно слышать, как тебя обзывают яйцом, ВЕСЬМА!

— Я ведь только сказала, что вы похожи на

яйцо, — добродушно возразила Алиса, — и потом, яйца тоже бывают довольно симпатичными, — добавила она, надеясь, что выйдет комплимент.

— Кое-кто, — заметил Шалтай-Болтай, все так же глядя в сторону, — кое-кто здесь довольно туго соображает.

Алиса никак не могла придумать, что ему ответить: их разговор был вовсе не похож на разговор; ведь Шалтай-Болтай ни разу к ней не обратился. Судя по тому, куда был устремлен его взгляд, последнее замечание Шалтая относилось к соседнему дереву. Поэтому Алиса постояла немного молча, а потом прочла вот такие стихи (очень тихо, чтобы не услышал Шалтай):

Шалтай-Болтай сидел на стене,

Шалтай-Болтай свалился во сне.

Вся королевская конница, вся королевская рать

Не может Шалтая,

Не может Болтая,

Шалтая-Болтая,

Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать[1].

---

[1] Примечания: 1

Эти стихи перевел Самуил Яковлевич Маршак.

Последняя строчка, по-моему, длинновата, — громко добавила она, совершенно позабыв о том, что Шалтай может ее услышать.

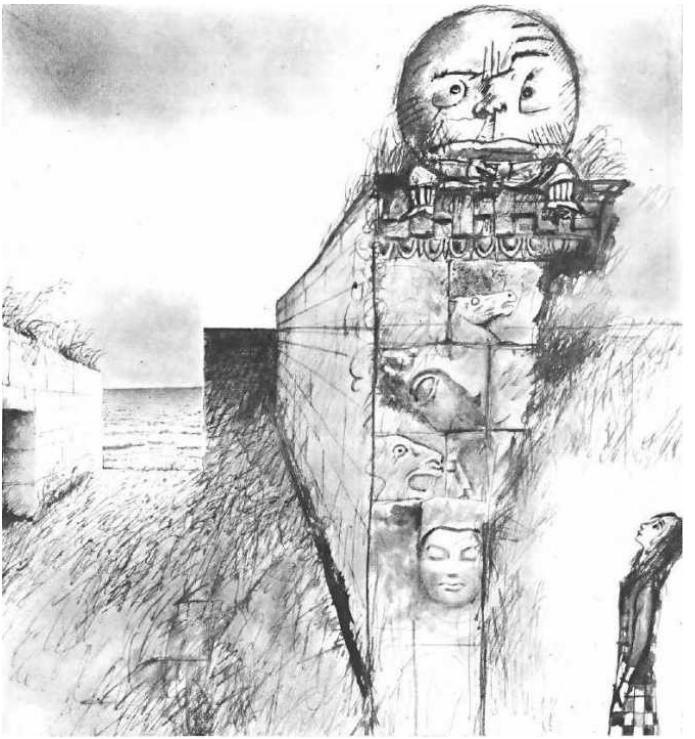
— Прекрати болтовню, — сказал Шалтай-Болтай и в первый раз посмотрел прямо на Алису, — скажи-ка лучше, как тебя зовут и зачем ты сюда явилась.

— Меня зовут Алиса, и я…

— Довольно дурацкое имя! — нетерпеливо перебил ее Шалтай. — Что оно означает?

— Разве имя должно что-нибудь означать? — спросила озадаченная Алиса.

— Вне всякого сомнения, — фыркнул Шалтай-Болтай. — Лично мое имя указывает на ту хрупкую форму, которая мне присуща. Потрясающая форма! А с таким именем, как у тебя, можно быть какой хочешь формы, даже самой уродливой.

— А почему вы здесь один? — спросила Алиса, испугавшись надвигающегося спора.

— А потому что здесь больше никого нет! — выпалил Шалтай-Болтай. — Ты что, думала, я не знаю ответа на ТАКУЮ загадку? Загадывай по новой!

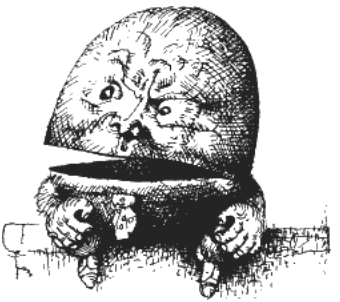
— Вам не кажется, что для вас было бы безопаснее спуститься на землю? — продолжала Алиса, конечно и не думая загадывать загадки, а просто беспокоясь об этом занятном человечке. — Забор ведь такой… ВЫСОЧЕННЫЙ!

— Ты загадываешь ЧУДОВИЩНО легкие загадки, — проворчал Шалтай-Болтай. — Нисколечко не безопаснее. Ну, положим, я упал (что, впрочем, совершенно невероятно), но, ПОЛОЖИМ… — Тут он поджал губы и стал таким солидным и важным, что Алиса еле удержалась, чтобы не засмеяться. — ПОЛОЖИМ, я упал… — продолжал он, — ведь Сам Король ОБЕЩАЛ МНЕ (Ага! Ага! Теперь можешь краснеть и бледнеть, если хочешь, конечно; ты ведь не думала, не гадала, что я ТАКОЕ скажу!)… Сам Король обещал мне… он стоял передо мной вот как ты сейчас… ОН ОБЕЩАЛ… ОБЕЩАЛ…

— Послать всю королевскую конницу и всю королевскую рать, — неосторожно перебила

Шалтая Алиса.

— Ну, знаешь! — возмутился Шалтай. — Век бы тебе этого не узнать, но ты, наверно, подслушивала под дверьми, глядела в замочную скважину, подсматривала через окно и пряталась в шкафу, когда мы с ним разговаривали.

— Ой, честное слово, я ничего такого не делала, — сказала Алиса. — Про это ведь в книжке написано.

— Ах вон оно что! Это другое дело. Такие события достойны занесения в книгу, — сказал Шалтай, успокоившись. — Это и есть История Родного Края. А теперь взгляни-ка на меня! Я один из тех, кому доводилось беседовать с Королем. Второго такого, как я, ты, может статься, никогда больше не увидишь. А для того чтобы

показать тебе, что я не загордился, разрешаю пожать мою руку!

Он улыбнулся — от уха до уха — и наклонился (так что чуть не полетел с забора), протягивая Алисе руку. Пожимая ее, Алиса с тревогой смотрела на Шалтая. «Если он улыбнется еще хоть чуточку сильнее, — думала она, — не знаю, что тогда случится с его головой. Боюсь, что верхняя половинка отвалится».

— Да-с, вся королевская конница и вся королевская рать, — продолжал Шалтай-Болтай, — соберет меня за одну секунду. Уж это-то наверняка! Впрочем, наша беседа идет слишком быстро, вернемся к предпоследнему замечанию.

— Простите, но я не помню, какое из них было предпоследнее, — очень вежливо сказала Алиса.

— В таком случае начнем все с начала, — ответил Шалтай-Болтай, — и теперь моя очередь выбирать, про что говорить. Итак, вот тебе вопрос. Сколько, ты сказала, тебе лет?

— Семье половиной, — подумав, ответила Алиса.

— Чушь! — торжествующе воскликнул Шалтай. — Ничего похожего ты мне не говорила!

— Я думала, вы просто спросили «Сколько тебе лет?», — сказала Алиса.

— Надо было бы, спросил бы, — ответил Шалтай-Болтай.

Алисе не хотелось с ним спорить, и она промолчала.

— Семь с половиной… — задумчиво повторил Шалтай-Болтай. — Никуда не годный возраст. Если бы ты спросила совета у меня, я сказал бы: «Остановись на семи!» Но теперь уже слишком поздно.

— Я ни с кем не советуюсь, расти мне дальше или нет! — возмущенно ответила Алиса.

— Это что, ниже твоего достоинства? — спросил Шалтай.

Алиса возмутилась еще сильнее.

— Я только хочу сказать, — ответила она, — что никто не может расти или не расти по собственному желанию!

— Сомневаюсь, — сказал Шалтай, — что Никто вообще может расти. У него для этого нет данных. А у тебя есть. Но ты вполне могла бы остановиться на семи, если бы тебя вовремя по-дружески поправили.

— Какой у вас изумительный поясок! — внезапно произнесла Алиса (ей казалось, что про ее возраст они уже поговорили более чем достаточно; и потом, они же по очереди выбирают, о чем разговаривать, а сейчас была как раз ее очередь). — То есть, — секунду поразмыслив, поправилась она, — изумительный галстук. Ой, то есть нет, я имела в виду поясок… Ох, извините, пожалуйста! — И в ужасе она замолчала, потому что Шалтай изменился в лице, и Алиса уже начала жалеть, что завела этот разговор.

«Как бы мне узнать, — подумала она, — где у него ШЕЯ, а где ТАЛИЯ!»

Судя по всему, Шалтай-Болтай страшно рассердился. Сперва он сидел совершенно молча, потом что-то проворчал и только потом заговорил.

— Весьма… оскорбительно, — сказал он наконец, — когда Кое-Кто не может отличить галстук от пояска!

— Да, это ужасно невежливо с моей стороны, — покорно призналась Алиса, и Шалтай смягчился.

— Это галстук, девочка, и притом очень красивый галстук. Мне его подарили Белый Король и Белая Королева. Вот!

— Так это подарок? — сказала Алиса, очень довольная тем, что наконец-то нашла подходящую тему для разговора.

— Я получил этот галстук, — задумчиво продолжал Шалтай-Болтай, скрестив ноги и упершись локтями в коленки, — в качестве НЕДЕНЬРОЖДЕННОГО подарка.

— Простите… — поразилась Алиса.

— Ничего, ничего, я ничуть не обижен, — сказал Шалтай.

— Нет, я хотела бы узнать, что такое НЕДЕНЬРОЖДЕННЫЙ подарок?

— Ну, просто такой подарок, который дарят не в день твоего рождения.

Алиса задумалась.

— Мне больше нравятся ДЕНЬРОЖДЕННЫЕ подарки, — сказала она наконец.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! — закричал Шалтай-Болтай. — Сколько дней в году?

— Триста шестьдесят пять, — ответила Алиса.

— А сколько у тебя дней рождения?

— Один.

— А сколько получится, если отнять один от трехсот шестидесяти пяти?

— Ну, это просто. Триста шестьдесят четыре.

Шалтай-Болтай нахмурился.

— Предпочел бы проверить твои подсчеты письменно, — промолвил он с сомнением.

Алиса улыбнулась, но вынула записную книжку и посчитала в столбик:

365 — 1 = 364

Шалтай-Болтай взял записную книжку и долго смотрел на то, что написала Алиса.

— Вроде бы сосчитано верно… — начал он.

— Вы смотрите вверх ногами! — перебила его Алиса и перевернула книжку.

— Так и есть! — воскликнул Шалтай. — Мне сразу показалось, что в твоих расчетах ЧТО-ТО немного непривычно. Как я и сказал, вроде бы сосчитано верно… но теперь, когда все встало

ВНИЗ НОГАМИ, можно сказать… Хотя как раз сейчас у меня нет времени, чтобы все тщательно проверить, но все-таки можно уверенно сказать, что… для НЕДЕНЬРОЖДЕННЫХ подарков у нас остается триста шестьдесят четыре дня.

— Конечно, — согласилась Алиса.

— И только ОДИН день, когда можно получать ДЕНЬРОЖДЕННЫЕ! Вот видишь! Ничего себе огород!

— Я не понимаю, что вы имеете в виду под огородом, — сказала Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно усмехнулся.

— Куда тебе… Ты и не поймешь, пока я тебе не объясню. Я просто хотел сказать: «Ничего себе, славненький сногсшибательный аргументик!»

— Но огород вовсе не значит «славненький сногсшибательный аргументик», — возразила Алиса.

— Когда лично я употребляю слово, — все так же презрительно проговорил Шалтай-Болтай, — оно меня слушается и означает как раз то, что я хочу: ни больше, ни меньше.

— Это еще вопрос, — сказала Алиса, — захотят ли слова вас слушаться.

— Это еще вопрос, — сказал Шалтай, — кто здесь хозяин: слова или я.

Алиса была настолько ошарашена, что не ответила, и через минуту Шалтай снова заговорил:

— У некоторых слов особый нрав… Особенно у глаголов, они самые нахальные… С прилагательным ты что хочешь, то и делаешь… а вот с глаголом!.. Впрочем, у меня с ними разговор короткий! Водонепроницаемость! Вот лично моя точка зрения!

— Скажите, пожалуйста, — страшно вежливо спросила Алиса, — что ИМЕННО вы имеете в виду?

— Ну вот, молодец! Ты задала действительно умный вопрос, — сказал довольный Шалтай. — Под ВОДОНЕПРОНИЦАЕМОСТЬЮ я подразумевал следующую МЫСЛЬ: мы с тобой уже достаточно долго беседуем, и я не прочь узнать, что ты собираешься делать дальше, так как, надо полагать, ты не намерена провести под этим забором остаток твоих дней.

— Неужели ОДНО слово может столько всего значить! — задумчиво сказала Алиса.

— Когда я даю слову много работы, — сказал

Шалтай-Болтай, — я всегда плачу ему сверхурочные.

— Ох, — сказала Алиса, потому что ведь надо было что-нибудь сказать.

— Да… Я плачу им по пятницам, и видела бы ты, какая выстраивается очередь, — покачав головой, важно добавил Шалтай.

(Алиса не решилась спросить у него, сколько слова получали за работу, поэтому я, к великому сожалению, не смогу сообщить об этом тебе.)

— Уважаемый Шалтай-Болтай, — сказала Алиса, — вы замечательно объясняете, какое слово что значит. Не могли бы вы заодно объяснить мне смысл стихотворения под названием «Умзара Зум»?

— Валяй читай, — тут Шалтай-Болтай уселся поудобнее, — я могу объяснить любые стихи из тех, что были когда-нибудь придуманы, и почти все, которых еще никто не придумал.

Алиса обрадовалась и начала читать:

Сверкалось… Скойкие сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвиревел.

— Для начала вполне достаточно, — перебил ее Шалтай-Болтай. — Тут и так полно трудных слов. «Сверкалось» — значит, что уже рассвело, скоро обед, но в то же время уже немножко смеркалось.

— Понятно, — сказала Алиса. — А что значит «скойкие»?

— Ну, это просто. «Скойкие» — значит, «бойкие и скользкие». «Бойкие» — это все равно что «стойкие». Понимаешь, это как вешалка в прихожей: на одно слово повесили сразу два смысла.

— Теперь ясно, — задумчиво ответила Алиса. — А что значит «сюды»?

— «Сюды» — они вроде бурундуков… и еще вроде ящериц… и еще они похожи на открывалки для бутылок.

— Какие они, наверно, занятные!

— Да уж, — согласился Шалтай-Болтай. — Кроме всего прочего, они гнездятся на солнечных часах… а питаются они творожниками.

— А что такое «волчиться»?

— «Волчиться» —значит «кружиться волчком и волочиться по земле».

— А «развелы» —это, наверно, цветы. Они растут у солнечных часов, — сказала Алиса, сама поражаясь собственной догадливости.

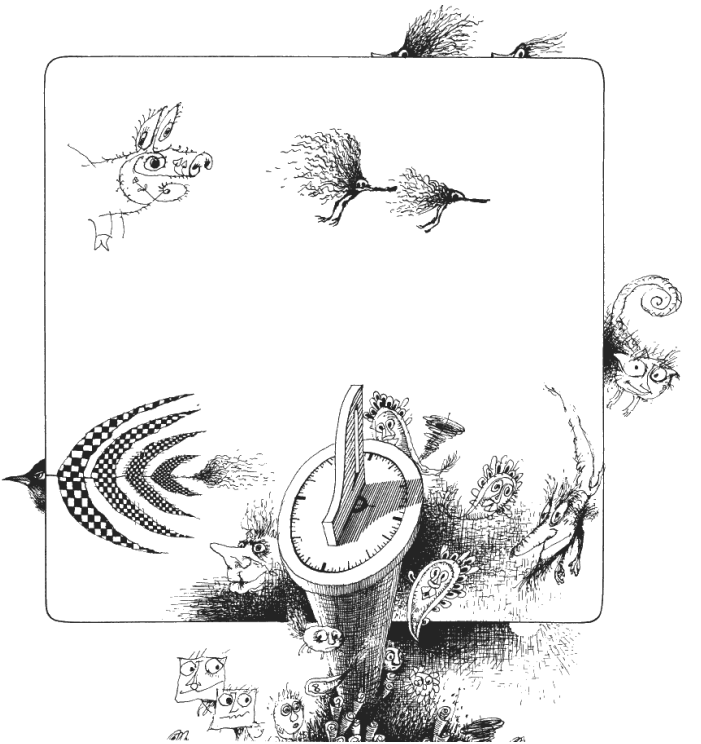
— Естественно. Они называются «развелами», потому что их там слишком много развелось. Особенно слева и справа от часов.

— И кроме того, сзади и спереди, — добавила Алиса.

— Именно, именно. Ну, «дрожжали» — это значит «дрожали, визжали и в то же время пухли, как дрожжи» (вот, кстати, еще одна Вешалка!). «В лужасе» —это, конечно, «в луже и в ужасе». Что касается «гроздов», то это маленькие, робкие птички, перья у них стоят торчком, и вообще грозд похож на живой веник.

— Так, а «крюх»? — спросила Алиса. — Мне, право, неудобно, что вы тратите свое время на…

— «Крюх» — это своего рода зеленый боров. А вот насчет «и» я не очень уверен. Наверно, это сокращенное «вдали от родного дома»: в том смысле, что крюх заблудился.

— А «засвиревел»?

— «Засвиреветь» — это что-то среднее между «засвистеть, как свирель» и «свирепо зареветь» и при этом еще чихнуть где-то посредине. Впрочем, ты наверняка услышишь, как кто-нибудь засвиревёт… в чаще… среди сосен. А если один раз услышишь, будешь более чем довольна! Кто это научил тебя такой сложной штуке?

— Я нашла ее в книжке, — сказала Алиса. — Но какие-то стихи, правда легче этих, мне кто-то читал вслух… кажется, Тарарам.

— Да, коль скоро речь зашла о поэзии, — сказал Шалтай, отводя в сторону руку, — коль скоро речь зашла о поэзии, не могу не напомнить тебе, что лично я, если уж на то пошло, читаю стихи ничуть не хуже, чем все остальные…

— Ох, что вы, что вы! — поспешно перебила Шалтая-Болтая Алиса, пытаясь остановить его.

— Фрагмент, который я сейчас оглашу, — продолжал он, не слушая Алису, — написан исключительно для того, чтобы развлечь тебя перед доро́гой.

Тут Алиса поняла, что ей придется выслушать Шалтая-Болтая.

— Благодарю вас, — печально сказала она и приготовилась слушать.

Зимой, когда буран затих,
Я вам пропел вот этот стих.

Только на самом деле я его не пою, а читаю, — пояснил Шалтай.

— Да я вижу, что не поете, — ответила Алиса.

— Если ты ВИДИШЬ, пою я или нет, у тебя чрезвычайно острое зрение, — сурово заметил Шалтай.

Алиса промолчала.

Весной, среди густой травы,
Его поймете даже вы.

— Благодарю вас, — сказала Алиса.

А в летний полуденный зной
Стих будет вновь исполнен мной.
И осенью, когда начнутся первые заморозки и до известной степени пожелтеет листва,
Вы вспомните мои слова.

— Конечно, я постараюсь их запомнить до осени, — сказала Алиса, — только некоторые строчки слишком длинные, и я их, наверно, позабуду.

— Перестань делать мне замечания! — ответил Шалтай-Болтай. — Все, что ты говоришь, — бессмыслица, и это сбивает меня с толку.

Черкнул я рыбам пару строк,
Гласивших: «Я суров и строг!»

Большой переполох на дне.
И рыбки отвечают мне.

Вот строки Рыбьего Письма:
«Простите, сэр, но мы весьма...»

— Извините, но у меня такое ощущение, будто я не совсем понимаю, что вы читаете, — сказала Алиса.

— Дальше будет проще, — заявил Шалтай.

Ну, я, разумеется, пишу им в следующем письме:
«Вы просто не в своем уме!»
Но рыбы пишут мне в ответ:
«Попридержи язык! Привет!»

Я им писал и раз, и два —
Но тратил попусту слова.
Не дрогнула моя рука:
Я чайник взял из сундука.

И я налил в него воды,
Во избежание беды.
Тут КОЕ-КТО пришел ко мне
Сказать, что рыбки спят на дне.

Я отвечал ему: «Иди

И спящих рыбок разбуди!»

Я повторил, собравшись с духом,

Я РЯВКНУЛ У НЕГО НАД УХОМ.

Дойдя до этого места, Шалтай-Болтай так завопил, что Алиса вздрогнула и подумала: «Не хотела бы я оказаться этим КОЕ-КЕМ!»

Но КОЕ-КЕМ владела спесь,

И он сказал: «Нет уж, ты иди туда сам, с меня хватит, надоело, знаешь ли. Я останусь здесь».

Но КОЕ-КТО сказал со спесью:

«Кончай орать. Останусь здесь я».

Сказав: «Пока! Я ухожу

И ЛИЧНО рыбок разбужу!» —

Я тут же кинулся к реке,

Но к этому времени дверь у рыбок, разумеется, уже давно была на замке.

И я тогда полез в окно,

И я налег на ставни, но…

Наступило продолжительное молчание.
— Это конец? — робко спросила Алиса.

— Конец, — сухо ответил Шалтай-Болтай. — Всего наилучшего. Всех благ.

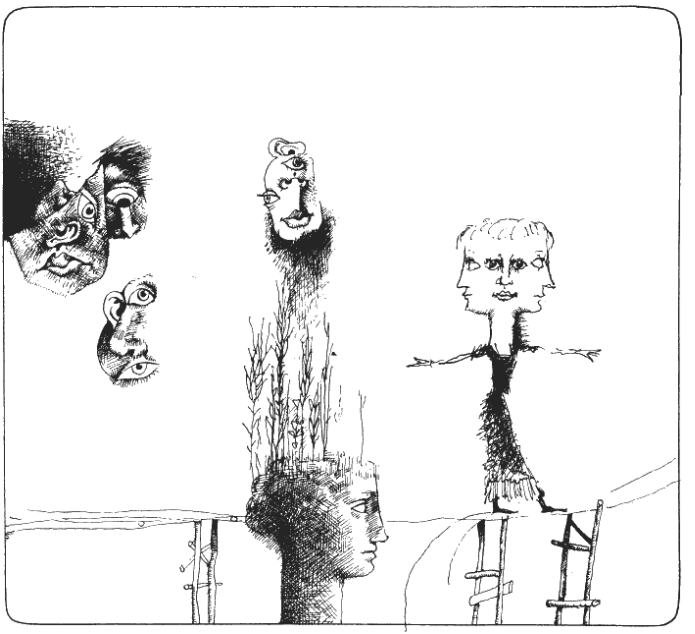
«Ну и ну!» — подумала Алиса. После такого намека на то, что ей пора уходить, задерживаться было просто невежливо. Она встала и протянула Шалтаю руку.

— До свидания, — сказала она как можно беззаботнее. — До скорой встречи.

— Если мы с тобой встретимся, лично я тебя не узнаю, — недовольно ответил Шалтай-Болтай, подавая ей мизинец. — Все люди друг на друга похожи.

— Ну, обычно человека можно узнать по лицу, — задумчиво произнесла Алиса.

— Именно, именно. Об этом я и говорю, — сказал Шалтай-Болтай. — У тебя слишком обыкновенное лицо. Два глаза… два уха, посередине нос… под ним, как водится, рот… Всегда, всегда одно и то же! Вот если бы у тебя один глаз был на ухе, а другой — на подбородке… или, скажем, рот на лбу… тогда я, МОЖЕТ БЫТЬ, тебя бы узнал.

— Рот на лбу — это некрасиво, — возразила Алиса. — И глаз на подбородке тоже.

Но Шалтай-Болтай только пробормотал: «Семь

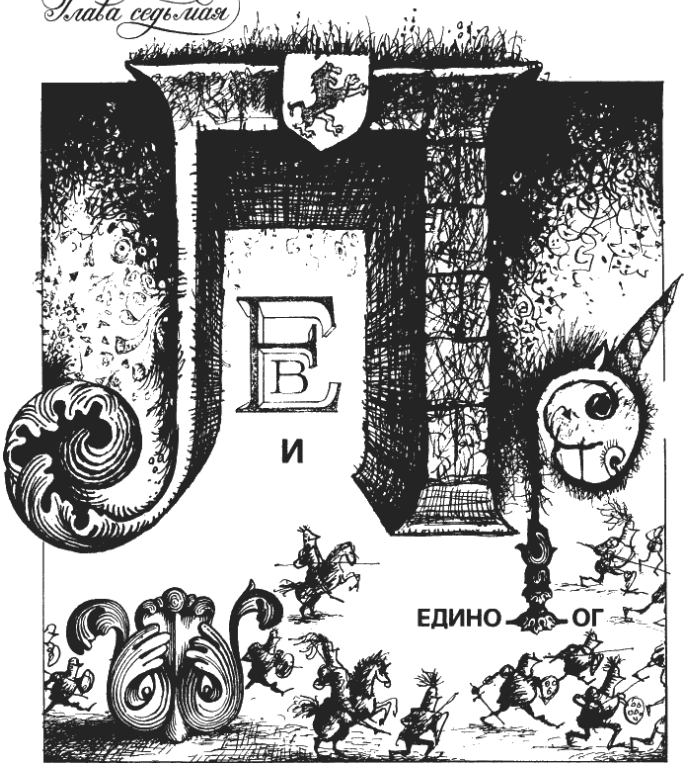
раз примерь…» — и закрыл глаза.

Алиса еще подождала, не заговорит ли он с ней, но Шалтай сидел с закрытыми глазами и не обращал на нее никакого внимания. Поэтому она сказала «До свидания!» и, не получив ответа, потихоньку пошла дальше, бормоча: «Из всех неблаговоспитанных (тут она повторила это слово вслух, потому что очень приятно, когда попадаются такие серьезные длинные слова)… из всех НЕБЛАГОВОСПИТАННЫХ людей, с которыми мне приходилось встречаться, этот…» Она так и не успела додумать эту фразу до конца, потому что в этот момент по Лесу раздался ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСК.

Глава седьмая

ЛЕВ И ЕДИНОРОГ

Глава седьмая

В ту же минуту через Лес побежали солдаты. Сперва они появлялись поодиночке то тут, то там. Потом Алисе стали попадаться десятки и сотни. В конце концов солдаты повалили целыми толпами. Алиса поскорее спряталась за дерево, чтобы как-нибудь случайно не попасть им под ноги.

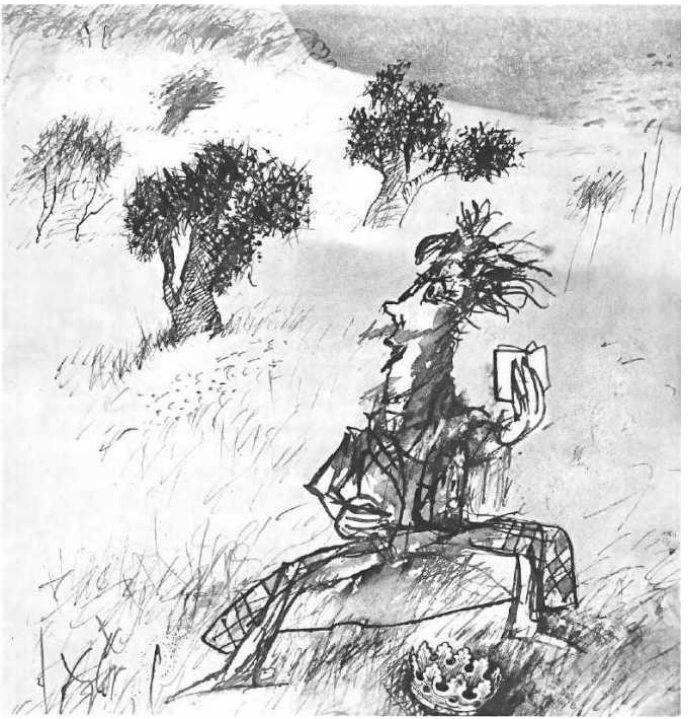
За всю свою жизнь она не видела солдат, которые с таким трудом держались бы на ногах.

То и дело они спотыкались и шлепались на землю. Стоило упасть одному, и на него наваливались все, кто шел следом. Очень скоро на каждой поляне лежали штабеля солдат.

Тут появилась конница. Лошадям было немножко легче: ведь у каждой лошади ног в два раза больше, но даже они то и дело спотыкались. При этом всадники моментально вылетали из седла.

Получилась ужасная свалка, и Алиса облегченно вздохнула, когда, наконец, выбралась на опушку. Тут она увидела Белого Короля. Он сидел на кочке и что-то прилежно заносил в свою записную книжку.

— Я послал всю мою рать! — хвастливо закри-

чал Король, увидев Алису. — Моих отважных парней! Они тебе не попадались по дороге?

— Еще бы, — сказала Алиса, — в Лесу их несколько тысяч.

— Точнее, четыре тысячи двести семнадцать, — поправил Король, заглянув в записную книжку. — Правда, я не смог послать всю мою конницу, потому что два Коня нужны в сегодняшней партии. Кроме того, пришлось оставить при себе двух Посыльных. Они сейчас в городе. Кстати, посмотри, может, ты кого-нибудь разглядишь, они должны появиться с той стороны.

— Нет, никого, — ответила Алиса.

— Мне бы твое зрение! — печально сказал король. — Подумать только, суметь увидеть Никого! И на таком ОГРОМНОМ расстоянии! В это время дня я могу разглядеть только близких знакомых, и то с некоторым трудом.

Но Алиса его не слушала, потому что по-прежнему внимательно смотрела на дорогу.

— Кто-то бежит! — неожиданно закричала она. — Но только очень медленно… и потом, он как-то странно себя ведет!

(Посыльный, а это был именно он, все время подскакивал, кланялся, извивался, растопыривал руки и размахивал ими как веером.)

— Вовсе не странно, — сказал Король. — Он Иностранный Посыльный... а это у него такие Иностранные Манеры. Он придерживается Иностранных Манер и Зарубежных Обычаев, только когда ему позволяет здоровье. А зовут его Заитц.

— Я знаю одного мальчика на букву «З», — сразу же начала Алиса играть в свою любимую игру, — я люблю его, потому что он Здоров, я ненавижу его, потому что он Зануда, я дам ему на обед Землянику и... и... и... Замазку. Его зовут Заитц,

и он живет…

— Он живет в Замке, — сказал простодушный Король и не подозревая, что тоже включился в игру (Алиса в это время пыталась вспомнить город на «З»). — Второго Посыльного зовут Шлямпник. Мне приходится держать сразу двоих Посыльных: одного для Присылания и другого для Посылания.

— Что-что? — переспросила Алиса.

— Что «что-что»? — не понял Король.

— Я просто переспросила, — сказала Алиса. — Я не понимаю, почему один нужен для Присылания, а другой — для Посылания.

— Я ведь тебе уже объяснил, — раздраженно повторил Король. — У меня на службе сразу двое Посыльных: один — для Приносительства, а другой — для Уносительства.

Тут подоспел Посыльный для Приносительства: он никак не мог отдышаться и, вместо того чтобы что-нибудь сказать, размахивал руками и строил испуганному Королю страшные рожи.

— Эта девочка любит одного мальчика на «З». По-видимому, вас, — сказал Король, пытаясь отвлечь внимание Посыльного от своей персоны и прячась за Алису.

Но все было напрасно: Иностранные Манеры и Зарубежные Обычаи час от часу становились все загадочнее: Посыльный дергался и закатывал круглые глаза на лоб.

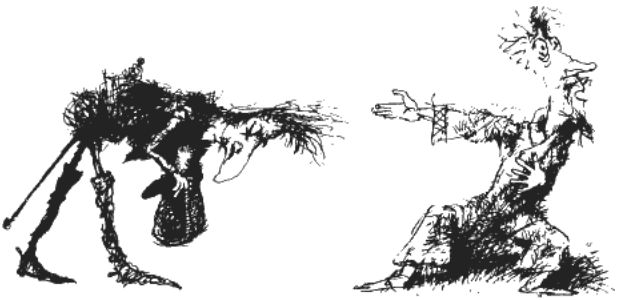
— Не смейте меня пугать! — крикнул Король. — Я сейчас упаду в обморок!.. Дайте мне земляники!

К величайшему удивлению Алисы, Посыльный залез в мешок, висевший у него на шее, и вытащил оттуда горсть земляники, которую Король немедленно проглотил.

— Еще! — пробормотал Король.

— Земляники больше нет, осталась одна замазка, — ответил Посыльный, опять заглянув

в мешок.

— Ну, давайте замазку, — слабеющим голосом проговорил Король.

Алиса обрадовалась, увидев, что он понемногу приходит в себя.

— В случае обморока ничто не сравнится с замазкой, — сообщил Король, кончив жевать.

— По-моему, вода или нашатырный спирт полезнее, — рассудительно заметила Алиса.

— А я и не говорю, что нет ничего полезнее замазки, — ответил Король. — Я сказал, что ничто не может с ней сравниться.

С этим Алиса спорить не стала.

— Вы кого-нибудь повстречали по дороге? — спросил Посыльного Король, протягивая руку за добавкой.

— Никого, — сказал Посыльный.

— Совершенно верно, — сказал Король, — Эта девочка тоже его видела. Таким образом, вы ходите быстрее, чем Никто.

— Я стараюсь, — угрюмо ответил Посыльный. — Меня никто не может обогнать.

— Да, Никто не может вас обогнать, — согласился Король, — иначе он бы пришел сюда первым. Ну ладно, теперь вы отдышались и можете рассказать нам, что слышно в городе.

— Я скажу вам на ухо, — заявил Посыльный и приставил руки рупором к самому уху Короля.

Алиса страшно огорчилась, потому что тоже рассчитывала услышать новости. Впрочем, шептать Посыльный не стал. Наоборот, он изо всех сил заревел прямо в ухо Королю:

— ОНИ ПРИНЯЛИСЬ ЗА СТА-А-А-АРОЕ!

— По-вашему, это называется «сказать на ухо»?! — завопил несчастный Король, вскакивая и дрожа всем телом. — Если вы еще раз выкинете такой номер, я сделаю из вас в-ва… в-ва… В-ВАТРУШКУ! У меня и так все время была мигрень, а теперь — самое настоящее ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ в голове!!!

«Наверное, это очень крошечное Землетрясение», — подумала Алиса.

— А кто принялся за старое? — рискнула она

спросить.

— Само собой, Лев и Единорог, — сказал Король.

— Они что, дерутся из-за короны?

— Разумеется, — ответил Король, — но смешнее всего то, что они дерутся из-за моей короны! Пошли на них поглядим!

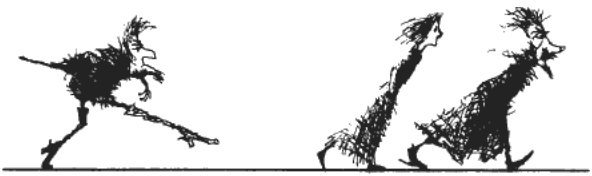
И они побежали в сторону города. По дороге Алиса все время повторяла слова одной старой песенки:

Лев
И один
Единорог
Дрались из-за короны.
Сломав Единорогу рог,
Лев отлупил его — как мог.
Им дали яблочный пирог,
Лапшу и макароны.
Раздался шум из-за дверей,
Забарабанил кто-то,
И перетрусивших зверей
Прогнали За ворота!

А тот... кто... победит... получит корону? — еле

выговорила Алиса — так она запыхалась.

— Ну что ты, дитя мое, — ответил Король. — Что за странная мысль!

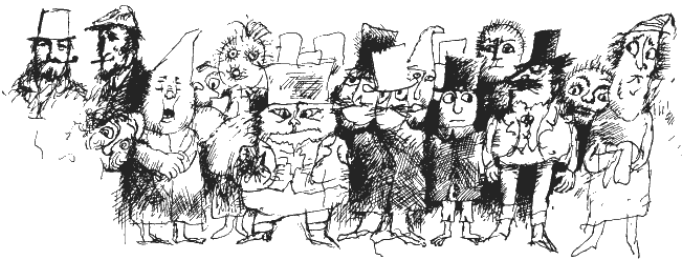

Пробежав еще немного, Алиса пробормотала:

— Будьте… так добры… подождите… минуту… давайте… передохнем!..

— Я действительно ДОБР, — сказал Король, — но не САМОНАДЕЯН. Я не могу ждать минуту: она наверняка нас обогнала. Минуты, знаешь ли, необычайно проворны, совсем как Сплетнистые Змеи!

Алиса была не в силах ему отвечать, поэтому дальше они бежали молча, пока не увидели огромную толпу, в самой середине которой дрались Лев и Единорог.

Их закрывало облако пыли, и сперва Алиса никак не могла понять, кто где; но потом она узнала Единорога: ведь на носу у него рос длинный-предлинный Рог.

Они оказались неподалеку от Шлямпника (второго Посыльного), который следил за схваткой, держа в одной руке чашку чая, а в другой — бутерброд.

— Его недавно выпустили из тюрьмы, — шепнул Алисе Заитц. — А перед тем как его посадили, у него не хватило времени допить чай. Ну, а в тюрьме, известное дело, его кормили одними мельхиоровыми подстаканниками. Вот он и проголодался. Как дела, Малыш? — ласково спросил

он, хлопая Шлямпника по плечу.

Шлямпник мотнул головой, после чего вернулся к бутерброду.

— Как тебе жилось в тюрьме, Малыш? — спросил Заитц.

Шлямпник опять мотнул головой, и на этот раз одинокая слеза блеснула на его щеке. Но он не сказал ни единого слова.

— Ну скажи что-нибудь! — потребовал Заитц.

Но Шлямпник отхлебнул чаю, сжевал новый кусок бутерброда и промолчал.

— Да заговорит он или нет! — заорал Король. — Скажи хотя бы, как они дерутся?!

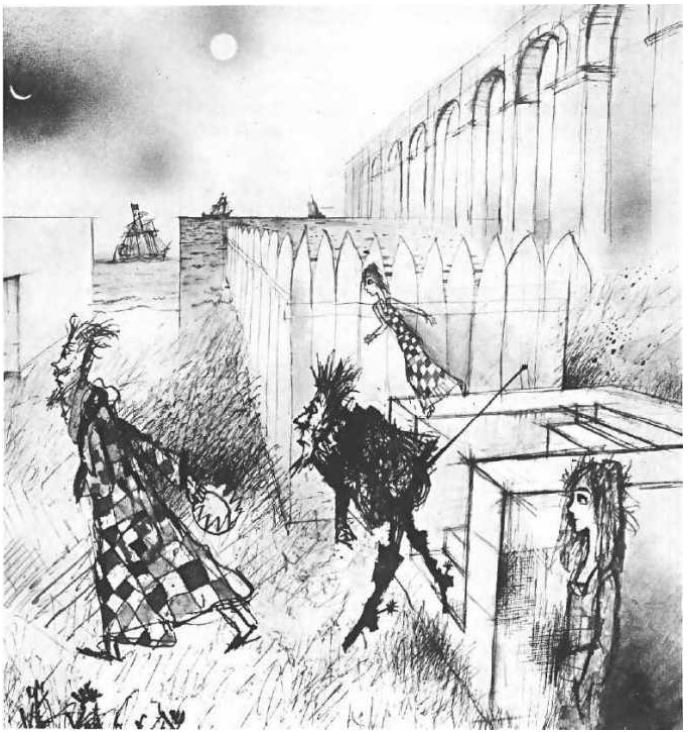
Шлямпник сделал безнадежную попытку заговорить и проглотил гигантский кусок бутерброда.

— Они дерутся о-очень хорошо, — ответил он, спотыкаясь и заикаясь, — про-осто замечательно дерутся. Оба получили по шее примерно во-осемьдесят семь раз.

— Им, наверно, пора дать лапшу и макароны, — осторожно заметила Алиса.

— Лапша уже готова, — сказал Шлямпник. — И макароны тоже. Я их только что попро-обовал.

Как раз в это время драка кончилась, и Лев и Единорог, отдуваясь, уселись на землю.

— ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ДЕСЯТИМИНУТНЫЙ ПЕРЕРЫВ НА ПОЛДНИК! — прокричал Король.

Заитц со Шлямпником принялись за работу: они разносили подносы с лапшой и макаронами. Алиса взяла немножко лапши, но она была совершенно холодная.

— На сегодня достаточно, — сказал Король Шлямпнику. — Сбегай и скажи, что пора барабанить.

Шлямпник поклонился и убежал, подскакивая на ходу, как кузнечик.

Некоторое время Алиса внимательно смотрела ему вслед. Внезапно она радостно улыбнулась.

— Смотрите! Смотрите! — закричала она. — Вон бежит Белая Королева! Она вылетела во-о-он из того Леса… До чего же быстро бегают эти королевы!

— Должно быть, ее преследуют враги, — невозмутимо ответил Король. — Их в этом Лесу как собак нерезаных.

— Наверно, ее нужно спасти! — воскликнула Алиса, удивленная его спокойствием.

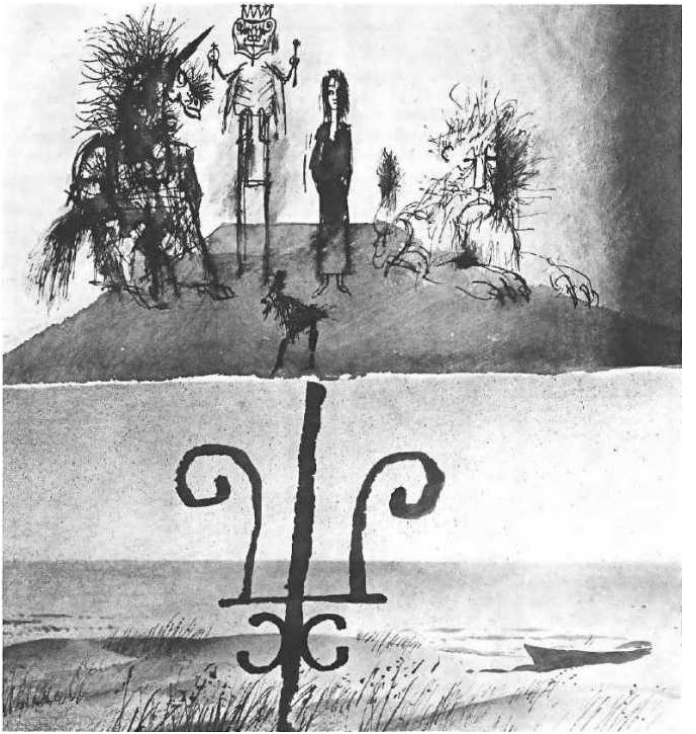
— Не стоит, дитя мое, право, не стоит, — сказал Король. — Она страшно быстро бегает. Королеву труднее поймать, чем Сплетнистую Змею. Но если хочешь, я могу записать о ней что-нибудь приятное в записную книжку... Королева

обворожительна! — добавил он нежно и взялся за карандаш. — Кстати, ты не помнишь, АБВАРАЖИТЕЛЬНА пишется через четыре «А» или через три?

В это время к ним вразвалочку подошел Единорог; лапы он засунул в карманы.

— Он у меня своих не узнает! — сказал он вскользь Королю и огляделся по сторонам.

— Ну куда ему, как же, еще бы, — довольно тревожно ответил Король. — Но по-моему, вам все-таки не следовало протыкать Льва рогом насквозь.

— Ему нисколечко не больно, — беззаботно заявил Единорог и двинулся было дальше, но тут его взгляд упал на Алису. Он уставился на нее, всем своим видом выражая величайшее отвращение.

— Это чего же такое? — спросил он наконец.

— Это девочка! — охотно ответил Заитц, подошел к Алисе и представил ее Единорогу (расставив руки в стороны, как того требуют Иностранные Манеры). — Я ее как раз сегодня нашел. И доставил сюда В ЛУЧШЕМ ВИДЕ!

— Подумать только! А я-то был уверен, что девочки — это сказочные чудища, — сказал Единорог. — Кстати, оно живое?

— Оно умеет говорить! — торжественно ответил Заитц.

Единорог двусмысленно посмотрел на Алису и потребовал:

— Скажи что-нибудь!

Алиса невольно улыбнулась:

— Знаете, я всегда считала, что единороги — это тоже сказочные чудища! И никогда в жизни я не видела живого Единорога.

— Ну, вот мы и свиделись! — сказал Единорог. — Если ты поверишь в меня, я, так и быть, поверю в тебя. Идет?

— Конечно, идет, если вам так больше нравится, — сказала Алиса.

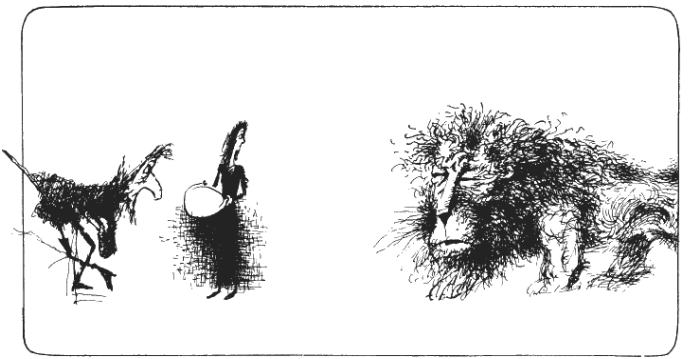
— Слетай-ка за пирогом, старик! — обратился Единорог к Королю. — У меня от твоих макарон оскомина!

— Разумеется… разумеется… — пробормотал Король и подозвал Заитца. — Тащи сюда мешок, — сказал он шепотом. — Да нет, не этот… в этом замазка!

Заитц вынул из мешка здоровенный яблочный пирог и дал его подержать Алисе, а сам достал из того же мешка блюдо, тарелки и ножи. Как они все там уместились, Алиса не поняла: мешок был такой маленький, а Заитц, как фокусник, вынимал из него всё новые и новые тарелки.

В это время к ним подошел Лев: глаза у него все время закрывались — такой он был сонный и измученный.

— Что это такое? — спросил он гулким басом, глядя прямо на Алису.

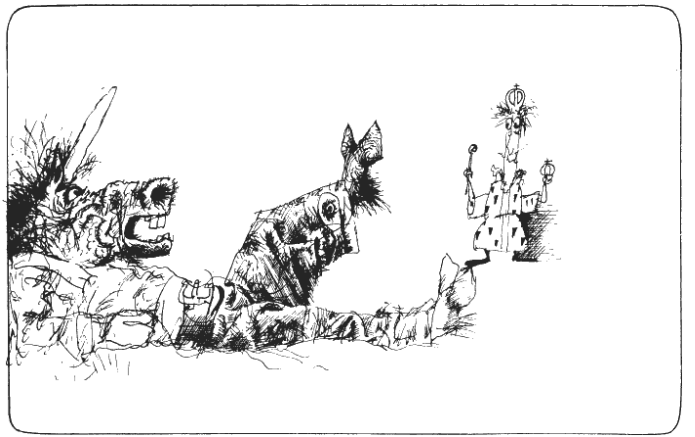

— А самому слабо догадаться? — ехидно крикнул Единорог. — Куда тебе! Даже я не сразу понял, что это такое.

Лев равнодушно посмотрел на Алису:

— Может, животное... Может, растение... А может, просто камень... на дороге валяется... — сказал он, зевая на каждом слове.

— Это сказочное чудище! — высказался Единорог, помешав Алисе самой ответить.

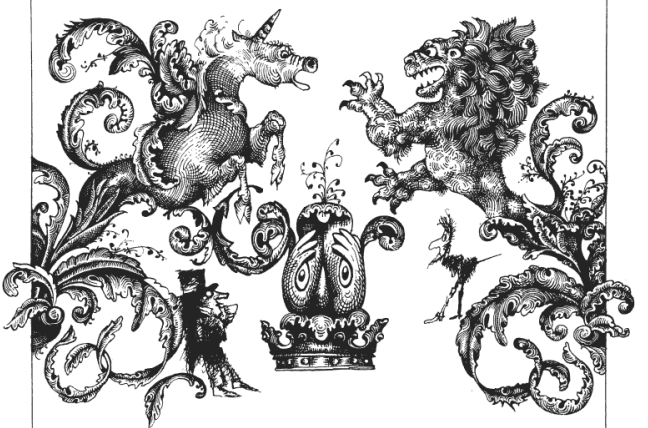

— Ну, тогда раздавай нам пирог, Чудище, — сказал Лев, ложась на землю и укладывая голову на передние лапы. — И вы тоже... садитесь, — обратился он к Королю и Единорогу. — Займемся пирогом!

Судя по всему, Королю было боязно сидеть между двумя огромными зверями, но сесть больше было некуда.

— Сперва займемся пирогом, а потом — коро-

ной, — заявил Единорог, лукаво взирая на корону, которая, лишь только прозвучали эти слова, чуть не слетела с королевской головы — так эта голова задрожала.

— Ты у меня свету не взвидишь, — лениво сказал Лев.

— Еще как взвижу! — ответил Единорог.

— Щенок, я гнался за тобой через весь город и в конце концов сломал твой рог, — злобно возразил Лев, привстав со своего места.

Тут вмешался Король, который попытался предотвратить ссору; он был очень встревожен и заикался от волнения.

— Через весь город? — спросил он. — Порядочное расстояние. Скажите, вы гнали его через Старый Мост или через Рыночную Площадь? Дело в том, что со Старого Моста открывается ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ вид!

— Не помню я, как я его гнал, — проворчал Лев, укладываясь на место. — Там было страшно пыльно. Ну, сколько можно возиться с пирогом, а, Чудище?

Алиса сидела на берегу ручейка и держала блюдо с пирогом на коленях. Она изо всех сил пилила пирог ножом.

— У меня ничего не выходит! — сказала она в ответ (к тому, что ее называют Чудищем, Алиса уже привыкла). — Я отрезала несколько кусков, но они опять срослись.

— Ты не умеешь обращаться с Зазеркальными

Пирогами, — заметил Единорог Алисе. — Сперва раздай нам по куску, а уж потом нарежь пирог.

Предложение было совершенно нелепым, но Алиса послушно встала и обошла всех с блюдом в руках, причем пирог сам разрезался на три части.

— А теперь отрежь нам по кусочку, — сказал Лев, едва Алиса вернулась на свое место с пустым блюдом.

— Это нечестно! — завопил Единорог, когда Алиса присела перед пирогом с ножом в руках, не зная, как к нему подступиться. — Чудище дало Льву в два раза больше, чем мне!

— Зато ей самой ничего не досталось, — сказал Лев. — Ты ведь любишь яблочные пироги, Чудище?

Но прежде чем Алиса успела ответить Льву, раздался барабанный бой.

Алиса никак не могла сообразить, кто же это барабанит: в воздухе гремело БУМ-БУМ-БУМ, слева и справа доносилось БОМ-БОМ-БОМ, у Алисы в голове звучало БАМ-БАМ-БАМ, так что она чуть не оглохла. Она вскочила и перепрыгнула через ручеек.

. . . . . .
. . . . . .

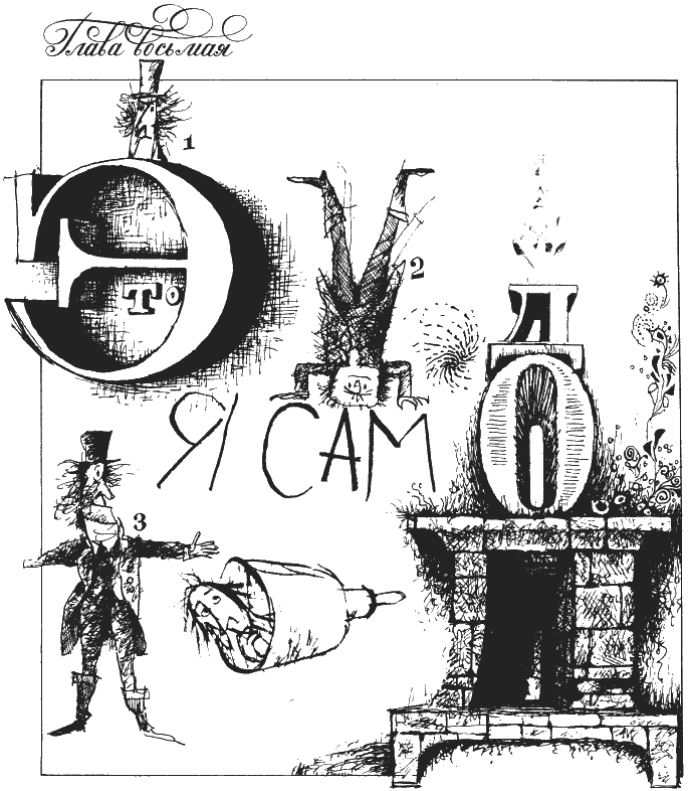
Она еще успела увидеть, как встали Лев и Единорог, как грозно они друг на друга посмотрели, прежде чем зажмурила глаза и крепко заткнула уши, пытаясь отделаться от этого ужасного грома, треска и грохота:

«Ну, — подумала Алиса, — если Лев и Единорог не испугались такого барабанного боя, то я вообще себе не представляю, как их выгнать из города!»

Глава восьмая

«ЭТО Я САМ ДОДУМАЛСЯ!»

Шум понемногу утих, и в конце концов наступила мертвая тишина. Алиса с тревогой подняла голову. Вокруг не было ни души, и ей почудилось, что Лев, Единорог и чудаковатые Иностранные Посыльные ей попросту примерещились. Правда, у ее ног по-прежнему лежало огромное блюдо, то самое, на котором она пыталась разрезать яблочный пирог. «Значит, все это было на самом деле, — подумала Алиса. — Но может быть… может быть, все мы кому-то снимся?! Хорошо еще, если мне. А если Черному Королю?»

— Ужасно не хочется быть частью чужого сна, — довольно жалобно проговорила Алиса. — Надо бы все-таки пойти разбудить Короля и посмотреть, что из этого выйдет!

Но в эту минуту ее размышления были прерваны громким криком: «ЭГЕГЕЙ! ОГОГОЙ! ШАХ!» — и она увидела, что прямо на нее несется Рыцарь — на Черном Коне и сам весь в черном. Рыцарь бешено размахивал мечом. Прямо перед носом у Алисы Конь остановился, и, прокричав «Я взял тебя в плен!», Рыцарь кувырнулся с седла прямо на землю.

Как ни была напугана Алиса, в этот момент она сильнее всего испугалась за Рыцаря и с беспокойством смотрела, как он забирается обратно в

седло. Стоило Рыцарю устроиться в седле, как он снова начал:

— Я взял тебя в пле…

Но тут кто-то заулюлюкал: «ОГОГОЙ! ЭГЕГЕЙ! ШАХ!» — и Алиса оглянулась, пытаясь понять, с какой стороны надвигается новая опасность.

Оказалось, что кричал Рыцарь на Белом Коне. Он подскакал к Алисе и кувырнулся с седла в точности так же, как и Черный Рыцарь. Затем он залез обратно в седло, и некоторое время оба Рыцаря — молча и не мигая — глядели друг на друга. Алиса смотрела на них с изумлением.

— Она моя пленница, коллега, — сказал наконец Черный Рыцарь.

— Может, и твоя, — ответил Белый Рыцарь. — Зато я прискакал и ее спас.

— Раз так, СРАЗИМСЯ ЗА НЕЕ! — сказал Черный Рыцарь и надел шлем (до этого шлем болтался у седла; он был слегка похож на коровью голову).

— Надеюсь, вы соблюдаете Кодекс Чести? — осведомился Белый Рыцарь, также надевая шлем.

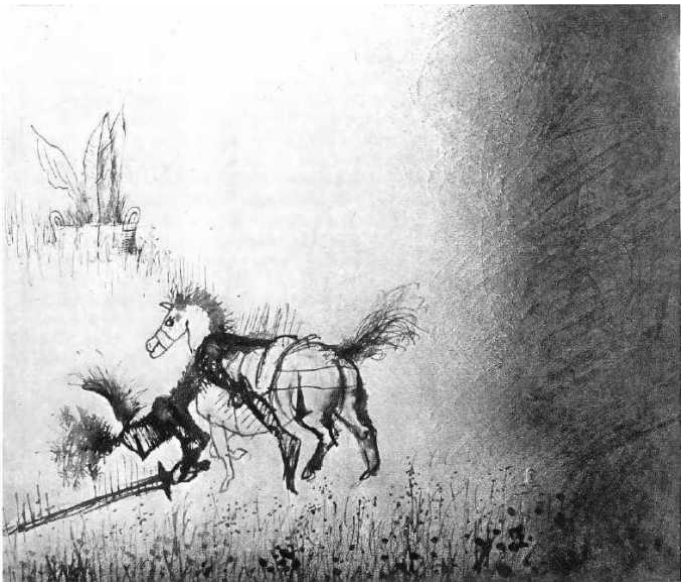
— Соблюдал, соблюдаю и буду соблюдать, — ответил Черный Рыцарь Белому, и они принялись наскакивать друг на друга с таким азартом, что Алиса укрылась за деревом, чтобы ненароком не

попасть под удар.

«Интересно, что же это за Кодекс Чести? — подумала она, наблюдая за сражением из-за дерева. — Первое Правило, видимо, заключается в том, что если один Рыцарь стукнет другого мечом, то тот, кого стукнули, вылетает из седла. Если же Рыцарь промахнется, то вылетает из седла сам… Второе Правило такое: меч полагается держать обеими руками — как сачок… До чего же жутко они гремят, когда падают! Как будто не Рыцарь упал, а пустое ведро! И до чего же у них смирные Кони: позволяют на себя влезать, падать и снова влезать, как будто они не Кони, а табуретки!»

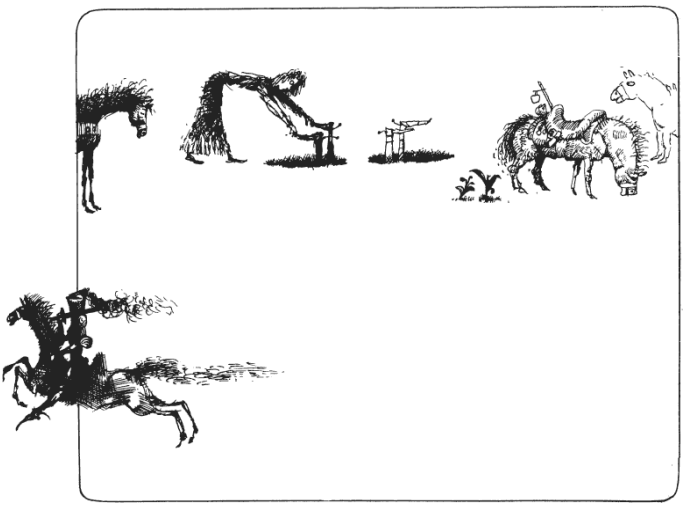

Наконец, Третье Правило Кодекса Чести, на которое Алиса не обратила внимания, заключалось в том, что уж если Рыцарь вылетал из седла, то о землю он ударялся обязательно головой.

Сражение кончилось тем, что оба Рыцаря упали одновременно, и некоторое время из земли рядышком торчали две пары ног. Придя в обычное положение, Рыцари пожали друг другу руки,

после чего Черный Рыцарь сел в седло и ускакал.

— Не правда ли, убедительная победа? — отдуваясь, спросил Белый Рыцарь.

— Не знаю, — с сомнением в голосе ответила Алиса. — Я не хочу быть ничьей пленницей. Я хочу быть Королевой.

— А вы и станете Королевой, когда перейдете через следующий ручей, — сказал Рыцарь. — Я провожу вас до опушки… А потом вернусь обратно. На этом кончится мой ход.

— Большое вам спасибо, — поблагодарила Алиса. — Позвольте, я помогу вам снять шлем.

Судя по всему, самому Рыцарю это было не под силу. В конце концов Алиса все-таки вытряхнула его из шлема.

— Уф, теперь можно и отдышаться, — сказал Рыцарь и, выпятив губу, сдул свои длинные волосы со лба, после чего обернулся к Алисе и посмотрел на нее большими близорукими глазами. Тут Алисе пришло в голову, что никогда раньше такого Рыцаря она не видала.

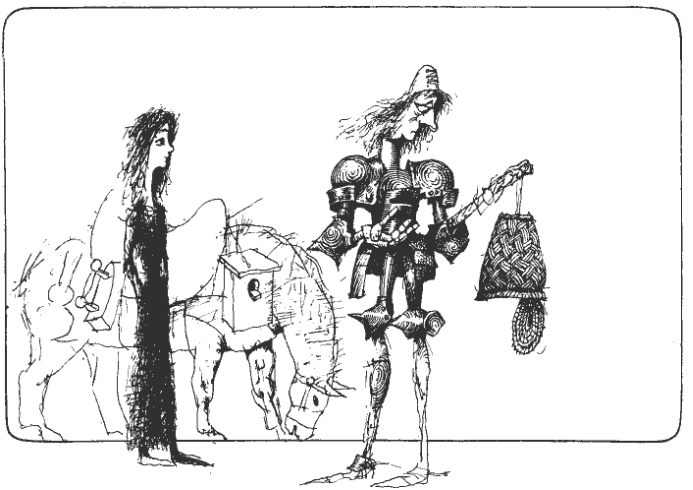
На Рыцаре были жестяные латы (которые явно были ему велики), а за плечом у него вверх тормашками висела какая-то непонятная корзина с болтающейся крышкой. На эту корзину и уставилась Алиса.

— Я вижу, вы любуетесь моей корзиночкой, — дружелюбно сказал Рыцарь. — Я держу в ней бутерброды и галстуки. Видите, она висит вверх ногами для того, чтобы вещи не вымокли под дождем. Это я сам додумался!

— Да там нечему мокнуть! — ласково заметила

Алиса. — Ведь крышка открыта и все давным-давно попадало на землю!

— Вот как? Об этом я не подумал, — пробормотал Рыцарь и покраснел от обиды. — Корзинка, выходит, пустая. А пустая она мне не нужна...

Сказав это, он отвязал корзину и уже было

собрался зашвырнуть ее в кусты, как вдруг его осенила внезапная мысль, и он аккуратно повесил корзину на ветку.

— Дошло, зачем я это сделал? — спросил он у Алисы.

Алиса недоуменно пожала плечами.

— Весь расчет на пчел, которые устроят в моей корзинке жилье… Тогда у меня всегда будет свежий мед.

— Да, но ведь у вас к седлу привязан НАСТОЯЩИЙ улей… или, во всяком случае, что-то ужасно на него похожее… — сказала Алиса.

— Н-да. Это ОТЛИЧНЫЙ улей, — недовольно ответил Рыцарь. — ПЕРВОКЛАССНЫЙ улей. Но до этой минуты в него не залетела ни одна пчела. Кстати, рядом с ним висит мышеловка. Не знаю, то ли мыши отпугивают пчел, то ли пчелы — мышей, но ни те, ни другие мне пока не попадались.

— Не понимаю, зачем вам мышеловка, — сказала Алиса. — Вряд ли МЫШИ начнут разгуливать по ЛОШАДИ.

— Согласен: вряд ли, — ответил Рыцарь. — Но все же, если им взбредет в голову сунуть сюда нос, они тут же попадутся в мышеловку… Видите ли, — продолжал он, немного подумав, — НУЖНО

БЫТЬ ГОТОВЫМ КО ВСЕМУ. Между прочим, именно из этих соображений я надел на Коня проволочный намордник.

— Зачем? — воскликнула Алиса, вне себя от любопытства.

— Чтобы предохранить его от укусов Злобных Акул, — объяснил Рыцарь. — Это я сам додумался. А теперь помогите мне, пожалуйста, забраться в седло. Я провожу вас до опушки… А что это у вас за блюдо?

— Оно из-под яблочного пирога, — сказала Алиса.

— Пожалуй, лучше прихватить его с собой, — заметил Рыцарь. — Оно может пригодиться, если мы где-нибудь по пути случайно отыщем яблочный пирог. Давайте я его засуну в мешок.

Как Алиса ни старалась, это заняло много времени, потому что Рыцарь был ужасный растяпа и никак не мог засунуть блюдо как следует: первая попытка кончилась тем, что в мешок попал он сам, а блюдо осталось снаружи.

— Опасное предприятие, — сказал он, когда блюдо наконец было водворено на место. — Опасное предприятие — очутиться в одном мешке с шилом.

Тут Рыцарь повесил мешок у седла, рядом с пуч-

ками редиски, утюгами, тапочками и прочими разностями.

— Советую вам заплести косичку, — сказал он Алисе, когда все было готово.

— Зачем? — улыбаясь, спросила Алиса.

— Дело в том, — ответил Рыцарь взволнованно, — что в пути у вас могут растрепаться волосы. В этих местах, случается, дует довольно свежий ветер. Свежий, как эта редиска.

— Наверно, у вас есть какой-нибудь план, как сделать, чтобы волосы не растрепались? — спросила Алиса.

— Пока у меня такого плана нет, — признался Рыцарь. — Но зато у меня есть хитрый план, как сделать, чтоб волосы не выпадали.

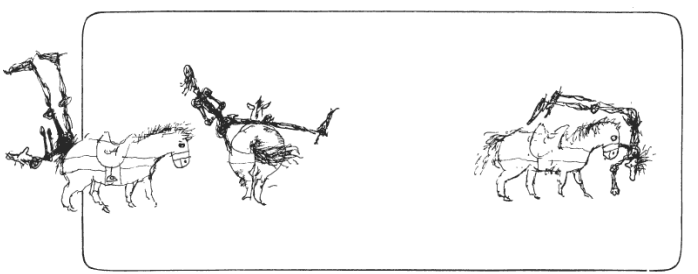
— Пожалуйста, объясните, в чем же он заключается.

— Пожалуйста, — сказал Рыцарь. — Берется длинная палка. Эта палка ставится на голову. Затем на палку навиваются волосы наподобие плюща. Волосы выпадают потому, что они свисают ВНИЗ! ВВЕРХ ничего упасть не может! Это я сам додумался. Если хотите, можете попробовать.

Алисе показалось, что это не самый удобный план, и несколько минут она шла молча, обдумывая странную мысль Белого Рыцаря и время

от времени останавливаясь, чтобы помочь ему, — бедняга Рыцарь оказался неважным наездником.

Стоило Коню остановиться (а случалось это довольно часто), и Белый Рыцарь перелетал через его голову. Стоило Коню тронуться (а случалось это довольно неожиданно), и Белый Рыцарь перелетал через хвост. Все остальное время он довольно уверенно держался в седле, хотя изредка падал набок. Поскольку он всегда выбирал тот бок, с которого шла Алиса, она вскоре догадалась, что СПОКОЙНЕЕ ВСЕГО держаться подальше и от Коня и от всадника.

— Вам, видимо, не хватает опыта, — рискнула она заметить, подсаживая Рыцаря на лошадь, после того как он сверзился с нее в шестой раз.

Рыцарь слегка обиделся и страшно удивился.

— С чего вы взяли, что мне не хватает опыта? — спросил он, вскарабкиваясь на Коня и одной рукой вцепляясь Алисе в волосы, чтобы как-нибудь случайно не перевалиться на другую сторону.

— Если бы у вас был опыт, вы бы реже падали.

— У меня Огромный Опыт! — важно ответил Рыцарь. — Колоссальный Опыт!

Алиса не придумала ничего лучше, как сказать: «Вон оно что!», но постаралась, чтобы эти слова прозвучали помягче. Они молча двинулись дальше. Рыцарь ехал, закрыв глаза, и что-то нашептывал себе под нос, а Алиса шла рядом, с тревогой ожидая, когда же он упадет в следующий раз.

— Высшая Школа Верховой Езды! — неожиданно вскричал Рыцарь, плавно помахивая рукой. — Высшая Школа Верховой Езды учит нас всегда сохранять… — Эта фраза закончилась так же внезапно, как и началась, потому что Рыцарь упал и зарылся головой в землю прямо перед носом у Алисы. На этот раз она не на шутку испугалась и тревожно спросила, поднимая Рыцаря:

— Надеюсь, кости у вас целы?

— Пустяки, — ответил Рыцарь таким тоном, как будто два-три сломанных ребра для него ничего не значат, — пустяки. Высшая Школа Верховой Езды, как я уже заметил, учит нас всегда сохранять равновесие. Вот так, смотрите!

Он отпустил уздечку и раскинул руки, чтобы показать Алисе, о чем идет речь. На этот раз он упал на спину и подгадал как раз под копыта собственному Коню.

— Огромный Опыт! — повторял он все то время, пока Алиса ставила его на ноги. — Огромный, Значительный Опыт!

— Как вам не стыдно! — не выдержала Алиса. — Вам не на настоящей лошади ездить, а на деревянной!

— А что, деревянные лошадки не слишком резвые? — заинтересовался Рыцарь, хватаясь за шею Коня очень вовремя, потому что иначе опять вылетел бы из седла.

— Не слишком, не слишком. Они много спокойнее настоящих лошадей, — ответила Алиса (и как ни старалась, не смогла скрыть улыбку).

— Я себе одну такую заведу, на пробу, — задумчиво сказал Рыцарь. — Или даже парочку. Одним словом, штук пятнадцать.

Опять наступило молчание, которое прервал Рыцарь:

— Я до чего хотите могу додуматься. Я полагаю, вы помните, что, когда вы в последний раз меня поднимали, у меня был довольно задумчивый вид.

— Да, действительно! — согласилась Алиса.

— Понимаете, я как раз придумывал Новый Способ Перелезания Через Заборы. Хотите, расскажу?

— Конечно, очень хочу, — вежливо ответила Алиса.

— Я изложу вам ХОД МОЕЙ МЫСЛИ, — сказал Рыцарь, — Понимаете, я сказал себе: «Самое трудное — ноги. Голова и так уже достаточно высоко». Итак, мы кладем голову на кромку забора! Напоминаю: голова уже на достаточной высоте! После этого… встаем на голову!!! Теперь ноги тоже выше забора!!! И дело в шляпе!

— Да, вы правы, дело в шляпе, — сказала Алиса, задумчиво глядя на шлем Белого Рыцаря. — А вам не кажется, что это довольно сложный способ?

— Я пока не пробовал, — серьезно ответил Рыцарь. — Поэтому не могу ответить наверняка. Но боюсь, что он действительно сложноват.

Рыцарь ужасно огорчился. Алиса опять взгля-

нула на шлем.

— Какой у вас удивительный шлем! — сказала она весело. — Это вы тоже сами додумались?

Рыцарь горделиво поглядел на шлем, притороченный к седлу.

— Да, — ответил он. — Но я додумался до другого шлема, похлеще этого. Он имеет форму телескопа. В те времена, когда я его на́шивал, стоило мне упасть с Коня, и шлем первым делом утыкался в землю. Так что сам я почти и не падал… Правда, опасность заключалась в том, что я иногда в него проваливался; однажды так и вышло… Но самое ужасное было то, что в этот момент подъехал ДРУГОЙ БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ, решил, что это ЕГО шлем и нахлобучил его на голову… ВМЕСТЕ СО МНОЙ!

Когда Рыцарь об этом рассказывал, у него сделалось такое лицо, что Алиса не смела улыбнуться.

— Бедняжка, — сказала она. — Ему, наверно, было нелегко носить вас на голове.

— Разумеется, — подтвердил Рыцарь. — Я отдавил ему всю макушку. И только тогда он догадался, что внутри кто-то есть. Но прошли месяцы, прежде чем меня оттуда выскребли. Пока меня выскребали, настроение у меня было кислое, как клюква.

— Настроение не может быть кислым, как

клюква, — возразила Алиса.

Рыцарь покачал головой.

— Да, оно было еще кислее. Честное слово! — воскликнул он и с воодушевлением взмахнул рукой, после чего немедленно выпал из седла и угодил головой в канаву.

Алиса бросилась к нему: Рыцарь опять ее напугал, потому что довольно долго из канавы торчали одни его ноги, и она решила, что НА ЭТОТ РАЗ он здорово стукнулся. Впрочем, несмотря на то что Алиса видела только его пятки, она быстро успокоилась, потому что из канавы до нее донесся спокойный голос Рыцаря.

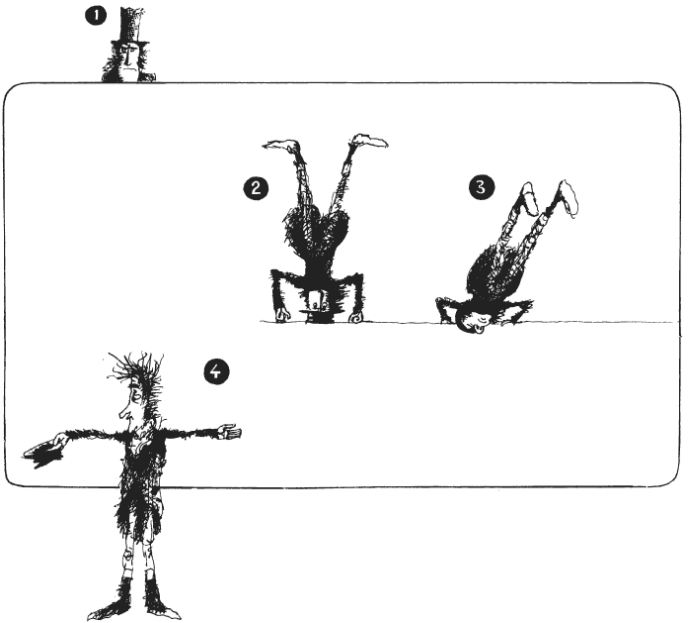
— …Еще кислее, — повторил голос. — Но с его стороны было бесстыдством хватать чужие шлемы… да еще когда кто-то сидит внутри.

— Удивительно, как это у вас получается — так спокойно разговаривать, стоя вверх ногами, — сказала Алиса, вытащила Рыцаря и уложила его у самого края канавы.

Это замечание поразило Рыцаря.

— Какая разница, где у меня голова, а где ноги? — спросил он. — Голова-то все равно работает точно так же. Больше того, когда стоишь вверх ногами, в голову приходят ВЫДАЮЩИЕСЯ мысли… Самая моя гениальная мысль, — добавил он,

помолчав минуту, — касалась Рецепта Нового Пирога. Эта мысль у меня родилась за супом.

— И Пирог успели приготовить, пока вы ели

второе? — спросила Алиса. — Как здорово! Я бы ни за что не управилась…

— Нет. НЕ пока я ел второе, — задумчиво сказал Рыцарь. — В тот день я не ел второго.

— Так, значит, вам испекли Пирог назавтра? А в тот день вы ели какой-то другой Пирог?

— Назавтра? Нет, — ответил Рыцарь. — НЕ назавтра. По правде говоря, — добавил он, опустив глаза и переходя на шепот, — по правде говоря, его вообще НЕ испекли. По правде говоря, его вообще никогда НЕ испекут. А Пирог был бы замечательный. Это я сам до него додумался.

— А какая у него должна была быть начинка? — спросила Алиса, пытаясь приободрить Рыцаря, но у бедняги был уже совсем понурый вид.

— Начинка? — простонал Рыцарь. — Начинка из промокашки.

— Наверно, это не очень вкусно…

— Да, не очень, если промокашка — одна, — живо ответил Рыцарь, — но если ее много и если ее сдобрить клеем и фиолетовыми чернилами, вы представить себе не можете, как меняется вкус! Ну, тут мы с вами расстанемся.

Они как раз вышли к опушке. У Алисы был озадаченный вид: она все еще размышляла о Промокашечном Пироге.

— Что-то вы загрустили, — забеспокоился Рыцарь. — Знаете, я вам спою песню — и вам сразу полегчает.

— А она длинная? — спросила Алиса, которая уже не могла спокойно слышать ни о песнях, ни о стихах.

— Очень! — ответил Рыцарь. — ОЧЕНЬ длинная, но ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ и ОЧЕНЬ жалостная. Кто ее ни услышит, тот или зарыдает, или…

— Или что? — спросила Алиса, потому что Рыцарь внезапно замолчал.

— …или не зарыдает. А название этой песни… Оно называется «НЕЛЬЗЯ ЛИ ПАВИАНА…».

— Вот как? Неужто так называется песня? — спросила Алиса, делая вид, что ее это заинтересовало.

— Да нет! Вы не понимаете! — раздраженно ответил Рыцарь. — Это ее название так называется. А сама она называется «ОДНАЖДЫ ЛЫСОМУ ЕЖУ…».

— Ага. Значит, я должна была сказать: «Это и есть название песни?» — исправилась Алиса.

— Да нет же! Это она так называется. А НАЗВАНИЕ песни — «ЗА ДИКОГО КОТА». Но это только название.

— Так какая же это песня? — спросила совер-

шенно ошарашенная Алиса.

— К этому я и перехожу, — сказал Рыцарь. — Это песня — «СТАРИК, УПАВШИЙ С КАЛАНЧИ». Слова и музыка — мои. Я до них сам додумался.

Сказав это, он бросил поводья и слез с Коня. Пение явно доставляло ему удовольствие. Медленно отбивая такт правой рукой, с бледной улыбкой на своей круглой физиономии он начал.

Из всех необычайных событий, которые приключились с Алисой в Зазеркалье, это она запомнила яснее всего. И через многие годы в ее памяти сохранилась эта картина, как будто видела она ее только вчера: светло-голубые глаза и нелепая улыбка Белого Рыцаря, отблески заходящего солнца на его золотистых волосах, ослепительный блеск доспехов, Конь, мирно щиплющий травку неподалеку, сумрак Леса у нее за спиной, — все это запомнилось Алисе навсегда, пока она стояла себе, прислонясь к дереву и прикрыв щитком глаза, разглядывала эту странную пару — Коня и Рыцаря — и в полусне прислушивалась к печальной мелодии песни.

«Ну нет! До мелодии он НЕ САМ додумался, — подумала Алиса. — Ведь это «И мой сурок со мною…». Она слушала очень внимательно, но почему-то ей совсем не хотелось плакать.

СТАРИК, УПАВШИЙ С КАЛАНЧИ

Ты эту песенку потом
С друзьями разучи.
Я был знаком со Стариком,
Упавшим с каланчи.
Спросил я: «Как и почему
Ты влез на каланчу?»

Похлопал он по моему
По правому плечу
И отвечал печально мне:
«Я занят ловлей мух,
Я продаю их по цене
Полденежки — за двух.
Я продаю их морякам
С пиратских бригантин,
Но иногда съедаю сам:
Ведь я живу один».

Но я в тот день решал вопрос,
Как отрастить усы,
Имея только купорос,
Линейку и весы.

И вот, не слушая его,
Я в бешенстве кричу:
«Зачем и как и отчего
Ты влез на каланчу?» —

«С ковров я остригаю ворс, —
Ответил старикан, —
И делаю из ворса — морс
(Полденежки — стакан!);
Его прозвали ЛИМОНАД, —
Печально молвил он, —
За то, что много лет назад
Я клал в него лимон».

Но я раздумывал о том,
Нельзя ли павиана
Заставить в бубен бить хвостом
И петь под фортепьяно.
И я сказал: «Ответь, старик,
А то поколочу,
С какою целью ты проник
На эту каланчу!»

Он отвечал: «В чужом краю,

Где скалы да пески,
Ищу я рыбью чешую
И косточки трески.
Хочу из этой чешуи
Я сшить себе жилет.
Такой жилет мне не сносить
За девяносто лет!
И вот что я тебе скажу, —
Проговорил старик, —
Недавно лысому ежу
Я подарил парик,
А год назад я откопал
Подсвечник без свечи:
ВОТ ПОТОМУ-ТО Я УПАЛ
С ПРОКЛЯТОЙ КАЛАНЧИ!»

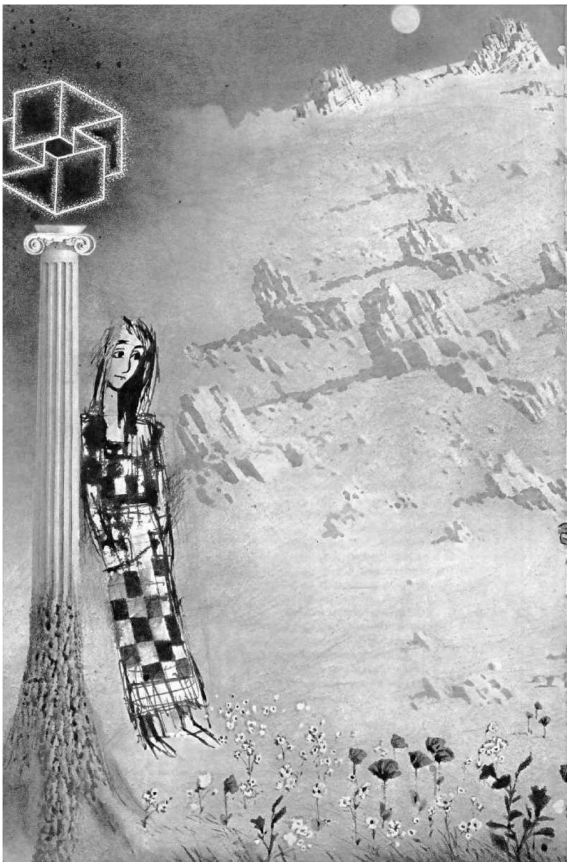

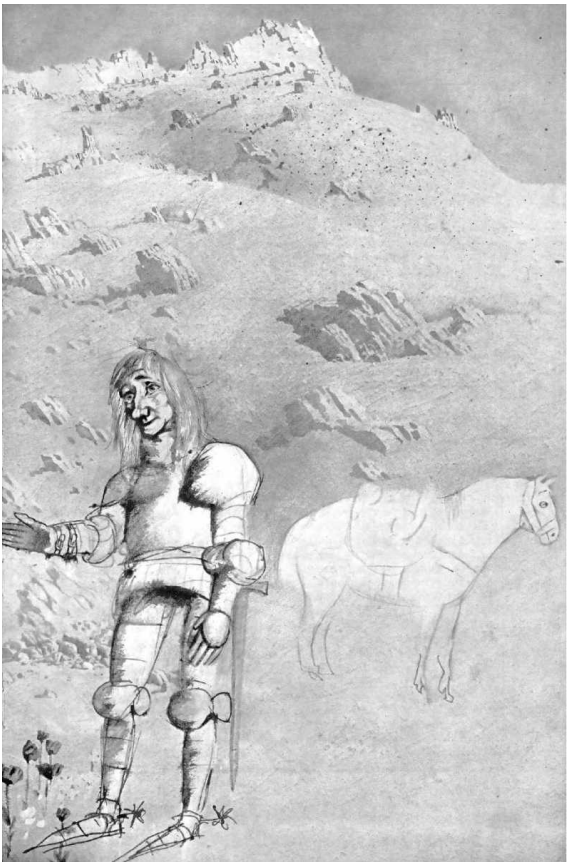
Но я раздумывал о том,
Как выкрасить кита,
Чтоб выдавать его потом
За дикого кота.
И я сказал в ответ ему:

«Старик, я не шучу,
Но не пойму я,
Почему
Ты влез на каланчу!!!»

Прошли года, но и теперь,
Измазавшись в клею,
Иль прищемив ногою дверь,
Иль победив в бою,
Я непрерывно слезы лью,
И этих слез ручьи
Напоминают мне о том,
Кто был почтенным стариком,
Со мной согласным целиком,
Всегда болтавшим языком,
Любившим тех, кто с ним знаком
(А также тех, кто незнаком),
Питавшимся одним песком,
Махавшим грозно кулаком,
Глотавшим все одним куском,
Смеявшимся над пустяком,
И лихо ездившим верхом,
И бившим окна молотком,

Ловившим кошек гамаком,
УПАВШИМ С КАЛАНЧИ.

Кончив петь, Рыцарь ухватил Коня за поводья и развернул его в ту сторону, откуда они только что пришли.

— Вам осталось совсем немножко, — сказал он. — Спуститесь к подножию холма, перейдете через ручеек, и вы — Королева. Но сперва проводите меня, — добавил он, как только Алиса с надеждой посмотрела в сторону ручья. — Я вас не задержу. Постойте здесь и помашите мне платком, пока я не скроюсь за поворотом. Это придаст мне бодрости и сил.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Большое спасибо, что проводили меня и спели песню. Она мне очень понравилась.

— Надеюсь, что так, — неуверенно ответил Рыцарь. — Но плакали вы меньше, чем я рассчитывал. Надеюсь, что, спев эту песню, я не упал в ваших глазах.

Они пожали друг другу руки, и Рыцарь неторопливо поскакал по направлению к Лесу. «Думаю, он скоро упадет в моих глазах, — подумала Алиса, глядя на удаляющегося Рыцаря. — Ну вот! Прямо головой о землю! Так, обратно вскарабкался без труда… Это потому, что вокруг седла столько всего понавешано…» Так она размышляла, глядя, как Конь неторопливо двинулся дальше, как Ры-

царь вновь упал, сперва налево, а потом направо. После четвертого или пятого падения они добрались до поворота, а Алиса помахала им платком и подождала, пока они не скрылись из виду.

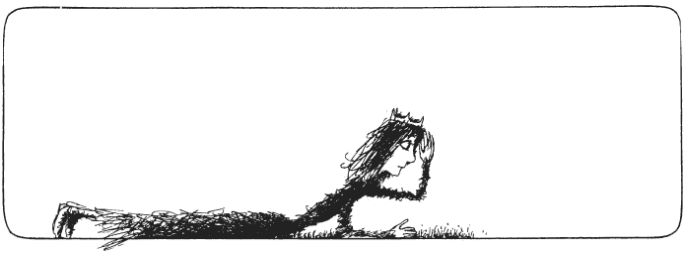
«Хорошо, если это прибавило ему бодрости, — подумала она, сбегая вниз с холма. — Остался последний ручеек, и я — Королева! Как это солидно звучит!» Еще несколько шагов, и, крикнув: «Наконец-то Восьмая Клетка!» — она перепрыгнула через ручеек и бро-

. . . . . .
. . . . . .

силась на траву, чтобы немножко отдышаться. Трава была мягкая-мягкая, и то тут, то там качались желтые головки одуванчиков. «Наконец-то я здесь! Ой, что это у меня на голове?» — воскликнула она в ужасе и дотронулась до чего-то тяжелого, похожего на обруч.

«Откуда же эта штука взялась — ума не приложу», — подумала Алиса, сняла этот непонятный обруч с головы и положила его на колени, чтобы рассмотреть.

Это была золотая корона.

Глава девятая

КОРОЛЕВА АЛИСА

— Вот здорово! — воскликнула Алиса. — Неужто я в самом деле стала королевой?! И вот что я вам скажу, Ваше Величество, — тут же добавила она (ведь Алиса ужасно любила делать себе замечания), — полежали на травке — и хватит. Королевы так НИКОГДА не поступают.

Тут Алиса отправилась дальше. Сперва ей было страшновато: а вдруг корона свалится с головы, — но в конце концов она успокоилась. «Все равно пока меня никто не видит, — решила Алиса, снова усевшись на траву, — а если я действительно королева, то, наверно, научусь носить корону как полагается».

В Зазеркалье Алиса настолько привыкла к разным Загадочным Происшествиям, что нисколько не удивилась, когда обнаружила, что рядом с ней сидят Черная и Белая Королевы. Она хотела было спросить, откуда они здесь взялись, но побоялась, что это выйдет не слишком вежливо. «Зато, — подумала она, — ничего страшного не будет, если я спрошу, закончилась ли партия».

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста… — начала она, робко поглядывая на Черную Королеву.

— Говори, только если тебя спрашивают, милочка, — холодно заметила Черная Королева.

— Ох, но если бы все так делали, — сказала Алиса, не упуская возможности поспорить, — и если бы вы говорили,только если вас о чем-нибудь спросят, а Все Остальные стали бы дожидаться, пока вы их о чем-нибудь спросите, то все-все сидели бы и молчали. Значит…

— Дичь! — прикрикнула Черная Королева. — Несуразная дичь! Неужели не ясно, что… — Тут она нахмурилась и замолчала. Поразмыслив, она заговорила снова, но уже о совершенно другом: — Так ты осмелилась о себе сказать «Если я настоящая королева»? С какой стати? Пока ты никакая не королева. У тебя есть шансы стать настоящей королевой, если ты сдашь соответствующий экзамен. Кстати, чем раньше ты его сдашь, тем лучше для тебя.

— Но я ведь только сказала «если», — принялась оправдываться Алиса.

Черная Королева, передернув плечами, процедила:

— И это милое дитя еще утверждает, что сказала только «если»!

— Но она сказала намного, НАМНОГО больше, — простонала Белая Королева, ломая руки. — УМУ НЕПОСТИЖИМО, сколько она тут наговорила. Зачем, зачем ты это сделала, девочка?!

— Настоятельно тебе рекомендую, — сказала Алисе Черная Королева, — а) всегда говорить правду, б) сначала подумать, а потом отвечать, в) все, что сказала, записать в записную книжку.

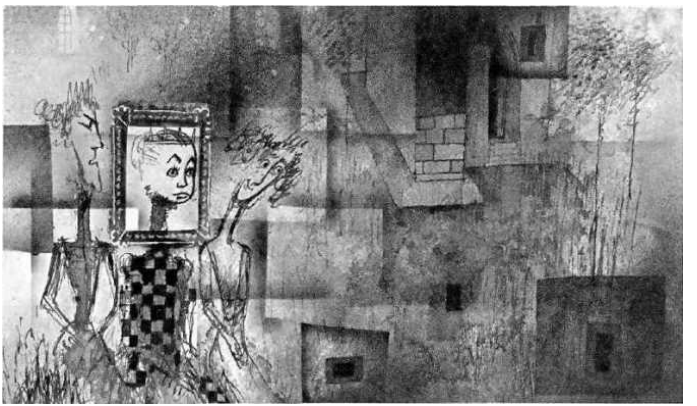
— Но я и не думала… — начала было Алиса, но Черная Королева мгновенно ее перебила:

— Вот об этом я и твержу! Ты обязана думать! Какой смысл в девчонке, которая несет бессмыслицу? Даже в шутке есть какой-то смысл, а девчонка, насколько мне известно, важнее шутки! Тут ты меня не застанешь ВРАСПЛЮХ!

— Я не знаю, что такое «застать ВРАСПЛЮХ», — призналась Алиса.

— А разве я сказала, что знаешь? — протянула Черная Королева. — По-моему, я сказала только, что врасплюх ты меня не застанешь! Даже если очень постараешься!

— Бедняжка, так уж у нее голова устроена, — обратилась Белая Королева к Чёрной. — Ее все время тянет поспорить… а о чем, она сама не знает.

— У нее злобный и угрюмый нрав, — заметила Черная Королева.

Минуту все сидели в оцепенении. Наконец Черная Королева обратилась к Белой:

— Приглашаю вас, Ваше Величество, на Торжественный Обед, который сегодня дает Алиса.

Белая Королева слабо улыбнулась и ответила:

— А я приглашаю вас, Ваше Величество.

— Я и не знала, что даю сегодня Торжественный

Обед, — вмешалась Алиса. — Но раз я его даю, то я и должна приглашать гостей.

— Времени, чтобы нас пригласить, у тебя было вполне достаточно! — мрачно заметила Черная Королева. — Впрочем, тебя, судя по всему, не водили на Уроки Сносного Поведения, не говоря уже о Хорошем.

— На уроках учат не Сносному Поведению, а Арифметике, — возразила Алиса.

— Раз так, начнем прямо с нее, — обрадовалась Черная Королева. — Тебе же хуже, моя милая.

— Ты ведь знаешь Сложение? — спросила Белая Королева. — Сколько будет один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один?

— Ой, я сбилась со счета, — испуганно ответила Алиса.

— Ну-с, с этим все ясно. Сложения она не знает, — заявила Черная Королева. — Но может быть, ее СЛУЧАЙНО научили вычитанию? Сколько будет, если отнять от семи восемь?

— Не знаю. — начала Алиса, — но зато…

— Нет! Она… не знает Вычитания! — печально сказала Белая Королева. — Но ведь ты, наверно, знаешь Деление? Правда? Раздели булку ножом — что получится?

— Может быть… — сказала Алиса, но Черная Королева махнула рукой и ответила за нее:

— Разумеется, бутерброд! У тебя еще осталась надежда исправить положение: вот тебе дополнительный пример на Вычитание: что останется, если отнять у собаки кость?

Алиса задумалась:

— Кость не останется, это ясно, я ее отняла… Собака тоже не останется: она побежит за мной, чтобы меня укусить… и уж тогда меня, конечно, тоже не останется!

— Что же, по-твоему, ничего не останется? — спросила Черная Королева.

— Да, наверно…

— Ответ, как всегда, глубоко ошибочный, — сказала Черная Королева, — останется собачье ТЕРПЕНИЕ.

— А почему…

— Это э-ле-мен-тар-но! —закатила глаза Черная Королева. — Собака потеряет терпение? Верно?

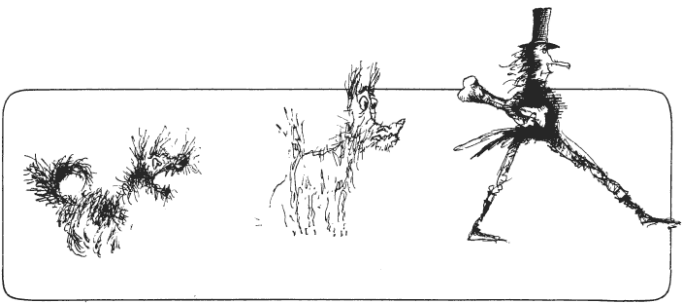
— Скорее всего… — осторожно ответила Алиса.

— Значит, если собака убежит, ТЕРПЕНИЕ останется! — торжествующе воскликнула Королева.

Алиса, стараясь сохранить серьезность, сказала:

— Да, но это… ТЕРПЕНИЕ ведь тоже может куда-

нибудь убежать, в какую-нибудь другую сторону. И потом, собака может потерять не ТЕРПЕНИЕ, а, скажем… скажем, САМООБЛАДАНИЕ. Тогда что? — но в то же время подумала: «О чем же это мы говорим?!»

— В Арифметике она ни в зуб ногой, — хором закричали Королевы.

— А вы? — спросила Алиса у Белой Королевы, страшно недовольная тем, что ее все время ловят на ошибках.

Королева тяжело вздохнула и зажмурилась.

— Я немного умею складывать, — сказала она,

— конечно, если это нужно не срочно. Но от Вычитания у меня всегда кружится голова…

— Ты знаешь азбуку? — спросила Черная Королева.

— Конечно, — ответила Алиса.

— Я тоже, тоже знаю азбуку, — прошептала ей на ухо Белая Королева. — По вечерам мы будем вместе повторять ее, дорогая. Ты знаешь, у меня есть один секрет, но тебе я скажу: я умею читать слова из одной буквы! Правда, феноменально? Но ты не расстраивайся, я уверена, что с возрастом и ты к этому придешь.

Тут снова заговорила Черная Королева.

— Вот тебе Простой Вопрос из Практической Жизни, — сказала она. — Как делают хлеб?

— Ой, это я знаю! — обрадовалась Алиса. — Сначала выращивают зерно, а потом везут его на мельницу, и там…

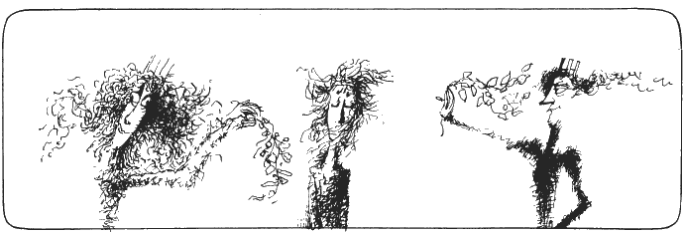
— НА МЫЛЬНИЦУ? — поразилась Белая Королева. — Неужели его там МЫЛЯТ?

— Конечно, нет, — объяснила Алиса. —Его там МЕЛЮТ.

— Это ты мелешь чушь, — сказала Черная Королева. — В тебе нет серьезности ни на копейку. Между прочим, — добавила она, — девочке не помешал бы Освежающий Ветерок. Она слишком

долго думала, и у нее начался жар.

Тут обе Королевы принялись обмахивать Алису зелеными ветками, пока она не попросила их перестать: Королевы подняли такой ветер, что в ушах свистело.

— Ну-с, она пришла в себя, — сказала Черная Королева. — Продолжим. Ты, вероятно, считаешь, что знаешь Иностранные Языки? Как будет ТРУ-ЛЯ-ЛЯ по-французски?

— Такого слова вообще нет, — ответила Алиса.

— А разве кто-нибудь говорил, что есть? — надменно спросила Черная Королева.

Алиса задумалась. Наконец ей показалось, что она нашла выход из положения.

— Если вы скажете, что значит ТРУ-ЛЯ-ЛЯ, я переведу его на французский! — воскликнула она.

Но Черная Королева поджала губы и ответила:

— Мы, КОРОЛЕВЫ, в сделки не вступаем.

«Если бы еще вы, КОРОЛЕВЫ, не вступали в споры», — подумала Алиса.

— Не будем ссориться, — взволнованно сказала Белая Королева. — Еще один вопрос, дорогая: отчего бывает молния?

— Молния, — решительно ответила Алиса, потому что на этот счет она была вполне уверена, — молния бывает от грома… то есть нет… — тут же исправилась она, — все наоборот!

— Поздно! — сказала Черная Королева. — Поправки не принимаются. Прежде чем болтать языком, следует подумать о Возможных Последствиях.

— Кстати, — вмешалась Белая Королева, мигая и теребя синий платочек, — кстати, в прошлый вторник была УЖАСНАЯ гроза. Я имею в виду один из позавчерашних вторников.

Алиса удивилась.

— У меня дома, — сказала она, — никогда не бывает по нескольку вторников одновременно.

— На твоем месте я бы это скрыла, — ответила Черная Королева, — а не хвасталась на каждом

перекрестке. У нас бывает по два-три дня одновременно. А зимой мы приглашаем по пять ночей сразу — чтобы согреться.

— А пять ночей сразу — теплее, чем одна? — осторожно осведомилась Алиса.

— Разумеется, ровно в пять раз теплее.

— Но тогда они и в пять раз холоднее, потому что…

— Совершенно вер-но! — отчеканила Черная Королева. — В пять раз теплее и в пять раз холоднее. А я в пять раз умнее и в пять раз богаче, чем ты!

Алиса вздохнула и смолчала. «Это вроде загадки без отгадки», — подумала она.

— Кстати, во время грозы я встретила Шалтая-Болтая, — ни на кого не глядя, пробормотала себе под нос Белая Королева. — Он стоял у соседнего дома и держал под мышкой чайник…

— Зачем? — спросила Черная Королева.

— Он сказал, что у него там живет дружок, — проговорила Белая Королева, — один гиппопотам. Но как раз в ту ночь гиппопотама там не было. Он вышел пройтись.

— А когда он там бывает? — спросила Алиса.

— Преимущественно по четвергам, — сказала Королева.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Шалтай-Болтай искал вовсе не гиппопотама. Он хотел расправиться с рыбками, которые…

Тут Белая Королева ее перебила:

— Я не могу без трепета вспомнить эту грозу! — прошептала она.

— Ты никак не можешь обойтись без трепета, — с упреком заметила Черная Королева.

— Крыша, — продолжала Белая Королева, — крыша провалилась, а в дыру посыпался гром — вот такими кусищами! Он перебил мне все стулья… и вообще мебель… не говоря уже о диванных валиках… От ужаса я побледнела и… и изменилась до НЕУЗНАВАЕМОСТИ!

«Как будто в такую грозу, — подумала Алиса, — да еще ночью, вообще кого-нибудь можно узнать!»

Но она промолчала, чтобы не обидеть Белую Королеву.

— Вы уж нас простите, Ваше Величество, — сказала Черная Королева Алисе и заботливо погладила Белую Королеву по растрепанной голове. — Мы все время хотим сделать как лучше, мы стараемся. И не наша вина, что мы все равно, как правило, несем совершеннейшую чушь.

Белая Королева стыдливо глянула на Алису.

Алиса почувствовала, что ей обязательно нужно сказать что-нибудь утешительное, но ничего не могла придумать.

— Мы отвратительно воспитаны, — продолжала между тем Черная Королева. — Но все-таки у нас сносный характер. Погладьте нас по головке и посмотрите, как нам будет приятно.

Но этого Алиса не осмелилась сделать.

— Немного ласки… и перманентная завивка… сделают с нами чудеса…

Белая Королева вздохнула и положила голову Алисе на плечо.

— Ба-аиньки… — протянула она.

— Бедняжку сморило! — сказала Черная Королева. — А вы, любезная, причешите ее… заплетите ей косичку… и спойте колыбельную.

— Я не знаю ни одной колыбельной, — ответила Алиса, доставая гребешок.

— Самую трудную работу, как обычно, взваливают на меня, — сказала Черная Королева и завела колыбельную:

Спи, Королева,
Скорее усни.
Три Королевы остались одни,
Трех Королев приглашают к столу,

Трем Королевам — почет на балу.

Спи, потому что нам скоро пора
На бал — до рассвета,
На пир — до утра.

Далее в том же духе, — добавила она и положила голову Алисе на колени. — Теперь спой колыбельную мне. Мне необходимо вздремнуть.

Через минуту обе королевы уже спали и тихонько похрапывали.

— Ну, а мне что делать?! — воскликнула Алиса, недоуменно взирая на спящих дам. — Наверно, никому еще не приходилось баюкать двух королев сразу. Никому! За всю Историю! Потому

что нигде ведь не бывает двух королев одновременно… Да проснитесь же вы, сони несчастные! — крикнула она, но в ответ раздался только мерный храп.

Королевы храпели все сильнее, и сквозь храп совершенно отчетливо доносились слова какой-то песенки. Понемногу Алиса стала различать даже отдельные фразы и страшно расстроилась, когда королевы внезапно куда-то исчезли.

Оказалось, что она уже давно стоит перед дверью, над которой большими буквами выведено:

«КОРОЛЕВА АЛИСА».

К двери были прибиты звонки. Под одним была приколочена табличка:

«ДЛЯ ГОСТЕЙ»,

а под другим — точно такая же с надписью:

«ДЛЯ ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ».

— Подожду, пока кончится песенка, — решила Алиса, — а потом позвоню. Только… только в какой звонок мне звонить? — озадаченно спросила она. — Я, по-моему, не ГОСТЬ, не ЖАЛОБА и

не ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Я — Королева. Здесь нужен звонок «ДЛЯ КОРОЛЕВ».

В это время дверь приотворилась, в щель просунулся чей-то зубастый клюв и сказал: «Приема нет. Сколько раз повторять!» — после чего дверь с треском захлопнулась.

Алиса долго стучала и звонила, пока, наконец, очень унылая и дряхлая Лягушка, сидевшая под соседним деревом, не встала и не заковыляла в ее сторону. На лягушке было платье в горошек и огромные сапоги.

— Чего надо? — спросила она сиплым басом.

Алиса обернулась. Она была готова поругаться с кем угодно.

— Кто здесь отвечает за эту дверь? — строго спросила она.

— Которую дверь? — удивилась Лягушка.

Алиса топнула ногой от злости:

— Конечно, вот эту!

Лягушка пожевала губами, подошла к двери и поковыряла ее лапой, как будто полюбопытствовала, отойдет ли краска. Потом она одурело взглянула на Алису.

— Кто отвечает за эту дверь? — переспросила она. — А зачем отвечать? Разве она чего-нибудь спрашивает?

Лягушка совсем осипла, и Алиса с трудом разобрала, что она сказала.

— Что вы имеете в виду? — для верности спросила Алиса.

— Я вроде ясно сказала, — ответила Лягушка. — Оглохла ты, что ли? Она тебя о чем-нибудь

спрашивала?

— Нет, — ответила Алиса. — Я в нее стучала.

— Зря… — прохрипела Лягушка. — Она у нас этого не любит.

Тут Лягушка подскочила к двери и ловко пхнула ее своим сапогом.

— Ты ее не трожь, — посоветовала она, снова направляясь к дереву. — И она тебя… не тронет.

В это время дверь распахнулась, и чей-то пронзительный голос запел:

Нам сказала Алиса: «Скорее ко мне!

Будем все пировать в Зазеркальной стране!

Я теперь буду править волшебной страной!

Не хотите! ли вы! отобедать! со мной?»

И сотни голосов подхватили:

Так наполним стаканы без лишних хлопот,

А кошек и мышек засунем в компот,

Попробуем пуха, а также пера,

И все прокричим трижды тридцать

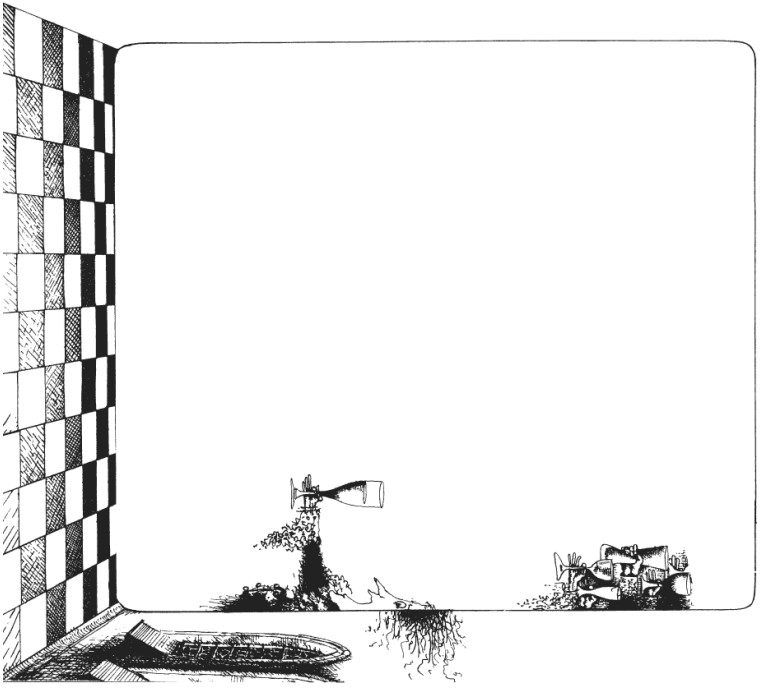
«УРА!!!».

Послышались крики и неясный шум аплодисментов. «Трижды тридцать — это девяносто. Интересно, считает там кто-нибудь или нет?» — подумала Алиса. Наступило молчание, и тот же пронзительный голос пропел следующий куплет:

Нам сказала Алиса: «Прошу вас учесть,
Что со мной пообедать — великая честь!
Потому что я правлю волшебной страной!!
Не хотите ли! вы! отобедать со мной?!»

И голоса подхватили:

Так налей мне в стакан керосин или клей,
А себе ты, дружище, касторки подлей.
Мы подушку съедим, простыню и матрас,
И крикнем «УРА!!!» семью семьдесят раз!»

— Семью семьдесят! — в отчаянии повторила Алиса. — Сколько же это будет! Лучше войти сейчас, а то... — Она вошла, и в тот же момент воцарилась мертвая тишина.

Проходя через зал, Алиса беспокойно оглядывала стол. Гостей было штук пятьдесят, и все — самого невероятного вида: там были птицы, рыбы, насекомые и даже цветы.

«Хорошо, что не я их приглашала, — подумала она. — Я бы ни за что не сообразила, кого позвать, а кого нет».

Во главе стола стояли три кресла. В них уже сидели и Черная и Белая Королевы, но кресло в середине пустовало. Алиса уселась в него, хотя ей и было не по себе. Все по-прежнему молчали, и Алиса ждала, когда же кто-нибудь заговорит.

Начала Черная Королева.

— Ты, как всегда, опоздала. Суп они уже навернули, — сказала она. — Подайте жаркое!

Прямо перед Алисой поставили блюдо с Бараньей Ногой. Она с тревогой посмотрела на Ногу, не зная, как с ней обращаться.

— Да не стесняйся! — сказала Черная Королева. — Я сейчас тебя с ней познакомлю. Алиса — Баранья Нога. Баранья Нога — Алиса.

Баранья Нога привстала на блюде и раскланя-

лась. Алиса тоже поклонилась, не зная, испугаться или нет.

— Хотите кусочек? — спросила она у Белой Королевы, взяв нож и вилку.

— Категорически возражаю, — решительно ответила Черная Королева. — Категорически возражаю против Отрезания Кусков От Наших Знакомых. Это бесчеловечно!.. Принесите пудинг!

Баранью Ногу унесли, а на ее место поставили Пудинг.

— Пожалуйста, не знакомьте меня с Пудингом, — прошептала Алиса. — Иначе мы останемся без обеда. Хотите кусочек?

Но Черная Королева быстро пробормотала:

— Пудинг — Алиса. Алиса — Пудинг… Унесите Пудинг! — И Пудинг мгновенно унесли, как раз в тот момент, когда он поклонился Алисе.

«Почему здесь распоряжается Черная Королева?!» — подумала Алиса и закричала:

— Принесите Пудинг назад! Немедленно!

И в тот же миг Пудинг очутился на прежнем месте. Он был огромный, как колесо, и Алиса сперва не знала, как к нему подступиться. Но все-таки она преодолела свою застенчивость, отрезала кусочек и подала его Черной Королеве.

— Хамство какое! — пробасил Пудинг. — А если бы я отрезал от вас кусок, что бы вы сказали?!

Он говорил густым, жирным голосом. Алиса ничего ему не ответила: она смотрела на него с открытым ртом и удивлялась.

— Тебе придется что-нибудь сказать, — заметила Черная Королева. — Неудобно, когда за столом высказывается один Пудинг.

— Вы знаете, мне сегодня прочли ужасно много стихов, — сказала Алиса и струсила, потому что в тот же момент наступила тишина и все уставились на нее. — И вот что, по-моему, странно: все эти стихи были про рыб. Почему здесь все говорят только о рыбах?

В ответ Черная Королева сказала нечто совершенно несуразное.

— Насчет рыб, — медленно и сурово проговорила Королева на ухо Алисе, — насчет рыб тебе лучше обратиться к Ее Белому Величеству. Она припасла для тебя очаровательную загадку… всю в стихах… и всю о рыбах. Я думаю, она нам ее прочтет?

— Как мило, что вы об этом вспомнили, — заворковала Белая Королева. — Это будет УПОИТЕЛЬНО! Можно, я прочту?

— Прочтите, пожалуйста, — попросила Алиса.

Белая Королева игриво улыбнулась и потрепала Алису по щеке, после чего прочла:

Рыбу ловят в пруду.

Как известно, для этого опыт особый не нужен.

Я на рынок пойду

И, конечно, куплю эту чудную рыбу на ужин.

Рыбу, я вам скажу,

Я ни жарить, ни парить, пожалуй, не буду.

Рыбу я положу

На огромное и чрезвычайно красивое блюдо.

Вот зову я слугу…

Но простите, а вы мне помочь не могли бы?

Оторвать не могу

Я проклятую рыбу от блюда, а блюдо от рыбы.

Пожеланье мое

Заключается в том, чтобы рыбу призвали к порядку.

Вы хотите ОТВЕДАТЬ ее?
Но сначала найдите ОТВЕД на загадку.

— Можете подумать, хотя это все равно не поможет, — сказала Черная Королева. — А пока… За здоровье Королевы Алисы! — взвизгнула она не своим голосом.

Тут все гости кинулись пить за здоровье Алисы, хотя и делали это кто как: одни нахлобучили стаканы на головы и слизывали капли, стекавшие у них по носу. Другие опрокинули графины и бутылки и вылизывали скатерть. Наконец, трое гостей, больше всего похожие на носорогов, забрались на блюдо с Бараньей Ногой и стали торопливо угощаться подливкой. «Как поросята»,

— подумала Алиса.

— Теперь попытайтесь выразить в краткой речи свою признательность гостям, — процедила Черная Королева.

— Не бойся, мы тебя поддержим, — прошептала Белая Королева.

Алиса послушно встала, хотя и чувствовала себя неловко.

— Спасибо, — шепнула она Белой Королеве, — но меня вовсе не нужно поддерживать.

— Вздор. Иначе ничего не выйдет, — сказала Черная Королева.

Алиса покорилась.

(«Они страшно толкались! — рассказывала она впоследствии о том, как королевы ее поддерживали. — Они сдавили меня с боков, как будто хотели расплющить меня в лепешку».)

Так оно и было: королевы пихались локтями и толкались так, что она чуть не поднялась в воздух.

— В моей краткой речи я хочу поднять вопрос о… — начала было Алиса. Но вместо вопроса она сама поднялась и повисла над столом. Еле-еле успела она уцепиться за скатерть и с трудом вернулась в прежнее положение.

— Берегись! — завопила Белая Королева и

обеими руками вцепилась Алисе в волосы. — Берегись! Сейчас начнется!

И тут действительно началось нечто невообразимое. Свечи выросли до потолка и принялись водить хоровод. Тарелки взмахнули ложками и, как воробьи, разлетелись по углам («Как самые настоящие воробьи», — подумала Алиса, если в такой неразберихе еще можно было о чем-то думать).

В этот момент она услышала хриплый смех где-то поблизости и, оглянувшись, увидела, что вместо Белой Королевы в кресле развалилась Баранья Нога.

— Ку-ку, вот и я! — раздался голос из кастрюли с супом.

Обернувшись, Алиса увидела, что из кастрюли показалась веселая улыбающаяся физиономия Белой Королевы. В тот же миг она бесследно исчезла в супе.

Нельзя было терять ни минуты. Некоторые гости уже лежали на блюдах, а с другого края стола в сторону Алисы направлялся ухмыляющийся Половник и злобно покрикивал:

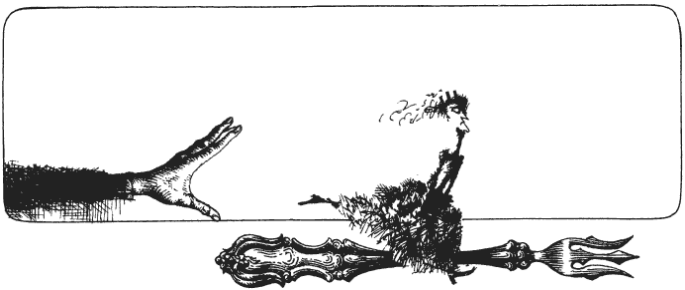
— Прочь с дороги!

— Довольно! — закричала Алиса и обеими руками потянула за скатерть: достаточно было одного рывка, и блюда, тарелки, гости, подсвечники полетели на пол…

— Ну, а тебя… — сказала она, в гневе обращаясь к Черной Королеве, которая, как она считала, была причиной всего этого безобразия… но Королевы рядом уже не было: она стала маленькой, совсем крошечной и теперь бегала по столу за своей шалью, а шаль волочилась за ней.

Но Алиса была слишком взволнована, чтобы чему-либо удивляться.

— Ну, а тебя, — повторила она, схватив крошечную Королеву в тот самый миг, когда она перепрыгивала через вилку, невесть откуда свалившуюся на стол, — ну, а тебя я возьму за шиворот, как котенка, и буду трясти, трясти, трясти, трясти…

Глава десятая
ВСТРЯСКА

Глава десятая

Встряска

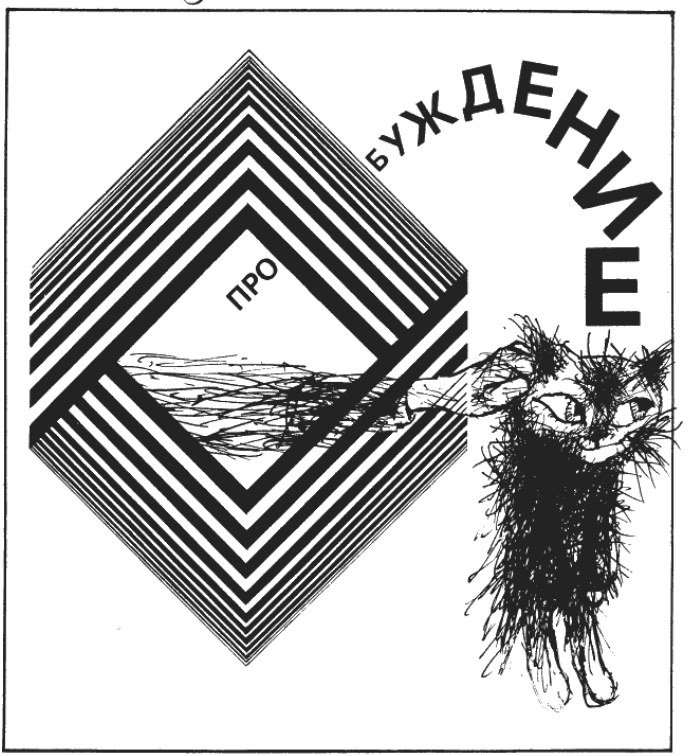

Сказав это, Алиса действительно схватила Королеву за шиворот и принялась ее трясти.

Королева и не думала сопротивляться. Чем сильнее трясла ее Алиса, тем меньше становилась Черная Королева. Она делалась все мягче и мягче… все круглей и круглей… все пушистей и пушистей, пока, наконец, Алиса не увидела, что держит за шиворот…

Глава одиннадцатая
ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава одиннадцатая

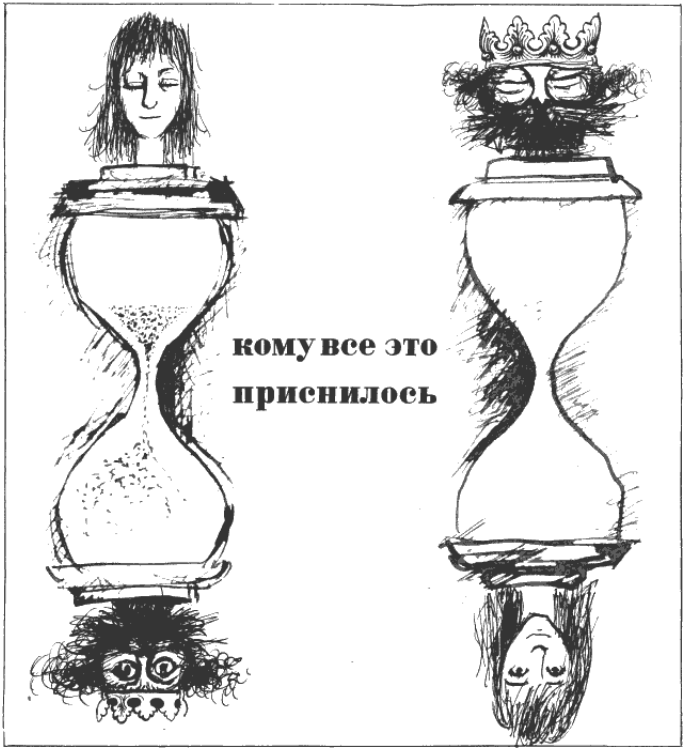

КОТЕНКА

Глава двенадцатая
КОМУ ВСЕ ЭТО ПРИСНИЛОСЬ

Глава двенадцатая

кому все это приснилось

— Может быть, Ваше Величество соизволит мурлыкать потише? — спросила Алиса, протирая глаза и обращаясь к котенку почтительно и чуть-чуть обиженно. — Из-за вас я не досмотрела сон… Ой! КАКОЙ это был сон!.. И знаешь, глупый котенок, ведь ты тоже был там… в Зазеркалье. Честное слово!

К сожалению, у котят (как уже давно заметила Алиса) есть дурная манера мурлыкать в ответ на любой вопрос.

— Вот если бы они мурлыкали в знак согласия, — рассуждала Алиса, — а мяукали, когда им что-то не нравится, с ними еще кое-как можно было бы разговаривать. Но чего от них ждать, если они всегда только мурлычут!

В ответ котенок замурлыкал. И кто знает, был он согласен с Алисой или нет.

Среди шахматных фигур Алиса разыскала Черную Королеву и поставила ее перед котенком.

— Ну, признавайся! — закричала она, хлопая в ладоши. — Признавайся: ведь ты был Черной Королевой?!

(«Но котенок, — рассказывала она впоследствии своей сестре, — отвернулся и притворился, что ничего не понимает. И все-таки он был немножко смущен. Поэтому я думаю, что была права».)

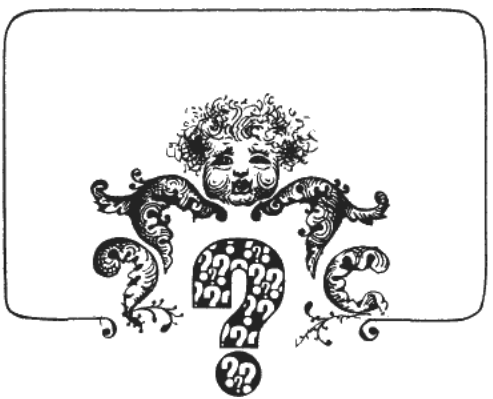
— Пожалуйста, будь посерьезней! — засмеялась Алиса. — И почаще делай реверансы, особенно когда думаешь, что… что мяукнуть. Запомни: это экономит массу времени!.. Послушай, Снежок, — обратилась она к белому котенку, которого по-прежнему вылизывала Дина. — Когда же, наконец, Дина отпустит Ваше Белое Величество? Вот, наверно, почему ты был так ужасно растрепан, когда был Белой Королевой… Дина! Ты и не знаешь, что вылизываешь Ее Белое Величество! Как тебе не стыдно! Разве можно так обращаться с Королевами?.. Интересно, а в кого превратилась Дина? — Тут Алиса села на каминный коврик, ведь так намного удобнее разговаривать с котятами. — Ну-ка, Дина, отвечай: ты ведь была Шалтаем-Болтаем? Правда?! Только ты пока не говори об этом знакомым, а то я все-таки не очень уверена. Кстати, Дина, если ты побывала в моем сне, тебе должна была больше всего понравиться одна вещь: там все время читали стихи про рыбу! Завтра я устрою тебе настоящий пир: пока ты будешь завтракать, я буду читать тебе «Тюленя и Плотника», и тебе будет казаться, что ты ешь карасей в сметане!..

— А теперь давай решим, кому же все это приснилось, — сказала Алиса черному котенку. — Ты

со мной согласен? И нечего все время лизать лапку с таким видом, как будто ты сегодня не умывался. Понимаешь, все это могло присниться или мне, или Черному Королю. Конечно, он был частью моего сна… Но ведь и я была частью его сна! Неужели все это приснилось Черному Королю? Ведь ты, глупый котенок, был его Королевой и должен знать, так это или нет… Ну помоги же мне! И перестань лизать лапку…

Но противный котенок сделал вид, что не слышит, и занялся следующей лапой.

Кому же все это приснилось, как ты считаешь?

* * *

А помнишь, как по синей воде
Легкую лодочку ветер гонит?
Июльский вечер. Покой везде.

Слушают дети. И солнце тонет:
Алый круг еще над рекой.
Памяти этой время не тронет.

Льдом и ветром, злом и тоской,
Едким снегом и тусклым светом
Зима покрыла июльский покой…

А память — она не рассталась с летом.
Но нет, я найду Алису! А где?
Сказка не может кончаться на этом.

Легкая лодка на синей воде.
Июльский вечер. Солнце садится:
Длинный луч скользит по гряде.

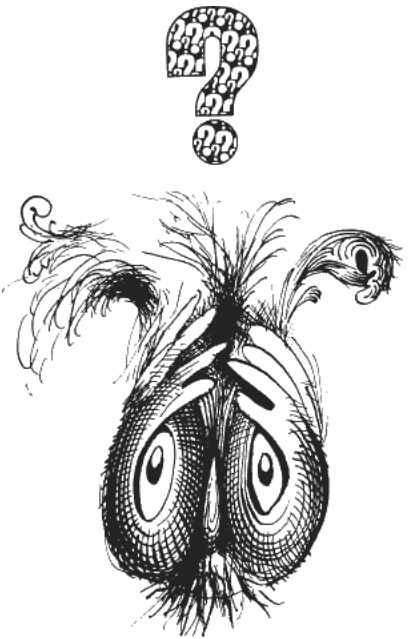
Да разве все это небылица?
Есть ли Алиса? Была ли она?
Легко ли поверить, что детские лица

—

Лишь одно дуновенье сна?

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. Орел. ЕИВОЛСИДЕРП. О ТОМ, КТО НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Глава первая. ДОМ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ
Глава вторая. В САДУ ГОВОРЯЩИХ ЦВЕТОВ
Глава третья. ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ
Глава четвертая. ТИЛИБОМ И ТАРАРАМ
Глава пятая. ПУХ-ПЕРО
Глава шестая. ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ
Глава седьмая. ЛЕВ И ЕДИНОРОГ
Глава восьмая. «ЭТО Я САМ ДОДУМАЛСЯ!»
Глава девятая. КОРОЛЕВА АЛИСА
Глава десятая. ВСТРЯСКА
Глава одиннадцатая. ПРОБУЖДЕНИЕ
Глава двенадцатая. КОМУ ВСЕ ЭТО ПРИСНИЛОСЬ

